Olga Kawecka

Joseph Martin Kraus and Johann Friedrich Hahn

The Composer and the Poet

OLGA KAWECKA

Joseph Martin Kraus
and
Johann Friedrich Hahn

The Composer and the Poet

2025

Olga Kawecka, *Joseph Martin Kraus and Johann Friedrich Hahn: The Composer and the Poet*

Published by Fabrika Pechati

This book contains an essay on the life of the Swedish composer Joseph Martin Kraus (1756-1792), an essay on Joseph Martin Kraus' works, and an essay on the life and works of J.M. Kraus' close friend, the German poet Johann Friedrich Hahn (1753-1779) as well as translations of some poems and letters of J.F. Hahn. The text is in English and Russian.

Olga Kawecka [Ka'vetska – a Polish surname] (b. 1987) is a historian, translator, prose writer, and poet.

ISBN: 978-5-6054739-1-6

Text, translation, design, layout © 2025 by Olga Kawecka

IN ENGLISH

Joseph Martin Kraus

(1756-1792)

The Romantic Life of Joseph Martin Kraus

Introduction

My musical acquaintance with Joseph Martin Kraus took place in the spring of 2012. Listening to his music, I felt – from the first notes – a wonderful sensation of warmth and unity with the composer. From the first notes, he seemed close to me like an old friend.

I listened to all his compositions, learnt German in order to read his letters (published in 1978), and studied all the materials related to him. Besides, I wrote several works about Kraus, namely the cycle of poems “The Loving Warmth” (2012, in my first collection of poems and translations «Только слово живет») and two novels – “Eternity Has Your Warmth” (2012, in my book “Minor Prose”) and “There Is No Life without a Friend” (2013). In my poems I speak of Kraus’ music, which seemed to me to be full of some salvatory, life-giving warmth coming from a caring, loving heart. In my novels I tell about Kraus’ love.

To me, Kraus’ romantic life was so comprehensible that I did not consider it to be necessary to elucidate something or to prove something. I understood his feelings and desires, his inner-

most core as mine. But in musicological and near-musical circles his romantic life is still being discussed and is often misunderstood; therefore, I decided to write this essay, although I am displeased to analyse the private life of the composer.

Joseph Martin Kraus was an excellent young man, with a comely appearance, a great musical talent, and a good character. He was remarkable for his exceptional charm and ability to win people round. He was even-tempered, confident, optimistic, and (in the best times of his life) very cheerful. He was not inclined to complain; he easily forgave others; he did not hold grudges; he remembered the good and forgot the bad. "He had a great knowledge of life, a pure personality free of usual musical whims, and a steady, calm character."[1] All this would suffice to win the heart of a lady and to marry her. Nevertheless, Kraus did not make the slightest attempt in this direction. There is no evidence of his romantic interest in women; but then there are indications of a different kind – few yet convincing.

I

In Kraus' life there were at least two important young men. The first of them was Johann

Friedrich Hahn (1753-1779) – a poet, one of the founders of the Göttingen literary circle *Hain* (or *Der Göttinger Hain*). Enthusiastic, ardent, resolute, "full of power and fire,"[2] he was an author of poems remarkable for their depth and energy. Kraus met him while studying law at the University of Göttingen, where he had arrived at the end of 1776 (judging by Kraus' letter to his parents, dated the 3rd of December 1776). As early as April 1777 Kraus wrote, naming outstanding (in his opinion) poets of his time in his work on the modern music "Etwas von und über Musik fürs Jahr 1777": "[...] Count F.L. Stolberg, the painter Müller, my H..."[3] "My H." – Johann Friedrich Hahn. This shyly-unfinished mention with the possessive adjective, put modestly at the very end of the phrase, expresses the importance of Hahn to Kraus and the level of their intimacy at that time. "*My* Hahn." Since he was mentioned not in a letter to a friend, but in a work intended for publication, this wording sounds especially intimate and deep. Kraus seemed to want to announce to the world that this splendid poet and wonderful person was *his*, his close one, his loved one... There is something youthfully-frank and profound in this mention, as though the whole sentence about outstanding poets were written only to mention Hahn.

As to Hahn, he certainly regarded his meeting with Kraus as God's miracle: on the 21st of December 1776 he had lost his most faithful friend

Baron Carl August Wilhelm von Closen, who had died of consumption at the age of twenty. “The most beloved of all whom my heart loved,” Hahn wrote about him in his poem “Erinnerung” [Remembrance].

Hahn and Closen lived in Zweibrücken; Hahn made Closen’s acquaintance while studying at gymnasium; they were also inseparable in Göttingen where Closen studied law since the 27th of April 1773. When they had to part for some time, they were so sad, as though they parted forever. Hahn described one of their temporary separations:

The Remembrance
In October 1772

Break, oh moon, your cloud, incline your smiling
Pale cheek hither – gently like the smile
Of comfort when it triumphs over
A lone weeping innocence.

Ah, my Closen! Oh you, the most beloved
Of all whom my heart loved, smiled thus –
Through the tears of farewell –
With your last, last gaze at me!

“Once more, press your heart to my heart, oh you,
The most beloved of all whom this heart loved!
Once more! – – Never again!”
I sobbed, wept loudly, and sank

To the stronger breast! His kiss was hot, and then:
“Here never again, oh friend! But death and Eden
Belong unto us, my Damon! –
Where love no longer weeps.”

Oh, my spirit is bowed! Break your cloud, oh moon!
Bowed to the grave... Shine upon me with comfort –
Ah! – with the comfort of death and Eden,
Where love no longer weeps.

At the time when this poem was written, Closen still lived in Zweibrücken, whereas Hahn was a student at the University of Göttingen: in 1771-74 he studied law, in 1775 he transferred to the faculty of theology and completed his studies in the summer of 1776. Thus, the separation described in the poem was either due to Hahn’s departure from Zweibrücken for Göttingen or Closen had visited him in Göttingen and was now returning home. The separation for several weeks (at worst, several months) seemed to their loving hearts to be eternal.

The poet Johann Martin Miller (1750-1814), Hahn’s comrade, mentioned one of those dolorous separations in his poem:

[...] But – alas! We separated.
On that day, unkind and dim,
For a long time, desolated,
I gazed sadly after him.
Ah, my Hahn, I saw him waving

Thrice to you; you saw him leave,
And a tear gleamed soft, trembling,
With your innermost grief.

Closen!... We shall be united
With our distant friend again.
All alone, as he parted,
He strolls somewhere, in pain...[4]

How painful it was for Hahn to part from Closen forever!... In December 1776 Closen was in Göttingen, whereas Hahn, who had already completed his studies, lived in Zweibrücken. In the collection of poems by Johann Martin Miller there is a poem titled “Der sterbende Jüngling an seine Freunde” [The Dying Youth to His Friends], dated “December 1776.”[5] In the poem a twenty-year-old youth, dying, recalls his life and speaks to his friends. It can be assumed, with a high degree of probability, that the poem was written about Closen, whom J.M. Miller had become friends with in Göttingen. The poem contains the following phrase: “[...] a few weeks ago, // No one bloomed as much as I did” [vor wenig Wochen // Blühte keiner, so wie ich]. If these words depict the reality, it turns out that the illness of Closen worsened quickly and his passing was sudden. Perhaps, when Hahn and Closen had parted, Hahn could not even suppose what had awaited him... Closen had certainly intended to come to Zweibrücken for Christmas, and Hahn had anticipated their joyous meeting, not the eternal

separation. Having learnt about the illness of Closen, Hahn arrived in Göttingen and was with his beloved until the end.

Hahn remembered Closen as a charming youth, cheerful and full of life; now he saw him dying – he saw him dead... With Closen, Hahn lost an enourmous part of himself. At that time, like a heavenly gift, there appeared Joseph Martin Kraus – a coeval of Closen, beautiful, passionate, cheerful, too... Although there is no written evidence, one can easily imagine that the meeting with Kraus became a resurrection of Hahn.

Kraus and Hahn were happy. Hahn introduced his new friend to writings of his comrades from the literary circle and to the works of Friedrich Gottlieb Klopstock. Kraus read Hahn's poems. Kraus loved poetry and wrote poems himself: how much he must be pleased that his friend was so talented a poet!

Kraus got to know Hahn completely, and nothing disappointed him: "[...] the only one whom I have got to know completely – to the last detail – studied to the smallest fiber [...]."[6] Kraus met a true friend in Hahn, he met himself in him, he found his fulfilment. "It is much – I repeat – it is much, very much to find one friend in one's life,"[7] asserted Kraus. It is enormous to find one friend in one's life, and only this lends a meaning to one's life. Neither success in creative work nor material acquisitions, but kinship of souls – spiritual brotherhood – lends a meaning to this flee-

ting earthly existence.

Kraus loved Hahn immensely. An author, who wrote about the composer in the nineteenth century, called Hahn "his ineffably beloved friend from his youth" [sin outsägligt älskade ungdomsvän].[8] Kraus did not want to part from his Hahn: in May 1777 he wrote to his parents that he hoped to find a job in Zweibrücken – be it a teacher or even a scribe.[9] However, he had another option conveyed to him through the poet Matthias Klaudius – a position as a conductor in Copenhagen. This was a good offer for the twenty-year-old musician! Anyone else would certainly have accepted it; but Kraus travelled to Zweibrücken to seek a job. For Hahn's sake, he rejected possible success in the musical field and went to a provincial town in search of a modest position that did not suit his nature at all. For his friend's sake, Kraus was willing to sacrifice music! – although creative work is one of the greatest values for a creative person.

At the beginning of June 1777 Kraus visited Zweibrücken, stayed at the Hahn's house, made an acquaintance of his hypothetical pupil (a certain Frenchman who was searching for a teacher of German), was disappointed in that Frenchman, and returned to Göttingen. In a letter to his parents (June 11, 1777) he lambasted the failed pupil as well as the Copenhagen idea, which now (when he wanted so little!) could seem to him to be the mockery of fate.

There was no possibility of settling near Hahn. In July 1777 Kraus made a decision that seemed to be contrary to his desire to live beside his friend: he decided to depart for Sweden. Why? There is no answer to this question. Kraus himself gave different versions in his letters to his parents and even admitted when he already lived in Stockholm: "How I came here, I did not know" [Wie ich hieher kam, war ich unbekannt].[10] How could he leave a loved one whom he was happy with? To leave him – after having been willing to sacrifice success for his sake... To leave him in order to remember him forever...

Kraus tore himself away from Hahn painfully. In a letter to his parents (April 3, 1778) he unbosomed himself: "In my homeland and everywhere I have wandered since I can remember, I have found (besides you, my dear) one person whom I should have wished that you loved as much as myself – the surest sign that he was a friend who are few. He was the young Hahn from Zweibrücken – the only one whom I have got to know completely – to the last detail – studied to the smallest fiber, and who once was who he was and lost nothing in dissecting [in the separation of Kraus and Hahn], for he completely – ha! – the image – stands so complete, so deep within me; I cannot express this as I should like to. And he – he was taken from my side, and with him – *all*. God! I thank you: it is much – I repeat – it is much, very much to find one friend in one's life."[11]

Kraus continues: “So, I have few persons to think about, who are truly dear to my heart – you, my siblings, and my only friend...” Note the importance of Hahn to Kraus: Kraus mentions his loved ones, and Hahn is included in this enumeration.

The fact that Kraus had a possibility to get to know Hahn so well testifies both to Hahn’s trust in Kraus and to Kraus’ perspicacity and advertency. To all appearances, there were no barriers between the young men, and they could trust each other completely.

Kraus writes that Hahn’s image is deep within him, and he admits that he cannot express what he should like to. This sensation of a friend’s image in one’s soul, in one’s own self is nothing else as the feeling of love. When one is in love, one’s thoughts and emotions are focused on one’s beloved, and this creates an impression that the beloved’s image, his warmth and love are present within oneself.

Kraus realises that he lost *all* with Hahn, to wit Hahn *was all to him*; and he thanks God for Hahn forthwith, understanding that one true friend is much. I had such a friend (a young man), and I agree with Kraus.

The aforenamed positive opinion of Kraus shows that he and Hahn had no quarrel that could have been the reason for Kraus’ departure. Kraus did not want to depart, but he did, at the end of April 1778.

On the 10th of September 1778 Kraus unbur-

dened himself (as much as he could) in a letter to his parents: “When I walk back and forth by the sea in the evening, left to myself and my melancholy, then I compare the landscape with my homeland, I recall all my days, most of which I have lived so uselessly, so miserably, I conjure up before me my loved ones, whom my whole heart depends on, – and images float before me like ghosts, and – I cry! – Ha! You all do not see the tears which an undivided heart cries with – those that are separated from me by the sea.”[12]

Did Kraus write to Hahn from Sweden? There exists a fragment of Kraus’ letter dated the 4th of March 1779. The first biographer of Kraus, F. Silverstolpe, published only that fragment in his book on the composer: perhaps, the concealed part contained something too personal. However, in the survived excerpt there are words which suffice to understand the nature of Kraus’ attitude towards Hahn: “I had nothing to do here; I could depart, but I did not; I incurred debts, and I cannot depart – the reason why I am writing to you what I wanted to tell you. I often thought about you – only about you – for you I forgot my father and mother, who weep over me like a refugee. Your Kraus.”[13] In a foreign country, where Kraus had to endure many hardships, he thought neither about his home nor his relatives nor his own fate, but about his friend. *Only about him*. One thinks so much solely about one’s beloved. Only a dear person can occupy one’s thoughts complete-

ly – even if life turns into a struggle and everyday worries take all one's strength. However, negative circumstancies make one miss one's beloved still more, they make one think about him, they make one long for him... These words "I often thought about you" suffice to understand how important Hahn was to Kraus. Kraus wrote to his another beloved, Johann Samuel Liedemann, in March 1785: "I chained myself to my first friend Hahn, I chained myself forever."[14] "Forever" – this is a clear proof of the strength of Kraus' love for Hahn, for he not only felt it seven years (!) after the parting from his friend, but also told about it to the one whom he loved passionately at that time. How much he loved Hahn that Hahn's image was not eclipsed by another one even after years!... But – how could Kraus part from Hahn? Perhaps, he hoped to arrange his life and, thus, his destiny with Hahn... This is my supposition, but, considering all the available facts, only this scenario seems plausible; otherwise – why to tear oneself away from one's beloved, for whose sake one refused a good offer?

Kraus' letter to Hahn, written on the 4th of March 1779, was delivered late. Hahn's parents forwarded it to Kraus' parents, and they informed their son of the death of his only friend.

After Kraus' departure, Hahn lapsed into melancholy incomprehensible to those who were not kindred to him; he abandoned all his occupations, destroyed his unpublished writings, and

died on the 30th of May 1779. Such an end of a young man, who had been cheerful, ardent, and strong spiritually, could be only the result of the deadly anguish of loneliness. That anguish aggravated his physical illness. Hahn's health was very fragile: this is known from Kraus' letter to Liedemann, whom he wrote about Hahn in March 1785: "[...] weaker in body and more impetuous in spirit than I [...]."[15] It can be assumed, with a high degree of probability, that Hahn had consumption, for no other disease produces the combination of physical weakness and spiritual uplift that was characteristic of Hahn. Under the influence of constant negative emotions, the immune system declines in strength, and tuberculosis progresses.

Without Kraus, Hahn had only the grave of his first friend Carl August Wilhelm von Closen and memories of the happiness with Closen and Kraus. A year, two years, six years earlier, he had had life, an enthralling occupation, comradeship, and the persons whom he had loved and who had *understood* him, he had had a reason to live; now there remained solely the pitch-dark loneliness near the grave. It was of no importance that there might be some persons physically nearby: it is not others' presence that matters, but *understanding*. Loneliness among strangers is still more poignant than in total isolation. Hahn no longer had kindred persons. Besides, there were difficulties in Hahn's family. As it is known from his letter writ-

ten at the beginning of 1775, his father was gravely ill. The father was the only breadwinner. If at the time when Hahn was afflicted by Kraus' departure, he was worried about his father (and, perhaps, about his mother, who might be ill, too, judging by her untimely death in February 1780) as well as about financial problems, his situation was dire. Where could he find spiritual strength to live? And – what for? Even if Kraus had not departed forever (this is the most plausible); for Hahn, his departure was equivalent to a loss. He had taken leave of Closen for several weeks or months as though for eternity, too; but the importance of Kraus could be still greater to him (after the passing of Closen) and therefore the pain of the separation could be far stronger. Moreover, Hahn could worry about Kraus' health, for Kraus *probably* had consumption (the first hemoptysis had happened in Göttingen in April 1777). Furthermore, he could suppose that he himself did not live to see Kraus again. It is possible that Hahn regarded their separation as eternal. If Kraus did not write to him (save the letter dated the 4th of March 1779), Hahn could assume the worst and re-live the loss.

At that time human relationships meant far more. As an example, I can cite the farewell of Counts Christian and Friedrich Leopold Stolberg to their friends from the Göttingen literary circle in September 1773. The counts intended to depart for Copenhagen. They were with their friends

until the morning; all wept, consoled each other, and tried to distract one another from sad thoughts by playing the piano, reading poems, and joking, but in vain. Hahn and Johann Martin Miller, with tears in their eyes, sought amusing aspects in everything (note Hahn's optimism!). After leaving his friends, Count Friedrich Leopold Stolberg even stopped writing poems for some time, while his friend Johann Martin Miller, who stayed in Göttingen, missed him very much and visited the rivulet by which they had often sat together... Such were friendships, such were separations. How much more the loving Hahn was distressed by Kraus' departure and, perhaps, the fear for Kraus' life!... The longing for the deceased one (only a year and a half had passed after the death of Closen when Kraus departed for Stockholm) and the yearning for the absent one, in an unfamiliar and unbearable loneliness, without a true friend, with fragile health, financial problems, and hardships in the family – all this would suffice to exhaust the strongest personality and the firmest will. I know what Hahn felt.

Was Kraus' letter dated the 4th of March 1779 the only one to his friend or the only one that survived? Its fragment sounds as though there were no more letters: Kraus sums up his experience of staying in Sweden and admits that he often thought about Hahn. But he could repeat these words or write something else in his previous letters: the impression of the excerpt does not prove

anything. Theoretically, since Kraus parted from Hahn peacefully, he should have written to him. However, considering that letters were often delayed or lost, correspondence would have been little consolation to them both.

Kraus wrote about Hahn to J.S. Liedemann in March 1785: “He, weaker in body and more impetuous in spirit than I, finally became a victim; I was left behind and vegetated.”[16]

With the death of Johann Friedrich Hahn, Kraus lost his only friend whom he had at that time, and the literary world lost a great poet. Johann Martin Miller wrote in his collection of poems in 1783: “Hahn, the noble one, is no longer alive. If Germany had known him as his friends knew, how many tears would have been shed over his grave!”[17]

The sociable Hahn, full of spiritual strength, passion, and enthusiasm, sank after Kraus’ departure, and Kraus “was left behind and vegetated” after the passing of Hahn. So strong was their love.

II

In October 1782 Kraus – already Kapellmeister at the court of the Swedish King Gustav III – set forth on a journey around Europe, by the King’s decision. On the 1st of April 1783 Kraus ar-

rived in Vienna. There he made an acquaintance of the musical connoisseur and commercial agent Johann Samuel Liedemann. At that time Liedemann worked as a trading agent of Emerich Horváth-Stansith, carrying out his purchases in Vienna. Liedemann's responsibilities included purchasing high-quality day-to-day goods as well as books, magazines, sheet music, and musical instruments. Besides, Liedemann acted as a liaison to the musical life of Vienna, where he personally knew many outstanding musicians. Nevertheless, he spoke very modestly of himself as a connoisseur, in a letter to Horváth-Stansith: "I must assure Your Lordship that, although I myself do not know much about music, I am a great lover of music, and since I have some very good friends among the local virtuosos, I entertain myself with quartets and quintets every Sunday in winter, and I am often lucky enough to make an acquaintance of music lovers who come to hear one or another virtuoso, who sometimes plays something in my house that he wants to be heard."[18] Liedemann had a kind of a music salon at home, where invited musicians played.

It is not known where and how Kraus met Liedemann. In Kraus' travel diary there is an entry dated the 21st of April 1783: "A concert at Liedemann's." This means that they met no later than this date.

The meeting of Kraus and Liedemann became the beginning of a passionate mutual love. Kraus

wrote in the poem "Der Abschied" ("Skulda winkt") [The Farewell, or Skulda Beckons], which he dedicated to Liedemann: "I confessed my love to you" [sagt' ich dir Liebe zu]. This sentence testifies to the romantic nature of their relationship, for one does not confess one's love to a friend. Kraus calls himself and Liedemann "lovers" that clearly indicates the mutuality of their affection: "A more noble flame in the bosom of the lovers" [die edlere Flamme im Busen der sich Liebenden].

Kraus was happy in Vienna. Beside him, there was a person whom he was comfortable with; a person, whom he could trust; a person, whom he loved unconditionally. Five years after parting from his beloved Hahn, Kraus could feel the bliss of love again.

Liedemann tried to please Kraus in every possible way and arranged concerts with invited musicians in his house specially for him: "In order to please him, I arranged 3 concerts where musicians from the Esterhazy estate played."[19] Thanks to Kraus, Liedemann made new musical acquaintances: "The Kapellmeister, who gave all his performances in my house, also helped me to make several acquaintances."[20] Besides, Kraus helped him to evaluate new instruments: "[I] have examined the instruments [pianos] with the Kapellmeister of the King of Sweden *Herr* Kraus and the pianist Richter."[21] Liedemann was to choose a piano for Horváth-Stansith's residence.

As to Kraus' musical talent, Liedemann wrote to Horváth-Stansith: "Musicians and great masters as Gluck, Haydn, Salieri, Albrechtsberger admire him and cannot but admire the purity of his composition and the precision which he balances every note with, performing naturally yet attentively. [...] I am lucky to be honoured by his warmest friendship; therefore, he left me all that he had. At the present time he works only on operas. [...] From his compositions, we have 1 overture for his opera, 1 quartet from his earlier works, and 1 sonata which he dedicated to me as a sign of friendship. Now he is working on a symphony, which he will leave to me, too. Perhaps, it is friendship that allows me to speak of him thus; however, I must assure Your Lordship that I do not dare to judge music, and all that I have written here is the opinion of those who understand music."[22] In this letter Liedemann informed Horváth-Stansith that he would send him two arias of "*Herr* Kapellmeister Kraus."

The aforenamed overture is from the opera "Aeneas i Cartago," the quartet is probably one of six string quartets dedicated to the King Gustav III, and the symphony, which Kraus was working on, is the Symphony in C minor. There is an opinion, based on the writings of F. Silverstolpe, that this symphony was dedicated to Joseph Haydn. Silverstolpe quoted Haydn's words, but he did this twice and with different meanings. In one place he quoted the composer's words thus: "I

have his symphony.” This means that Haydn has the score of Kraus’ symphony. In another passage Silverstolpe conveyed Haydn’s words differently: “The symphony in C minor, which he composed here, in Vienna, specially for me.” Since there are fundamental differences in the quotations, the assumption based on them that the above-mentioned symphony was dedicated to Joseph Haydn is invalid. Judging by the emotional colouring of the symphony – an extraordinarily-vivid and passionate colouring, it might be inspired only by love, to wit by Kraus’ relationship with Liedemann. This symphony is sounding passion, the very expression of love – a living, flaming, and deep love. Many works of Kraus are remarkable for impetuosity and energy, but the Symphony in C minor stands out even among them. It can be said that this is the most emotionally-charged, sensually-intensive composition of Kraus’ works. The emotional component of the symphony suits perfectly to Kraus’ attitude towards his beloved Liedemann, not to his professional attitude towards the composer Haydn.

Liedemann was impressed by Kraus and continued praising him as a musician in his letters to E. Horváth-Stansith even after Kraus’ departure from Vienna. For example, in the letter dated the 26th of December 1783 Liedemann quoted the joking words of J. Haydn: “He is a great admirer of Kraus and says the following: Kraus’ works are not to his [Haydn’s] lord’s taste, but when the

lord is absent and he wants to spend time well, he asks to perform Kraus' works for him."[23]

Kraus intended to stay in Vienna until the end of November, as it is known from Liedemann's letter to Horváth-Stansith, dated the 2nd of September 1783; but on the 2nd of October Kraus received the King's orders to proceed farther, to Italy.

Kraus departed from Vienna at the end of October 1783. Irmgard Leux-Henschen writes that the farewell took place in Vienna on the 27th of October 1783;[24] I do not know what the author bases her statement on. In the poem about the parting from Liedemann ("Der Abschied" or "Skulda winkt") Kraus, using imagery from Germanic-Scandinavian mythology, tells about the overwhelming force of destiny, which he has to obey resignedly and to follow it like a shadow, parting from his beloved, but their bond is eternal. Notwithstanding the utterly-artistic representation, real events are clearly visible:

Skulda Beckons

In vain the tarrying one's foot is rooted;
in vain the longing gaze lingers
at the eyes of the one whom I loved
like myself.
    Skulda beckons.
She saw the tears –
the trembling tears of farewell –
and felt no pity.

She saw the last striving of the powerless arm,
she saw the mournful struggle –
and felt no pity.
But she saw the sorrowful yearning,
she heard the anxious beating in the breast –
she saw a more noble flame
in the bosom of the lovers –
and she felt pity.
    In the dread weaving
of lookouts of Valhalla
she covered her eyes from the first
tear of pity,
averted her softened gaze
away from the touching scene,
and raised her iron finger
for the final sign.
    Skulda beckons.
She flies on hasty feathers,
and the ether parts, sighing,
to the rustle of the waving veil.
    Skulda beckons – I follow her.
Thus, with leaden steps,
a shadow
follows the commanding flame of high Obaddon.
    In Wingolf's sacred grove
I confessed my love to you.
Thor heard the friends' oaths
and blessed the bond.
    In Braga's sacred arbour
I swore my love to you,
and Braga gave his blessing,
and the bond is eternal.[25]

Silverstolpe remarked about this poem: "It is

small in size, but great in all other respects, and it is a true ode."[26] He wrote that the poem was addressed to Liedemann: "[...] 'Der Abschied' written by Kraus to L. when they parted in Vienna" [*Der Abschied*, skrifvit från Kraus till L. då de i Wien åtskilldes].[27] I. Leux-Henschen, on the contrary, presumes that Kraus created the poem for Hahn when he was departing from Göttingen, and later it was re-dedicated to Liedemann. This supposition is highly debatable, for Kraus' love for Liedemann was too strong to re-dedicate poems to him instead of writing new ones. Had he not sufficient thoughts and feelings to create a new work?... Furthemore, the idea of the overwhelming force of destiny, which he had to obey, corresponds to his departure from Vienna, not from Göttingen. Kraus parted from Hahn by his own decision; he left Liedemann, obeying the King.

The poem expressively depicts the farewell scene and precisely conveys emotions: one can easily imagine the lingering yearning gaze into each other's eyes, tears welling up, the agitated beating of two loving hearts clenched with longing, "the last striving of the powerless arm" – a movement to touch the beloved once more in a helpless attempt to hold him near – to avert the imminent separation...

In 1785, in Paris, Kraus set this poem to music and sent it as a gift to Liedemann. This is a composition for solo voice and piano "Der Abschied." The composition is expressive, deep, and passio-

nate, as though it were created in one breath, in one movement of feelings of love, longing, and hope. It is remarkable that the phrase "Den ich liebte, // den ich liebte wie mich selbst" [whom I loved, whom I loved like myself] is sung twice. The repetition emphasises the power of the feeling: neither metaphors nor other imagery are necessary – it suffices to say about love once more, trying to *say* love. What depth of the emotion this simple repetition contains!

There is one more dedication to Liedemann – the Flute Quintet in D major (Vienna, 1783). This is a gentle colourful work shining with the finest shades of emotions – those of love, tenderness, passion, gratitude...

The power of love between Kraus and Liedemann was extraordinary. Two and a half years after the parting, on the 10th of June 1786, Kraus began his letter to Liedemann with the address invented by himself: "Beloved loving one!" [Lieber Liebender]. To all appearances, Liedemann had written something about his affection for Kraus in the letter which the composer replied to, judging by his enthusiasm and desire to express his love for Liedemann: "Beloved! If only I could embrace you now, and caress [sattherzen] you, and kiss [sattküssen] you until satisfied!" The verb "sattherzen" can be translated as "to caress," "to cuddle." The prefix "satt" means "until satisfied," "until one is sated." The verb "sattküssen" has the same prefix. To caress the beloved and to

kiss him until satisfied. The key notion is "*until satisfied*" [satt-]. This passage does not imply friendly embraces and kisses, but a long, passionate caress *until satisfied*. The desire is not friendly, but romantic, erotic.

What evoked this elation of Kraus? His words are preceded by the phrase "Now – to your roman." Perhaps, Liedemann wrote something ardent about their relationship in his letter (for example, he might recall what had been three years earlier), and Kraus responds to him passionately: "Beloved! If only I could embrace you now, and caress you, and kiss you until satisfied, thanking you for all the pleasure which you have given me therewith!"[28] "Therewith" [damit] – with embraces, kisses, and caresses at that happy time in Vienna. To all appearances, Liedemann also told about his longing for Kraus and his reflections on their reunion in the life to come, for Kraus writes soothingly further: "Health and blessings to the pious sufferers who foresee another, better life, and, succumbing to a harsher fate, rejoice in a distant, distant crown from the hand of their *only* one! Certainly, there is something unspeakably harsh in the thought that misery is truly misery solely to the one who feels it, that solely *he* is condemned to endure what should indeed be only a consequence of a crime. But, my friend, without this pressure of humanity, the feeling would, I am sure, always only speak and never act." At the end of the letter Kraus says: "One more word: I love

you undividedly, my dear. Do the same; otherwise, may Heaven have mercy on you! May Heaven decree that one day we may walk peacefully hand in hand to another, better world!"

It is noteworthy that these ardent words were written almost three years after the parting. Sometimes feelings fade with the passage of time, even if a loved one is nearby; how much Kraus loved Liedemann that he addressed him so passionately and tenderly after a long time!... And how much Liedemann loved him that Kraus felt his love even after years!... If Kraus' letter had been written soon after the farewell, its tone would have been expected. But it was written almost three years later, which shows the depth of their love – *mutual* love, for Kraus' affectionate letter was a response to something similar.

It should be noted that many letters written by men to men in the eighteenth century are imbued with great tenderness. For example, Count Friedrich Leopold Stolberg wrote in his early letters to his acquaintance J.H. Voß: "I kiss you a thousand times," and: "I hold you close to my heart." Other authors used still more passionate wordings. As a rule, only words of greeting and farewell were affectionate, and they were merely words – standard forms of writing, which did not imply any real action: epistolarians did not express any *desire* to kiss or embrace, they did not recall it, nor did they expect it. The affectuosity (warmth) of letters was only a manner of writing,

it did not come from real love (although this cannot be denied in some cases). The fundamental difference of Kraus' letter to Liedemann is that Kraus' style is not tinged by such ceremonial affection: his expressions of love are *sincere*, not formal. This is additional proof that Kraus was in love with Liedemann.

Kraus trusted Liedemann, he could be himself with him, he could talk with him about important things, they also enjoyed spiritual closeness – this conclusion can be drawn even from a single letter dated the 10th of June 1786.

F. Silverstolpe had at least fifteen *copies* of Kraus' letters to Liedemann, which the latter had sent to the biographer. Liedemann and Silverstolpe never met in person. When Silverstolpe was in Vienna (from 1796 to 1803), Liedemann lived in Hungary. (It is noteworthy that Liedemann took Kraus' letters when he moved from Vienna to Hungary, to wit they were dear to him). Besides the copies of fifteen letters, Liedemann sent a copy of the poem "Der Abschied" ("Skulda winkt") to Silverstolpe.[29] It is impossible to say how accurate the copies were. Perhaps, Liedemann copied Kraus' materials with some modifications. Silverstolpe inventoried the copies of Kraus' letters, which he had obtained from Liedemann:

November 13, 1783; Triest
December 5, 1783; Florence

March 6, 1784; Naples
March 16, 1784; Livorno
July 4, 1784; Paris
October 22, 1784; Paris
February 4, 1785; Paris
March 1785; Paris
July 17, 1785; Paris
August 24, 1785; Paris
November 7, 1785; Paris
November 28, 1785; Paris
November 29, 1785; Paris
February 7, 1786; Paris
June 10, 1786; Paris

The last letter was dated the 10th of June 1786. Were those words of deep love the last that Liedemann received from Kraus? In December 1786 Kraus returned to Sweden. Perhaps, he did not want to write to his beloved thence, and this may explain the absence of further letters. But, most probably, Silverstolpe had an incomplete correspondence at his disposal. It is doubtful that Liedemann could have given copies of all the personal letters to a third party and, moreover, for publication.

As to the above-listed copies, Silverstolpe published only fragments of three of them (in Swedish translation) in his book on the composer "Biographie af Kraus, med Bilagor af Femtio Bref ifrån Honom" (1833), namely fragments of the letters dated the 5th of December 1783, March

1785, and the 10th of June 1786. It is possible that Silverstolpe did not consider it necessary to publish all the letters to Liedemann (as well as many Kraus' letters to his parents), for Silverstolpe's book contained only selected epistles of the composer.[30] But where are the copies of twelve unpublished letters to Liedemann? The most plausible explanation is that they are somewhere in archives. Some authors believe that those materials were destroyed.* If they were indeed destroyed, then perhaps it was not Silverstolpe's decision, but the decision of Kraus' sister Marianne. There is something suspicious in her words written to Silverstolpe: "Could one not also get contributions from letters from this friend Liedemann? [...] He will not be worthy of the memory of the deceased, if he does not assist you in your noble endeavour."[31] These words sound like a provocation towards Liedemann, as though he were obliged to give his personal materials to a stranger and, moreover, for publication. Perhaps, Marianne knew something about Kraus' relationship with Liedemann, and she tried to get those letters in order to destroy them. Maybe, the disappearance of the copies of twelve letters was Marianne's idea? Silverstolpe himself could not annihilate them: why did he inventory them, then?

* They assert that Silverstolpe destroyed Kraus' *letters* to Liedemann. Since Silverstolpe had their *copies*, he physically could not destroy the *letters*.

The continuation of Kraus' travel diary is also lost. He started keeping a diary at the beginning of his journey around Europe; the last entry in the surviving part was dated the 22nd of April 1783, but it is known from his letter to his parents (November 18, 1783) that he continued writing: "I should willingly share some excerpts from my diary with you, but something will be unimportant to you, and the most part will be incomprehensible to you."[32] Perhaps, Kraus lost the diary – or someone did it on purpose afterwards. By the 22nd of April 1783 Kraus had already made an acquaintance of Liedemann, and it is probable that the diary contained something very intimate. The disappearance of most of the copies of Kraus' letters to Liedemann and the disappearance of the part of Kraus' diary coinciding with the time of his romance with Liedemann – all this seems to be the result of someone's actions.

If someone indeed destroyed twelve copies of Kraus' letters and a part of his diary, what they might contain? In the eighteenth century displays of affection (at least formal affection) between men were almost normal; they did not cause surprise in the following century either: rather romantic materials could be easily published. For example, F. Silverstolpe's contemporary was the Swedish poet Erik Julius Sjöberg (Vitalis, 1794-1828), who wrote love poems to men. His works were published at almost the same time as Silverstolpe's biography of Kraus with some letters of

the composer. Moreover, Sjöberg's poems were translated into German – for example, the poem "Minne och Tro. Till en Förlorad Vän" [Memory and Faithfulness. To a Lost Friend] written to a young man in 1819, with the unambiguous sentence: "Do you believe in that land of my longing// Where the speech is not of words, but of kisses?" The poem ends thus: "Beloved, become mine again, then!"[33] In 1828 it was published in Sweden,[34] in 1843 it appeared in German translation.[35] The similar passage (about kisses and caresses) in Kraus' letter to Liedemann (June 10, 1786) was preserved, for such things – declarations of love, words about embraces and kisses – did not surprise either the Swedish society or Silverstolpe himself. It is possible that the concealed materials of Kraus contained something far more personal... Of course, the personal content in the copies of Kraus' letters could have been limited, for it was Liedemann himself who gave them to Silverstolpe.

The disappearance of Kraus' materials only emphasises the romantic nature of his relationship with Liedemann.

Afterword

In conclusion, I should like to say a little about what may be misinterpreted in Kraus' private life.

The most unexpected thing that one could find in Kraus' works was the undated composition for solo voice and piano "An mein Mädchen" ("Liebe, Liebe, welche Freuden") [To My Girlfriend; Love, love, what joys]. Owing to a strange oversight on the part of other researchers, the lyrics were attributed to Kraus. I effortlessly identified the author, on the 7th of April 2025: he was Johann Martin Miller. The poem used for Kraus' composition was published in J.M. Miller's collection of poems in 1783. I informed B.H. van Boer of my discovery, by email, that day; he replied that he would make amendments to his writings on the composer. The very fact that Kraus set someone's else poem to music indicates that there was no personal motive in creating the song, otherwise Kraus would have used his own text (as was the case with "Der Abschied" dedicated to Liedemann).

There are no other ambiguous musical compositions in Kraus' legacy; but one finds a couple of strange statements in his letters to his parents. The first statement was in the letter dated the 26th of June 1784. On the 21st of June Kraus arrived in Paris. On the 26th of June he wrote to his parents about the city and its population. He was astonished by the ignorance of local residents, who, according to him, faintly imagined the world beyond Paris. In order to illustrate this, he told: "My girl [mein Mädchen] asked me yesterday whether there are cats in Germany."[36] Thereafter he conti-

nued his critical depiction of Paris. At the end of the letter Kraus seemed to realise with surprise: "Ah, I turned 28 years old the day before yesterday, but I have no wife!!!" Never before (in the surviving letters) had Kraus written such things. What does all this mean?

Kraus arrived in Paris on the 21st of June. The "girl" was mentioned in order to show the ignorance of the residents of Paris, to wit she lived in Paris. How could Kraus make an acquaintance of a girl in an unfamiliar city during a few days and become so close with her to call her "my girl"?...

To all appearances, his parents were perplexed, too; they believed his story and suspected something. In the next letter, dated the 31st of July, Kraus tried to calm their worries about whether he was being distracted by "wine, girls, and other things." He certainly did not understand what had aroused suspicion (he had already forgot his words about the "girl"), but his parents' supposition seemed to amuse him, for he proved his innocence by claiming (cheerfully and with deliberate pathos) that he had been in love with a certain girl for a year (to wit since 1783) and therefore to look at others was similar to a "deadly sin." Thus, Kraus unawarely contradicted what he had written in his previous letter.

Judging by Kraus' next letter (dated the 22nd of August 1784), his parents did not believe his new revelation and remarked something about the previous one. Since those two statements we-

re contradictory, Kraus had no choice but to admit (at least partially) that he had lied. He wrote to his parents on the 22nd of August 1784: "Father is right, the word about 'girl' was a half-joke."[37] Why "half-joke"? Perhaps, the question about cats was asked, but the one who asked Kraus was not *his* girl (and, maybe, the person was not a girl at all). As to the second statement, Kraus in this letter (dated the 22nd of August 1784) continued his mystification – as jokingly as in the previous letter – but in vain. As he wrote on the 20th of November 1784 (the continuation of the letter dated the 15th of November), his mother had remarked: "The young man seems to me so changeable that he himself does not yet know what is true and what is not." Kraus agreed with her: "Right!"[38]

What did those strange statements mean? In my opinion, the key is in Kraus' sentence written on the 26th of June 1784: "I turned 28 years old the day before yesterday, but I have no wife!" It seems that he tried to draw attention to his private life. What for? Perhaps, Kraus thought that his parents might be perplexed by the fact that he did not marry, or they had expressed their bewilderment. Since they had seen his letter to Hahn and could read intimate things concealed from posterity, Kraus might be worried about their opinion of his private life. This worry might make him pretend that he had a girlfriend (and the intention to marry). Why had he not done this earlier? Earlier, the absence of a wife might have

been perceived as something normal, for he had been quite young; but by the age of thirty, his unmarried state could arouse suspicion. Thus, the very fact of Kraus' birthday, when he turned twenty-eight years old, could make him lie. An indirect confirmation of my supposition that the reason for Kraus' statements was his birthday is in his letter dated the 25th of June 1792, where he wrote again: "By the way, yesterday I turned thirty-six years old. Great heavens! And still no wife?..."[39] He continued: "Maybe, it is for the best. If one Kapellmeister has not enough, how could I feed the Kapellmeister's wife? It is only a thought that occurs to me once every two years." It always occurred to him after his birthday when he was writing a letter to his parents and, thinking of their probable bewilderment at his bachelorhood, tried to dispel their suspicions. At the age of thirty-six, he tried to do this more reasonably, explaining the absence of a family by his financial situation (which would not have prevented him from marrying if he had wanted to marry, but he did not plan to). At the age of twenty-eight, he recklessly resorted to lies, thereby making his parents worry, and then he used lies to dispel their suspicions about his decency. Why was his second invention of the same kind? But what could better convince his good parents that he was not distracted by bad things than the presence of a beautiful platonic love in his life? That his second statement (in the letter dated the 31st of July 1784)

was a lie is obvious from the demonstrative nature and humorous pathos of the words about this "love" ("I am flaming from head to toe..."[40]) as well as from the absence of facts, for Kraus mentioned neither his sweetheart's name nor her age nor her occupation nor her place of residence ("Where is the girl now? It is a real secret"). There was no reason to conceal all this. For comparision: in the letter to his parents, dated the 3rd of April 1778, Kraus told about Hahn frankly, mentioning his surname and dwelling place, although his relationship with Hahn was rather a complex subject; why would he have needed to conceal an innocent infatuation with a girl? Furthermore, after the topic of a "girl," he answered his parents' remarks about drinking wine, and his manner of writing changed – he wrote more seriously ("Mother probably means white wine: this not, but I do not refuse my red wine...") and even named the price of one bottle. There was no name of his "beloved," but then there was a price of wine... In home letters Kraus was not – could not be – completely sincere.

There is one more thing to discuss in this chapter. I should not like to dwell on it, for it is insignificant, but it may be misunderstood; therefore, I shall mention it, too. This is Kraus' poem written in 1781 and addressed to S.F. Stading, who was a singer in the Royal Opera.[41] There is nothing personal in the poem: it says strictly

about a good performance of a role in an opera by Chr.W. Gluck. The singer was only eighteen years old at that time, she was certainly talented, since she would become a primadonna afterwards; therefore, there is nothing strange in the fact that Kraus encouraged her by a supportive poem. Kraus was critical of performers, his opinions of various singers were mostly negative; is it any wonder that he noticed a good performance? There is *no* romantic subtext in this poem (unlike "Der Abschied" dedicated to Liedemann).

There is scarce yet convincing evidence of Kraus' romantic interest in Hahn and Liedemann, but there is *no proof* that Kraus was in love with a woman. An indirect indication of his interest in his own sex is that in art his attention was drawn to images of men. For example, in his home letter from Rome, dated the 25th of December 1783, Kraus mentioned the statues of Apollo, Laokoon, and Antinous and wrote that he had theretofore seen only their copies, whereas now he could "stand before them for half a day, unable to admire them sufficiently."[42] Kraus' favourite painter was Guido Reni (1575-1642), whose works Kraus saw during his travel in Italy. Some paintings of Guido Reni are imbued with homoeroticism. One can notice the juxtaposition of sensual figures of semi-nude youths and quite cold images of women in the painter's works. In his paintings men live, whereas women are only present. Of course,

Kraus could also be impressed by Reni's style – an expressive, dramatic, and passionate style; but Reni was not the only genius in this regard.

I consider the most convincing evidence of Kraus' interest in his own sex to be his statement in his letter to Liedemann, which he wrote in March 1785 and named "A Confession of Faith": "A man with so partial and little a heart (I confess this to you sincerely as to God) – with so tiny a heart that *one* friend fills it – completely fills it – this man is lost for any universal ideology forever; and such is my heart."[43] This sentence is unnoticed by other authors, for they do not understand its meaning. Kraus spoke of what was *the most important* to him in life – a friend. A friend means a beloved, affection for whom means love. From my own experience of friendship, I know this need and this phrasing. A person needs love with someone of the same sex, only this is important – only this is the meaning of one's life; but a person calls such a relationship "friendship" or "brotherhood," and his beloved – "friend" or "brother," although a relationship is erotic and a person feels no attraction to the opposite sex. My friend (a young man) could have said what Kraus wrote.

Simple words – "friend," "affection" – contain a greater depth than frank concepts "lover" and "love." This linguistic modesty may stem from the sacrality of the meaning. There are things so important that they cannot be expressed in

words. Love in the traditional sense of the word (as love between the man and the woman) passes, lovers in the traditional sense of the word lose their interest; but this attachment does not break, and such friends do not abandon one (even if they cannot be near). This is a spiritual bond – brotherhood of souls, which lasts for years – like my friend's love for his friend or Kraus' love for Hahn and Liedemann. Only this is true love, which comprises mutual trust, mutual understanding, respect, self-denial, and boundless faithfulness. And this love naturally – ineluctably – includes the physical aspect as one of its main aspirations and one of its best expressions.

In the aforenamed letter (March 1785) Kraus tells about his life in broad outline. In his depiction it is divided into three periods – before his meeting with Hahn ("until twenty years"), with Hahn (Kraus relates how they spent time together), and after Hahn ("I was left behind and vegetated," experiencing a kind of spiritual crisis). At the end of the letter Kraus writes: "You may be a little pleased with the assurance that Kraus has only *one* friend" (to wit Liedemann). In this story of life – in the life space of Kraus – there is no one save Hahn and Liedemann: there is nothing save the need for friendship – for a friend. Kraus mentions neither his creative work nor his family nor his religion: there is only a Friend – his only existential need.

In my own – human – opinion, Kraus' love is the most valuable thing in his personality; it is still more valuable than his music, for his love was the *source* of his music, it was his inspiration, happiness, and *strength to live* – to live despite circumstances and his deadly illness. Love – affection for a friend – was the most important thing to Kraus; and to me as his admirer, it is the most precious facet of his personality. To neglect it or, moreover, to efface this part of his life means to efface him completely – as a person and as a composer. He lived thanks to his love, and his Love resonates in my heart – a love, which is pure, sincere, and joyous as the beginning of another, endless Life.

March 31 – April 19, 2025

References

[1] The description of J.M. Kraus in the book *Johan Henryk Kellgrens samlade skrifter*. Stockholm, 1796, p. 226.
[2] Christian Graf zu Stolberg, *Kurzer Lebensumriß des Grafen Friedrich Leopold zu Stolberg. Aus dem XXII. Heft der Zeitgenossen besonders abgedruckt*. Leipzig, 1821, p. 13.
[3] Joseph Martin Kraus, *Etwas von und über Musik fürs Jahr 1777*. Frankfurt am Main, 1778, p. 35.
[4] "Die Laube," Johann Martin Miller (*Gedichte*. Ulm, 1783, p. 276).
[5] Johann Martin Miller, *Gedichte*. Ulm, 1783, p. 407.
[6] Irmgard Leux-Henschen, *Joseph Martin Kraus in seinen Briefen*. Stockholm, 1978. To Kraus' parents; April 3, 1778; p. 205.
[7] Ibid.
[8] *Biographiskt Lexicon öfver Namnkunnige Svenska Män*. Första bandet. Uppsala, 1835, p. 143.
[9] Irmgard Leux-Henschen, *Joseph Martin Kraus in seinen Briefen*. Stockholm, 1978. To Kraus' parents; May 20, 1777; p. 193.
[10] Irmgard Leux-Henschen, *Joseph Martin Kraus in seinen Briefen*. Stockholm, 1978. To Kraus' parents; May 8, 1779; p. 221.
[11] Irmgard Leux-Henschen, *Joseph Martin Kraus in seinen Briefen*. Stockholm, 1978. To Kraus' parents; April 3, 1778; p. 205.
[12] Irmgard Leux-Henschen, *Joseph Martin Kraus in seinen Briefen*. Stockholm, 1978. To Kraus' parents; September 10, 1778; p. 213.
[13] Irmgard Leux-Henschen, *Joseph Martin Kraus in seinen Briefen*. Stockholm, 1978, p. 218.
[14] Irmgard Leux-Henschen, *Joseph Martin Kraus in seinen Briefen*. Stockholm, 1978, p. 305.
[15] Ibid.
[16] Ibid.

[17] Johann Martin Miller, *Gedichte*. Ulm, 1783, p. 37.
[18] December 10, 1783; to Emerich Horváth-Stansith.
[19] Ibid.
[20] Ibid.
[21] July 21, 1783; to Emerich Horváth-Stansith.
[22] September 2, 1783; to Emerich Horváth-Stansith.
[23] December 26, 1783; to Emerich Horváth-Stansith.
[24] Irmgard Leux-Henschen, *Joseph Martin Kraus in seinen Briefen*. Stockholm, 1978, p. 113.
[25] Irmgard Leux-Henschen, *Joseph Martin Kraus in seinen Briefen*. Stockholm, 1978, p. 114.
[26] Frederik Silverstolpe, *Biographie af Kraus, med Bilagor af Femtio Bref ifrån Honom*. Stockholm, 1833, the footnote on p. 105.
[27] Ibid.
[28] Irmgard Leux-Henschen, *Joseph Martin Kraus in seinen Briefen*. Stockholm, 1978, p. 317.
[29] Regarding Silverstolpe's contacts with Liedemann and the *copies* of Kraus' letters, see Frederik Silverstolpe, *Biographie af Kraus, med Bilagor af Femtio Bref ifrån Honom*. Stockholm, 1833, the footnote on p. 105. The poem is mentioned as "Der Abschied."
[30] "The number of letters that have been shared with us amounts to ninety-three. We publish excerpts from fifty letters, which we consider to be of interest or to characterise the person who wrote them." Frederik Silverstolpe, *Biographie af Kraus, med Bilagor af Femtio Bref ifrån Honom*. Stockholm, 1833, the footnote on p. 38.
[31] Irmgard Leux-Henschen, *Joseph Martin Kraus in seinen Briefen*. Stockholm, 1978, the footnote on p. 113.
[32] Irmgard Leux-Henschen, *Joseph Martin Kraus in seinen Briefen*. Stockholm, 1978, p. 266.
[33] *Samlade skrifter af Vitalis*. Stockholm, 1873, p. 115.
[34] *Samlade dikter af Vitalis*. Stockholm, 1828, p. 16.
[35] *Gedichte von Erik Sjöberg (Vitalis)*. Leipzig, 1843, p. 18.
[36] Irmgard Leux-Henschen, *Joseph Martin Kraus in seinen Briefen*. Stockholm, 1978, p. 284.

[37] Irmgard Leux-Henschen, *Joseph Martin Kraus in seinen Briefen*. Stockholm, 1978, p. 289.
[38] Irmgard Leux-Henschen, *Joseph Martin Kraus in seinen Briefen*. Stockholm, 1978. To Kraus' parents, p. 292.
[39] Irmgard Leux-Henschen, *Joseph Martin Kraus in seinen Briefen*. Stockholm, 1978. To Kraus' parents, p. 344.
[40] Irmgard Leux-Henschen, *Joseph Martin Kraus in seinen Briefen*. Stockholm, 1978, p. 286.
[41] Irmgard Leux-Henschen, *Joseph Martin Kraus in seinen Briefen*. Stockholm, 1978, p. 57.
[42] Irmgard Leux-Henschen, *Joseph Martin Kraus in seinen Briefen*. Stockholm, 1978, p. 272.
[43] Irmgard Leux-Henschen, *Joseph Martin Kraus in seinen Briefen*. Stockholm, 1978, p. 305.

The Music of Eternity

The romantic theme in the music of Joseph Martin Kraus

Author's Note

One sees what one wants to see. One hears what one wants to hear. Listening to music, one involuntarily seeks one's own emotions and experience in it. This should be taken into account when trying to decode music. But – is it possible to decode music?

Sometimes one does not understand even words. Reading a poem, one can misunderstand a thought or a metaphor. How can one completely understand music – someone's else sounding feelings and experience, which are often in different time and space frames?

Nevertheless, attempts to decipher musical compositions are made. I myself made such an attempt in 2012, because of my admiration for the music of Joseph Martin Kraus. I like researching my favourite subjects thoroughly – to read books in the original, to know the context of a poem, to comprehend a metaphor, and *to hear* music, not only to listen to it. Therefore, I tried to decipher some of Kraus' works, wanting to know what had inspired him to create them, what events they re-

presented, and what emotions they conveyed. I analysed Kraus' compositions, considering them in the context of his life and taking his personality into account.

The context and the personality: can one completely understand a person whom one knows? Can one completely understand one's best friend? Of course, there are wonderful exceptions – as my own friendship with a young man, with whom there was mutual understanding literally without words, but such cases are rare. How then is it possible to understand a person whom one is not acquainted with? A person whom one imagines by the little that has survived?...

As to Kraus, there are his letters, a part of his travel diary, two prose works, a couple of poems, and music. One can re-create his personality, using only this scanty material. But will a formed image of Kraus correspond to reality?

Perhaps, everyone interested in the composer creates one's own Kraus. Some imagine him as a charming person, others find him even caustic, and I consider him to be kindred to me. I heard a kindred soul in the very first notes of Kraus' music. Kraus was understandable to me. I learnt German and read his letters. In them his personality was also comprehensible, although I disliked some passages. This understanding inspired me to analyse his compositions. I was sure that I heard them correctly; therefore, I began writing my essay "The Music of Eternity," in 2012. When

it was almost finished, I doubted: what if I put my own ideas and feelings into the description of Kraus' works? What if I was mistaken? I did not publish the essay. Now, in 2025, when I returned to the subjects of Kraus' life and music, I decided to bring it to the piblic, but reminding that everyone hears music in one's own manner.

April 9, 2025

Introduction

Kraus' music, similar to a living movement of his feelings, is clear, touching, and beautiful like that gentle, sensual youth with big eyes in the Erfurt portrait, and it is also extraordinarily-deep, for it – as well as his soul – contains existential echoes perceived by those who know true love.

The value of Kraus' misuc is in the power of his personality expressed by it. This is the source of the wonderful depth of his compositions – a result achieved by few composers, for it does not suffice to have the talent of a composer – one must also have the talent of a human being.

I

Kraus' works inspired by his relationship with Johann Friedrich Hahn

At the end of 1776 Kraus matriculated at the University of Göttingen in order to continue studying law. He was not inclined to it at all, but such was his father's will. However, he was not grieved by his fate, for in Göttingen he met the poet Johann Friedrich Hahn (1753-1779), one of the founders of the literary circle *Hain*. Kraus' tenderness and ardour were reciprocated by

Hahn's sincere loving soul, and a spell-binding passion flared up between the youths. Their love became a fulfilment of all their spiritual faculties that is the happiness of brotherhood.

The Sonata in D minor for violin and harpsichord, which Kraus composed between April and December 1777, may depict an episode of their relationship: perhaps, this is the night and morning of the lovers. The first movement, *allegro*, is similar to a night attempt *to say* love, this is an excited speech – affectionate till sadness in some places – a speech interspersed with caresses. The second movement is an *andante-allegro*, the slight languor of which changes into playfulness turning into excitement, whereupon there follows a dialogue – a question of the violin (Kraus) and an answer of the harpsichord (Hahn), as though lovers ask each other whether they are loved and assure of their love in reply to. The movement ends with a more serious tone of the violin, which resembles snuggling up to one's beloved with words of love.

Their bliss did not last long: at the end of April 1778 Kraus departed for Sweden. Why? There is no exhaustive answer to this question. Kraus wrote to Hahn on the 4th of March 1779, after spending a year in distress and failing to find work as a musician: "I had nothing to do here; I could depart, but I did not; I incurred debts, and I cannot depart – the reason why I am writing to you what I wanted to tell you. I often thought

about you – only about you – for you I forgot my father and mother, who weep over me like a refugee. Your Kraus."* It is easy to imagine how eagerly he waited for Hahn's reply. Instead of it, Kraus received a letter from his own parents, who informed him that Hahn had died, on the 30th of May 1779. They had learnt this from Hahn's parents, who had forwarded Joseph's letter to them. It had been delivered too late: Hahn had not read it.

After Kraus' departure, Hahn lapsed into melancholy. He abandoned his occupations, which seemed meaningless now, and sank in the most tormenting pain – that of loneliness... If Kraus' letter had arrived earlier, it could certainly have saved Hahn.

Kraus kept fond memories of his first beloved all his life. Their relationship left a deep mark on his personality, enhancing its gentleness and passion, and on his music, spiritualising it. Some works may reflect his feelings after the loss.

Kraus created several symphonies united not only by the mood of longing, affection, and a remembered joy, but also by the structure: the introduction of the first movement is similar to funeral music.

The Symphony in C major (1780) – the foregone happiness and a new hope. It begins with a

---

* Irmgard Leux-Henschen, *Joseph Martin Kraus in seinen Briefen*. Stockholm, 1978, p. 218.

touching *adagio-allegro*, where in the *adagio* sadness – verging on despair – wells up, now rising to a high note, now fading resignedly away with despondency. This sadness continues in the violin solo sounding as though in some sorrowful heights, and the longing flute responds to the violin: this resembles an imaginary conversation of the separated lovers. The dialogue ends, and the violin speaks alone, calling insistently and desperately to its "interlocutor." There is no reply, and the music bursts – like into tears – into the *fortissimo* of a deep pain and despair, which fades away with hopeless violin tremolos. There follows a moment of silence like a paused heart, whereupon an *allegro* starts with dramatic strokes, thereby reminding of the initial figure from the second movement of the Funeral Cantata (1792). This section seems to tell a love story, and the dramatic beginning announces its tragedy. The music flows with an enchanting iridescence of tones like a kaleidoscope of reminiscences – the emergence of an ardent feeling, the courting (the tender and slightly playful dialogue of the excited violin and the affectionate flute), and, finally, the languor and sublime pleasure of the first night... The diverse unity of sounds moves freely like an unrestrained thought, which returns to the past but *remembers* the present. The second movement is the light sadness of an *andante*. The initial gentle excitement turns into plaintive violin tremolos similar to a cry of loneliness, which

changes into a somewhat sorrowful and tender tune of the violin. A soothing yet faintly longing melody of the flute responds to it. All this resembles an imaginary conversation. Thereafter a *brio* sounds like the rapid beating of a heart full of an impossible hope – the hope for the reunion in the better world. “Conversation” and “heartbeat” are the theme of this movement, which ends with regretful sighs. The composition concludes with a passionate *allegro* with deep brios, which seem to express joy that this love *was* and the hope for its continuation in eternal life.

The Symphony in C major (1781) – the joy of the past through the sadness of the present. It opens with an *andante di molto-allegro*, where the tragic mood and tempo of the introduction resemble funeral music, too. The next section begins with a deep dramatic tune (double bass), which turns into a muffled-joyous melody with hues of tenderness nearing a slight sadness (flute). The second movement, *un poco andante*, is melancholy (the present) on the verge of joy (the past) – a reminiscence, what is emphasised by thoughtful sounds of a French horn, which seems to lead into a distance. The final *allegro* expresses some confusion of the same emotions. The nostalgic subtext, which combines the symphony into a single whole, is revealed in the tune of a struggle-inacceptance that closes the first phrase of this movement and in the following resignation expressed by the fading tone and the

strong slowing of the tempo.

The Symphony in C sharp minor (1782) may mean acceptance. It opens with a poignant introduction in the *andante di molto* tempo, which rises from yearning depths and at times soars up with a crying intonation to drop to a more even rhythm with moments of joyless animation. Thereafter the mournful tune sounds again... A short silence follows, and then a cheerful *brio* bursts forth like laughter from the happy time. An idyllic picture of the past begins, and nothing disturbs the elevated, loving mood of foregone days until the end of the lyrical movement with delightful laughing brios. Then an *andantino* represents despondency, which sometimes changes into slight excitement, whereafter the *crescendo* of a sharp pain wells up softly to fade away without reaching its climax, like a futile impulse. The movement ends with a light sigh similar to a sudden hope. After the brief confusion of a minuet, there follows an almost-joyful, boyishly-lively *allegro* based upon an *ostinato* like upon one haunting thought. This thought is directed to the past, scarcely remembers the present, and turns into an unrevealed sadness only on a few melodic curves.

Thus, the past, the present, and the eternal future merge in these symphonies into a timeless continuum, for there are neither time nor distance for love. The passionate relationship with Hahn contunued in the music of Kraus, who certainly lived in the impossible hope of being reuni-

ted with his beloved in the life to come.

The same twilit mood with an unexpected outburst of something joyous yet remote marks the small (about eight minutes) String Quartet in C minor. It consists only of two movements – a dramatic *largo* with muffled low tones and an *andantino-allegro-tempo primo*, where the *allegro* sounds like a sudden appearance of the sunlit past in the sadness of the present, with its joy somewhat hazed by that sadness. This quartet is undated: it is known only that it is one of Kraus' early works, but its similarity in mood and partly in composition (the beginning like funeral music) to the aforenamed symphonies leaves no doubt that it could have been created at the same time or a little earlier.

II

Kraus' works inspired by his love for Johann Samuel Liedemann

In October 1782 Kraus (already Kapellmeister at the court of the Swedish King Gustav III) set forth on a journey around Europe, by the King's decision. On the 1st of April 1783 Kraus arrived in Vienna. There he made an acquaintance of the musical connoisseur and commercial agent

Johann Samuel Liedemann. This was the beginning of a deep and passionate mutual love. The young men enjoyed each other for six months until Kraus received the King's orders to proceed farther, to Italy.

The lovers parted, keeping each other's warmth and knowing that they would never meet in this life. On the 10th of June 1786 Kraus dreamt in a letter – as he had certainly dreamt all that time: "Beloved! If only I could embrace you now, and caress you, and kiss you until satisfied, thanking you for all the pleasure which you have given me therewith!"* The letter ended with hope: "May Heaven decree that one day we may walk peacefully hand in hand to another, better world!" Their love was an anticipation of Eternity.

This affection was a better discovery for Kraus than any events of musical life. It became a source for new works. As a farewell, he wrote the poem "Der Abschied" ("Skulda winkt") to Liedemann; in 1785, in Paris, he set it to music and sent it to his beloved. This is the composition for solo voice and piano "Der Abschied" – a deep, passionate, and expressive piece full of longing, resignation, and hope. Another dedication was the Quintet in D major for flute and strings – a rich and heartfelt work. Besides, a sonata was dedicated to Liedemann, as it is known from Liedemann's letter to

* Irmgard Leux-Henschen, *Joseph Martin Kraus in seinen Briefen*. Stockholm, 1978, p. 317.

his acquaintance: "[...] 1 sonata which he dedicated to me as a sign of friendship."* But love could not be limited to a few works and certainly found its expression in other compositions. Although they have no dedication, one can suppose, with a high degree of probability, that their origin was Kraus' love for Liedemann.

During his stay in Vienna, Kraus created one of his most brilliant symphonies – the Symphony in C minor – the pleasure of love before parting. Its prototype was the Symphony in C sharp minor, which had been composed in Amorbach in 1782 – probably as an expression of the feelings for the deceased Johann Friedrich Hahn (judging by a funeral melody in it and muffled – as though recalled – joy and passion). The new work turned out to be not an "improvement" of the previous composition, but an absolutely independent symphony. Kraus changed tempo (*andante di molto* became *larghetto-allegro*, *andantino* was replaced by *andante*, *allegro* was now *allegro assai*, the menuet was eliminated), added lyrical melodiousness, removed the tonality of a dirge, and introduced an overtone of hope. The new symphony became more impetuous and sensual – not a memory of the passion of the lost intimacy, but the passion of the intimacy which was being lost (for Kraus knew that he had to part from Liedemann).

The Symphony in C minor begins with a dra-

* September 2, 1783; to Emerich Horváth-Stansith.

matically-passionate *larghetto-allegro* full of the liveliest lyricism. The *larghetto* (similar to a poignant longing) is very close to the original version – with the only difference that the funeral tonality is removed and thus the tragic tension is softened. The *allegro* – instead of depicting a "revived" joy (a gaze into the past) – opens with a nostalgically-lyrical tune changing into a long flying *brio* (delightful in its passion and power), which seems to be nothing else but a representation of love excitement. It becomes more quite like a possibility to recover one's breath; the movement of a light sadness takes on a smooth yet agitated rhythm and then breaks uncontrollably into a vehement flight of passion again... The *allegro* may express the rapture of love before the end – the main idea of the symphony. The following *andante* is satisfaction and the realisation of the ineluctable. This movement is placid and light, and only at times it becomes sad – especially towards the end, where a tragic *crescendo* rises suddenly to fade away without a climax, whereupon almost joy is heard – the joy that the relationship continues, and in the last sounds this joy triumphs. The final *allegro assai* affirms the idea of parting in the hope of meeting again. If in the prototype of this movement the thought seems to turn to the happiness which cannot be repeated (this is emphasised by the moderation of the lively rhythm – like a look through the haze of time), here it focuses on the happiness which may re-

turn one day. The light tonality because of a possibility of a meeting (Krays could *theoretically* meet Liedemann again), which makes this *allegro assai* so clear-ringing, distinguishes it from its original version. Towards the end, the flight of hope unexpectedly changes into muffled drawled sounds similar to yearning, which clenches a heart: this is the unwillingness to part despite all hopes. But at the end hope returns.

This composition, imbued with sincere emotions, shows its deeply lyrical origin by itself, being a proof (in the absence of a dedication) that its source was nothing else but Kraus' strong and ardent love for Liedemann. The question arises why was the composition, certainly inspired by the former love, used as the basis for representing the new affection?

Sometimes a creator reaches his limit in response to a situation, whereas it may repeat itself. The realisation of one's limits ("I cannot do this better") makes one use a work again – create a kind of a variation. In Kraus' legacy such repetitions occur more than once: for example, he took the Overture (1790) as the basis for the Funeral Symphony and used (consciously or not) a motive from the Symphony in C major for the Funeral Cantata. The Symphony in C sharp minor intensively and contrastingly (but without a hue of irreparability, unlike the Symphony in C major composed in 1780) depicts the pain of the end and the joy of foregone sunny moments; there-

fore, the composer might deem that it was the most precise manner of conveying feelings caused by the impossibility of being together. The justification for the re-use of a work inspired by another love could be the fact that the situation repeated itself (Kraus parted from his beloved for the second time) and, moreover, Liedemann might remind him of Hahn, the love for whom did not fade – on the contrary, Kraus kept fond memories of his first friend.

In December 1783, in Rome, Kraus composed a symphony which can be called a symphony of a yearning passion – the Symphony in E flat major. It begins with an impetuous *allegro* with sensual brios followed by desperate strokes, which slash the tonal surface like an aspiration across distances for the beloved, who evokes a vehement passion represented further by a long enrapturing *brio*... The tonality and rhythm of the whole movement are full of dramatic tension and excitement. The impulse ends with the same strokes, whereupon a longing *larghetto* sounds – like languishment during a separation. It opens with "sobbings" followed by relative calm, which soon changes into crying again. After a short pause, the serenely-sad sound of the oboe begins to flow, at times calling the one who remained in the distance and almost fading away like one's breath held in anticipation of an answer. Beyond its last lowering (as though listening) line, there is the same pain. And again, there follows an expression

of an ardent love – the final *allegro*. It moves with utmost purposefulness like the very love feeling; surging waves of passion roll through the tense atmosphere (which darkens to dramatic nostalgia in the middle section again) in order to rise to the heights of the possible – into vehement chords of the culmination. This *allegro* as well as the *larghetto-allegro* from the Symphony in C minor are the most sensual works of Kraus: they are love passion that became music.

The aforenamed Quintet in D major for flute, two violins, viola, and cello resembles a picture of unity on earth with hope for a reunion in the future life. The first movement *(allegro moderato)* expresses a wide range of emotions – serenity, tenderness, love, and at times despondency and anxiety, which change into joy. The theme of affectionate love illumines the space of this movement like a sunbeam, and the occasional slow iridescence of the flute reminds of the bliss of being together – in the pleasant all-understanding silence. The following *largo* is similar to the peace in a temple – in the temple of the love of Kraus and Liedemann, where there reigns a prayerful tranquillity as in those hopeful words from the letter of 1786. Sometimes the quietness is broken by dramatic incisions like outbursts of the reality – the imminent separation and the difficulty of accepting it. The *finale con brio* reflects the anticipated joy of the reunion and ends with a confident yet somewhat tragic melody of the strings,

which sounds like a reassurance that all will be thus, although the future bliss is preceded by sadness.

In 1785 Kraus composed the Sonata for piano and violin in C major. The first movement, *largo-allegro con spirito*, is similar to a loving passion, where touches of the bow to the strings sometimes resemble frequent impetuous kisses (which existed only in dreams at that time). The movement ends with an abrupt stroke to the strings like with a scream of pain caused by loneliness. Then there follows an *adagio* – a longing affectionate gentleness with a song of the violin, which at times is similar to a desperate call. The last movement is an *alegretto* – an uneasy thoughtfulness and a struggling yearning, which end in the same "scream" as in the first movement. This sonata may convey Kraus' main emotions at that time – love, sadness, and the longing for his beloved.

There exists another sonata for piano and violin, composed that year, – in E flat major, opposite in mood to the above-mentioned work. The first movement – an impetuous and at times "intermittent" melodious *allegro moderato* – vaguely resembles the first movement of the Sonata in C major (the leitmotif of "kisses"), but its mood is far more elevated: this is not the longing of a separation, but the joy of having a friend, although he is at a distance. Then there follows a soothing *andantino con variazioni* similar to a careful attempt to comfort one's friend. The sonata ends

with an *allegro ma non troppo presto*, which reaffirms the first movement. Thus, if Kraus languishes in the first sonata, here he rejoices, albeit moderately. Perhaps, this work was created after receiving a letter from Liedemann that made a fleeting illusion of his presence.

III

The dedications to Gustav III

Six String Quartets (*Six Quatuors Concertantes*, Op. 1) as well as the Funeral Cantata and the Funeral Symphony composed in memory of the King Gustav III may also be included in the topic under consideration.

The Quartets sometimes sound sublimely and solemnly, sometimes their tone is gentle and intimate. The most lyrical piece of them is the sixth quartet full of spiritual warmth... The scores of these compositions were published in 1784, with a dedication to Gustav III.

Kraus' loving attitude towards Gustav expressed itself fully in the Funeral Cantata. Notwithstanding the diversity of the performance (aria, trio, choir), it sounds as emotions of one person – a loving one left in loneliness. His desolation is clearly represented in the instrumental 9th move-

ment. Choking sobs are interspersed with a call, an imploration, and the passionate confession to the deceased how much he is needed, whereupon they unexpectedly change into hope. This sudden bright glimpse emphasises the following desperate moan in an emptiness, where seemingly-endless waves of longing surge and fall – a moan, which as though rebounds from some barrier into doom. Then there follows the same crying... Perhaps, no musical composition conveys the state of loneliness as precisely as this interlude. The agitated emptiness is the world where a loved one is not; this is one's room with pre-dawn shadows, where one spent a sleepless night; this is one's heart with the meaninglessness of a needless love – one's own inexistence, for there is no life without a friend. It was this desolation – the greatest heaviness – that made Kraus swoon during the rehearsal of the Cantata; and when he came to his senses, he burst into heretofore restrained tears...

The composition ends in an outburst of pain (the tragic singing of the choir with an instrumental apogee), whereupon the changing sadness, fear, and anxiety fade gradually away into a *pianissimo* – the eternal repose of the departed soul.

The Funeral Symphony is far more calm, but it is this quality that makes it poignant, for it seems to be deprived of power and breath: this is not crying, but weariness from crying – weariness bursting from the chest ravaged by grief and an illness. This work is a testimony to the spiritual

and bodily exhaustion, in which the composer created his gift in memory of the deceased, realising the futility of it as well as the futility of his tears and desolated life.

April 18, 2012

Johann Friedrich Hahn

(1753-1779)

The Life and Works of Johann Friedrich Hahn

Introduction

Whereas some poets left miles and miles of lines, which have neither literary nor moral value, the legacy of Johann Friedrich Hahn consists only of two dozen poems. There would have existed more works, but the Poet, in a state of deep melancholy, decided to commit spiritual suicide – to destroy his writings, thereby depriving himself of earthly immortality. All was lost in his life: what to keep those materials for? Who would be able to understand them? Who would be able to understand him? He could think thus; everyone, at the dead end of loneliness, thinks thus.

As a reader, I am ineffably sorry that fire annihilated wondrous works, which could have delighted me – the one who could have understood Hahn's writings as well as him. But as a person, I understand that "auto-da-fé" of his talent: maybe, it is better not to live in the hypocritical memory of this world?...

What remains is priceless because of its depth and paucity. This little allows to glimpse a wonderful personality – an ardent, deep, and strong personality. Under the surface of words, incre-

dible energy – a great spiritual power – beats like a sincere heart. Spiritual power is the main impression of Hahn. “Hahn full of power and fire” [Kraft- und feuervolle Hahn],[1] Count Christian Stolberg wrote about him. Hahn’s nature was such that, in another epoch, he might have become a prophet announcing a new faith, or a valiant leader calling to a victorious fight against an enemy.

This youth had significant potential, and I cannot say that it was wasted. Even the little that remains of his poetry is great. The content and expression of those few poems are more valuable than works of many other writers. “He would have been one of our good poets,”[2] Johann Martin Miller spoke of him. No, he *is* one of good poets – at least for me, who have read (during twenty years) plenty of poems written in various epochs, in various languages, and on various subjects. What is the measure of greatness for poetry? The virtuosity of writing? The precision of metaphors? The depth of thoughts? The beauty of the language? The power of emotions? Or an impression made on a reader?

There are many poems that touch feelings. There are many poems that make one think. But how many poems give the strength to live – at least for a while?... In this, you have no equal, Johann Friedrich Hahn.

Hahn's life and poetry

Johann Friedrich Hahn was born in the German city of Gießen on the 28th of December 1753. His father, Johann Christoph Hahn (May 25, 1721; Oberroßbach – February 12, 1781), was a Government Councillor and Higher Appeal Court Councillor; the name of his mother was Maria Sophia Bopp (December 12, 1724 – February 21, 1780). Johann Friedrich was the eldest of eight children, two of whom died at an early age. His siblings were as follows:

– Franz Anton Johann Wilhelm (March 17, 1756; Gießen – January 1, 1821; Oppenheim).

– Carolina Friederika (October 20, 1758 – July 28, 1760).

– Elisabeth Louisa Wilhelmina (May 5, 1760; Zweibrücken – ?).

– Euphrosina Carolina Catharina (February 14, 1762 – ?).

– Maria Johanetta Friederika (August 19, 1763 – ?).

– Christoph Ludwig Ernst (September 24, 1766 – March 7, 1770).

– Friederika Eleonora (March 9, 1770 – ?).

Besides, the father's unmarried sister, Anna Eleonora, lived with the family.

In the spring of 1761 Johann Friedrich Hahn began attending gymnasium in Zweibrücken. School journals of one of his teachers (M.E.H. Berckmann) contain the following characteristics

of Hahn: in the spring of 1764 and in the autumn of 1765 Berckmann described Hahn's intelligence as "exquisite" [exquisitum] and "not common" [haud vulgare], his memory as "excellent" [egregia]. Berckmann wrote that Hahn was "conspicuous by friendliness and affability" [comitate et affabilitate conspicui]. Besides, the teacher noted that Hahn's mood "is not easily changed and has large recesses" [non facile flectitur magnosque habet recessus], "he does not always respond to my gaze" [vultui non semper respondet], and he "[is] guarded" [tectus].[3]

At the Gymnasium Hahn made an acquaintance of Baron Carl August Wilhelm von Closen, who became his closest friend until the end. Little is known of Closen. He was born in Esslingen am Neckar in 1756. His father, Ludwig Heinrich von Closen (1725-1765), was an officer in the Dutch service; his mother was Elisabeth Charlotte von La Roche-Starkenfels. In 1765 the family moved to Zweibrücken. In school journals teachers wrote about Closen in the autumn of 1765: "The beauty of youth is outstanding" [egregium decus iuvenatae], "Carrying a manly spirit and care before his time" [ante annos animumque gerens curamque virilem], "Very peaceful manners" [mores placidissimi].[4]

On the 22nd of April 1771 Hahn matriculated at the University of Göttingen to study law. On the 12th of September 1772 he founded a literary circle *Hain* (together with Johann Martin Miller,

Gottlob Dietrich Miller, Ludwig Heinrich Hölty, Johann Thomas Ludwig Wehrs, and Johann Heinrich Voß). The members of the circle venerated the poet Friedrich Gottlieb Klopstock, whom Hahn wrote letters to on behalf of the association. Later, the group was joined by Counts Christian and Friedrich Leopold Stolberg, the artist and poet Friedrich Müller (in absentia), and others. Works of the members, including Hahn, were published in the literary magazine "Musenalmanach" and were also kept in the handwritten journal "Bundesbuch."

Friedrich Gottlieb Klopstock had a high opinion of Hahn's poems. Count Friedrich Leopold Stolberg with his brother Christian visited him in September 1773 and then quoted Klopstock's words for Hahn in his letter to J.H. Voß (dated the 19th of September 1773): "We told him, my dearest Hahn, that you reject things which he could have seen, and he, having learnt your reasons, said: 'Hahn goes too far, he is unfair to himself; his 'Sehnsucht' is especially good thing.' He is very eager to see 'The Ode to the King' [An einen König]."[5] As to F.L. Stolberg, he was interested in Hahn's conceived ode "Hermann": "I am ineffably curious to see the songs by Hahn from 'Hermann.' Besides, I must also have his 'Ode to the King,' I like it very much,"[6] he wrote to Voß on the 11th of December 1773. On the 17th of May 1774, to Voß: "I expect much from his 'Hermann,' I like its idea immensely."[7] On the 31st of January

1775, to Voß: “Is our dear Hahn back in Göttingen? Was it his plan to return? Is he working on ‘Hermann’? This poem will certainly be wonderful! I liked immensely what he told me about the plan in Hamburg.”[8] It is not known whether Hahn completed that work. Perhaps, it was destroyed afterwards, or it was not written. A creator can abandon ideas which captivated him, for inspiration is unpredictable. What seemed important yesterday may lose its meaning today, owing to objective reasons or subconscious processes unfathomable to the creator himself. Hahn wrote to Friedrich Müller on the 23rd of December 1773: “Have you ever had times when you wanted to do all to the fullest extent, you were enflamed by the mere thought of doing it, but you did nothing because of thinking about it so much?”[9] I know, too, such infatuation with an idea, when one ponders over it almost constantly to understand eventually that its implementation will be only its faint shadow. There is an obstacle between an idea and its realisation – like a language barrier between persons. The higher one’s demands on oneself, the more difficult it is to overcome this obstacle.

As to Hahn’s self-criticism, Johann Martin Miller mentioned it: “He would have been one of our good poets, if too high an ideal, which always hovered before his eyes, and his distrust of himself (a consequence of his deep melancholy) did not prevent him from realising the most sublime,

most poetic ideas."[10] Hahn's self-criticism could be a result of a strict upbringing, for too much could be required of him as the eldest child, and to perform all to the best of his ability could become habitual for him. Besides, the hypocritical attitude of his acquaintances during his student years could play a part: at first, he was extolled as a genius, and then they began mocking him on that premise (perhaps, out of envy), blaming him for delays in writing letters (when he had no money to pay for their sending), his depression caused by overwhelming problems, his unwillingness to communicate with those who hurt him, etc.

It is a pity that Hahn's catastrophic self-criticism led to the destruction of his works; but, if to judge Hahn as a human being, this trait is far better than the ridiculous complacency of untalented persons.

Besides self-criticism, Hahn was affected by other circumstances. Imagine life in a large family mired in debt due to the breadwinner's illness, with one's fragile health, without any opportunity to find a job and to get out of that quagmire: what inspiration, what interest for one's ideas, what creativity might be expected?... An oppressive atmosphere at home, constant worries about daily bread, and fear of the future destroy any inspiration and suppress any will to live. But, strangely enough, these understandable circumstances were absolutely incomprehensible to Hahn's false "friends" and various "scholars" who wrote about

him afterwards.

If even simple things were unfathomable, who could understand Hahn completely? Who could understand his works? Who could fathom those transcendental spheres, which he touched in his poetry like a bird touches the firmament with its wing, and especially aspirations and longings that blazed in his soul, the glow of which his poems were? Hahn's personality and talent were far deeper than those of his comrades. During Hahn's student years, only his faithful Closen was his true friend.

As to the members of the literary circle, Hahn maintained good relationships with Johann Martin Miller, Gottlob Dietrich Miller, Count Friedrich Leopold Stolberg, and Friedrich Müller. That comradeship left a small poetic legacy, namely the friendly reply of J.M. Miller "Antwort an Friedrich Hahn"[11] (1772), the patriotic poem of F.L. Stolberg "Die Freiheit. An Hahn"[12] (1773), and the excellent ode of Friedrich Müller "Nach Hahns Abschied"[13] (1775). Friedrich Leopold Stolberg (noble in every sense of the word) treated Hahn affably and unbiasedly, unlike others – less important – members of the group. For example: there is a brief yet touching mention of Hahn in Stolberg's letter to J.H. Voß, dated the 17th of May 1774: "I saw Hahn alone only for one afternoon, the rest of the time we were always in company. Dear Hahn!... How saddened I was to part from him! The afternoon that I spent with him will be

unforgettable."[14] The meeting was in Hamburg, where Hahn and Stolberg had come on business.

As a poet, Hahn saw deeper and felt more clearly than the other members of the *Hain*. The others described the surface more or less skillfully; he spoke of the essence. He was able to voice his thoughts precisely, to convey what he felt, and sometimes to express the inexpressible. Hahn's poems have wonderful inner energy. Moreover, they are free of the treacly sentimentality characteristic of some authors of that time: Hahn's spirit is strong, and his thoughts are sincere. The clarity of words, the precision of ideas, the depth of thoughts, and the passion of expression are matchless in some works – for example, in the poem "An Bardenhold beim Klavier" (November 1772), dedicated to G.D. Miller. The author was only eighteen years old. An extraordinary power imbues the poem "Teuthard an Minnehold" (addressed to J.M. Miller). In this work, each word is precise, there is nothing superfluous or incidental, and the rhythm is so expressive that one does not even notice the absence of rhymes. Hahn's short poems are also interesting: several rhymeless lines express various states of mind, like an accurate sketch from life, where a picture is rendered with a few sure strokes. As to his romantic poems, they convey pure and strong feelings – for example, the poem "Erinnerung," which depicts Hahn's parting from Closen. When Hahn was already studying in Göttingen, Closen still stayed in

Zweibrücken. Sometimes the youths met; and when they parted, it was so painful for them, as though they took leave of each other forever:

The Remembrance
In October 1772

Break, oh moon, your cloud, incline your smiling
Pale cheek hither – gently like the smile
Of comfort when it triumphs over
A lone weeping innocence.

Ah, my Closen! Oh you, the most beloved
Of all whom my heart loved, smiled thus –
Through the tears of farewell –
With your last, last gaze at me!

"Once more, press your heart to my heart, oh you,
The most beloved of all whom this heart loved!
Once more! – – Never again!"
I sobbed, wept loudly, and sank

To the stronger breast! His kiss was hot, and then:
"Here never again, oh friend! But death and Eden
Belong unto us, my Damon! –
Where love no longer weeps."

Oh, my spirit is bowed! Break your cloud, oh moon!
Bowed to the grave... Shine upon me with comfort –
Ah! – with the comfort of death and Eden,
Where love no longer weeps.

Göttingen is situated at a distance of about

four hundred kilometres from Zweibrücken. The friends separated for several weeks or months. But those days, when they did not see each other, those kilometres between their loving hearts were similar to an eternal separation. Hahn dreamt of Paradise, "where love no longer weeps" and his Closen would always be with him. His dream came true too early... Sometimes one's strongest and also most dreadful desires become reality very easily.

On the 27th of April 1773 Closen matriculated at the University of Göttingen (the faculty of law). In Göttingen he joined the literary circle of Hahn. Unfortunately, almost nothing is known about Closen's works – save the fact that he, together with J.M. Miller and J.H. Voß, wrote the poem "Frühlingslied eines gnädigen Fräuleins"[15] at the beginning of April 1775. As to the members of the group, Closen became friends with Johann Martin Miller. In Miller's collection of poems (1783) there are two poems about Hahn and Closen – "Die Laube" и "Die Laube. An Hahn und Closen." In the first one Miller recalled how he had spent time with Hahn and Closen before the latter had departed for Zweibrücken:

The Arbour

June 1773

How peacefully we sat, arbour,
In your charming summer shade!

Woes of the earthly harbour
Were beyond your placid gate.
Our joyful youth seemed to appear
To us for the second time,
And we could almost hear
Its celestial soft chime.

Hesper looked at flimsy clouds,
Which bloomed in the limpid height:
Thus joy shone forth from your soul,
Oh my Hahn, that quiet night.
And your Closen's soul blended
Silently with mine, while his
Tender love whisper descended
Upon me like a gentle breeze.

We should give up any hopes
To make true solely this –
In the soothing shade of oaks
To feel this enchanting bliss,
To walk on without parting
And to see – before the end –
One grave for us departing
To the heavenly sunlit land.

But – alas! We separated.
On that day, unkind and dim,
For a long time, desolated,
I gazed sadly after him.
Ah, my Hahn, I saw him waving
Thrice to you; you saw him leave,
And a tear gleamed soft, trembling,
With your innermost grief.

Closen!... We shall be united

With our distant friend again.
All alone, as he parted,
He strolls somewhere, in pain...
And I, too! – Again alone,
I shall miss your smile of love
That once so gently bound
Our hearts to live thereof.

But a hope like a glimmer
Shines above the twilit strand!
I shall not stroll by that river,
Ever lonely and sad.
Love will soar on its wings lightly:
The most faithful pair of friends
Will be brought to my heart blithely,
Its long tribulation ends.

Come! I shall plant – by the river –
A fine tree to welcome you.
When you come after the winter,
It will bloom with a sweet hue...
But – alas! I shall be lone
In this earthly woeful night
Until in our Father's own
Heavenly arbour we delight!

Besides, in the collection of poems by J.M. Miller there is a touching poem which may be addressed to Closen alone – "Erinnerung an einen Jüngling" (1773).

At the end of 1774 Hahn had to abandon his studies due to financial problems of his family

and to return to Zweibrücken. It was especially painful for him, owing to the fact that he turned out to be separated from Closen, who stayed in Göttingen. At the beginning of 1775 Hahn wrote a letter to J.H. Voß, with an explanation of his situation: “The interest on our family’s debts takes up a significant portion of my father’s salary, and creditors, who no longer want to wait, are already counting on his future quarterly salary. I have four sisters, the eldest is not 15 years old yet. I sit here and help to increase the costs and our misfortunes. If my father lives, he can live only a few more years. All that the sadness of the tenderest heart and the most impetuous character can do, they have done to his body. If my father dies, the creditors will seize all the furniture and all that we own, and all that we own will not pay even a third of our debts. And what god will save my mother and uneducated siblings from starvation then? Advancement is impossible for me here; and where shall I go, if my father dies, – I, who should be the support of my family?”[16]

At Hahn’s request, Voß wrote to Counts Stolberg, and they provided Hahn with funds that enabled him to resume his studies in the spring of 1775. Hahn transferred from the faculty of law to that of theology, for it was more promising, and he completed his studies in the summer of 1776.

In December 1776 Hahn returned to Göttingen in order to be with his Closen, who was dying of consumption. At first glance, it seems quite na-

tural that Hahn came to his friend; but to the one who saw many instances of indifference, this fact is especially important. Sometimes people easily forsake those who were faithful to them; but Hahn wanted to be with his friend until the end, although it is very painful to be near a dying person. To see someone dying, remembering him cheerful and full of life... To realise that this farewell is forever... To understand that the loving heart stopped... On the 21st of December 1776 Carl August Wilhelm von Closen died, at the age of twenty.

J.M. Miller wrote the poem "Der sterbende Jüngling an seine Freunde" [The Dying Youth to His Friends], dated "December 1776."[17] In the poem a twenty-year-old youth, dying, recalls his life and speaks to his friends. It can be assumed, with a high degree of probability, that the poem was written about Closen. The poem contains the following phrase: "[...] a few weeks ago, // No one bloomed as much as I did" [vor wenig Wochen // Blühte keiner, so wie ich]. If these words depict the reality, it turns out that the illness of Closen worsened quickly and his passing was sudden.

It is not difficult to imagine how much the death of Closen grieved Hahn... Johann Aegidius Rosemann (1755-1830), who was acquainted with both of them, wrote in a poem dedicated to Hahn:

> Why is your silence so grave, oh friend?
> Why does your gaze express the deepest grief?[18]

This poem ("An Fr. Hahn"), dated 1776, was published in "Musenalmanach" (edited by H.C. Boie) in 1786.

The theme of death was present in Hahn's poetry long before the passing of his beloved friend. He lived with this thought – not because of being prone to melancholy, but owing to the fact that Closen was ill, and Hahn certainly understood that his friend would one day leave him alone in this world. Besides, his own health was fragile (he had probably consumption, too). Hahn and Closen lived in the shade of death.

After losing one friend, Hahn unexpectedly met another: that winter, 1776-77, he made an acquaintance of a young composer Joseph Martin Kraus, who had come to study law in Göttingen at the end of 1776. A coeval of Closen, cheerful too, attractive, and talented, he might seem to Hahn to be God's gift. To all appearances, their relationship developed swiftly: as early as April 1777 Kraus wrote, naming outstanding (in his opinion) poets of his time in his work on modern music "Etwas von und über Musik fürs Jahr 1777": "[...] Count F.L. Stolberg, the painter Müller, my H..."[19] "My Hahn": what affection and pride are heard in this shyly-unfinished mention put at the very end of the phrase! It sounds especially intimate, for it was written not in a private letter, but in a work intended for publication. Kraus seemed to want to announce to the world that this excellent poet and wonderful person belonged to him, and – he was

nicely shy to write his full name.

Hahn became Kraus' first friend. Kraus met himself in him: he found his human fulfilment. The young men were happy. Hahn introduced Kraus to writings of his comrades from the literary circle and to the works of F.G. Klopstock; Kraus read Hahn's poetry (certainly more poems than one can read nowadays). Kraus loved poetry and wrote poems himself; how much he must be pleased that his friend was so talented a poet!

Kraus liked Hahn both as a poet and as a person. Kraus got to know him completely, and nothing disappointed him: "[...] the only one whom I have got to know completely – to the last detail – studied to the smallest fiber [...]."[20] The fact that Kraus had a possibility to get to know Hahn so well testifies both to Hahn's trust in Kraus and to Kraus' perspicacity and advertency. To all appearances, there were no barriers between them, and they could trust each other completely. I shall not be mistaken if I say that Kraus was the only person (besides Closen) whom Hahn could trust and who was able to understand Hahn entirely. The other acquaintances of Hahn (however remarkable they were as poets or persons) were not kindred to him.

As to Kraus, never before had he known the happiness of so ardent a friendship – or, to be exact, love. As he might seem to Hahn to be a heavenly gift, as he himself might consider his meeting with Hahn to be the best event in his life.

"It is much – I repeat – it is much, very much to find one friend in one's life,"[21] asserted Kraus. To find a person who understands one completely, and whom one understands like one's own soul; to find a person whom one can share all with, and who shares all with one; to find a person with whom there is something to talk about and something to be silent about together... The meeting of Hahn and Kraus was a miracle for both of them.

Kraus wanted to be with Hahn: on the 20th of May 1777 he wrote to his parents that he hoped to find a job in Zweibrücken – be it a teacher or even a scribe.[22] However, he had another option conveyed to him through the famous poet Matthias Klaudius – a position as a conductor in Copenhagen. This was a good offer for the twenty-year-old musician! Anyone else would certainly have accepted it; but Kraus travelled to Zweibrücken to seek a job. For Hahn's sake, he rejected possible success in the musical field and went to a provincial town in search of a modest position, which did not suit his nature at all. To Kraus, Hahn was more important than music!

At the beginning of June 1777 Kraus visited Zweibrücken, stayed at the Hahn's house, made an acquaintance of his hypothetical pupil (a certain Frenchman, who was searching for a teacher of German), was disappointed in that Frenchman, and returned to Göttingen. In a letter to his parents (June 11, 1777) he lambasted the failed pupil as well as the Copenhagen idea, which now (when

he wanted so little!) could seem to him to be the mockery of fate.

After all this, Kraus' new intention was surprising: on the 20th of July 1777 he wrote to his parents that he had decided to depart for Sweden to find a job there. How could he leave the person for whose sake he had been willing to sacrifice his success? Unfortunately, here the realm of speculation begins. It is known only that there was no quarrel between the young men that could have been the reason for Kraus' departure. Judging by Kraus' portrayal of Hahn in his letter to his parents (April 3, 1778), they parted peacefully, and he had fond memories of his Hahn: "In my homeland and everywhere I have wandered since I can remember, I have found (besides you, my dear) one person whom I should have wished that you loved as much as myself – the surest sign that he was a friend who are few. He was the young Hahn from Zweibrücken – the only one whom I have got to know completely – to the last detail – studied to the smallest fiber, and who once was who he was and lost nothing in dissecting [in the separation of Kraus and Hahn], for he completely – ha! – the image – stands so complete, so deep within me; I cannot express this as I should like to. And he – he was taken from my side, and with him – *all*. God! I thank you: it is much – I repeat – it is much, very much to find one friend in one's life."[23] Kraus continues: "So, I have few persons to think about, who are truly dear to my heart –

you, my siblings, and my only friend...” Kraus admits that he lost all with Hahn, to wit *Hahn was all to him*.

On the 3rd of June 1778 Kraus was already in Sweden. It is easy to imagine what Hahn felt, having found himself in loneliness, near the grave of his beloved Closen... A year and a half after the loss, he could re-live the full dread of it. While he lives, he will never see Closen again, but – will he live to see Kraus?... Hahn was ill, Kraus was ill, too: in April 1777 Kraus had his first hemoptysis. Hahn could think that they had parted forever.

Kraus was distressed, too. On the 10th of September 1778 he unbosomed himself (as much as he could) in a letter to his parents: “When I walk back and forth by the sea in the evening, left to myself and my melancholy, then I compare the landscape with my homeland, I recall all my days, most of which I have lived so uselessly, so miserably, I conjure up before me my loved ones, whom my whole heart depends on, – and images float before me like ghosts, and – I cry! – Ha! You all do not see the tears which an undivided heart cries with – those that are separated from me by the sea.”[24] How painful it was for him to realise the enormous distance that separated him from those who were dear to him – the distance which separated him from his closest one!

Why did Kraus depart? In his letters to his parents (where he could not be absolutely sincere) he wrote various versions and even admitted:

"How I came here, I did not know" [Wie ich hieher kam, war ich unbekannt].[25] Perhaps, Kraus hoped to arrange his life and, thus, his destiny with Hahn... This is my supposition, but, considering all the available facts, only this scenario seems plausible; otherwise – why to tear oneself away from one's beloved, for whose sake one refused a good offer?

On the 4th of March 1779, after a year of failed attempts to find a job, Kraus wrote to Hahn: "I had nothing to do here; I could depart, but I did not; I incurred debts, and I cannot depart – the reason why I am writing to you what I wanted to tell you. I often thought about you – only about you – for you I forgot my father and mother, who weep over me like a refugee. Your Kraus."[26] In loneliness and distress, tormented by bouts of his illness, Kraus thought about Hahn – about the one who was dearest and closest to him... It is not known what else was written in that letter, for it has not survived in its entirety.

Instead of Hahn's reply, Kraus received a letter from his own parents, who informed him that Hahn had died, on the 30th of May 1779. Kraus' letter, which had arrived too late, had been forwarded to them by Hahn's parents.

After Kraus' departure, Hahn lapsed into melancholy incomprehensible to those who were not kindred to him, abandoned all his occupations, and destroyed his writings. Persons, who did not know the reason or misunderstood it, called him

"hypochondriac." To part from the one who had replaced the deceased loved person, to be left by a grave in the pitch-dark loneliness without a true friend, with fragile health, financial problems and hardships in the family (Hahn's father was gravely ill; perhaps, his mother had a serious illness, too – judging by her untimely death in February 1780) – all this suffices to break the most steadfast will to live. Hahn was affected by the death of Closen; a year and a half later, he parted from another person who was dear to him: what remained in his life? It is not life as such that is valuable, but important things in it. Hahn lost all that was important to him. Owing to his sorrow and loss of the will to live, his delicate physical health succumbed. Kraus wrote about him: "[...] weaker in body and more impetuous in spirit than I [...]."[27] Kraus himself had spells of hemoptysis at the time of their friendship; how fragile was Hahn, then?... It can be assumed, with a high degree of probability, that Hahn had consumption, for no other disease produces the combination of physical weakness and spiritual uplift that was characteristic of Hahn. Under the influence of constant negative emotions, the immune system declines in strength, and tuberculosis progresses.

"He, weaker in body and more impetuous in spirit than I, finally became a victim; I was left behind and vegetated,"[28] Kraus wrote about Hahn to his new beloved Johann Samuel Liedemann in March 1785. In that letter Kraus admitted: "I

chained myself to my first friend Hahn, I chained myself forever." "Forever" – this is a clear proof of the strength of Kraus' love for Hahn, for he not only felt it seven years (!) after the parting from his friend, but also told about it to the one whom he loved passionately at that time. How much he loved Hahn that the new love did not eclipse his image! How much Hahn had loved him that he had not endured the separation!...

Joseph Martin Kraus, who was quite demanding, considered Hahn to be his true friend and had fond memories of him: this siffices to show that Hahn was an outstanding person and a faithful friend. This evidence nullifies biased opinions of some insignificant and hypocritical acquaintances of Hahn – acquaintances, who were incapable of understanding him, owing to their spiritual short-sightedness. *To be a true friend is still more important than to be a genius*. Hahn's friendship with Kraus was far more valuable than what he wrote or could have written. The Love of Hahn and Kraus is more precious than any poetry.

With the death of Johann Friedrich Hahn, Kraus lost his only friend at that time, and the literary world lost a great poet. Johann Martin Miller wrote in his collection of poems in 1783: "Hahn, the noble one, is no longer alive. If Germany had known him as his friends knew, how many tears would have been shed over his grave!"[29]

Afterword

I learnt about Johann Friedrich Hahn for the first time on the 18th of April 2012, when I was reading about the life of Joseph Martin Kraus. In 2013 I wrote a novel about them – "There Is No Life without a Friend," dedicated to Hahn. At that time I had sufficient material about Kraus, but I had almost nothing about Hahn. I knew only the dates of his birth and death, the place of his studies, and what Kraus had written about him. Hahn's personality was completely unknown to me, and I portrayed him in my novel as I imagined him. Only on the 28th of December 2024 I managed to find his poems and letters, and in the following months I gleaned some more information. Hahn's poems helped me to overcome my depression caused by insurmountable circumstances.

As far as I can see, I was not mistaken in depicting Hahn's character in my novel. As to the cause of the separation of Hahn and Kraus, I presented an implausible version there (the choice between a friend and one's personality), for it seemed to be the most suitable for a literary work. The novel is based on a true story; nevertheless, it is a fiction.

Besides, in my first collection of poems «Только слово живет» [Only the Word Lives, 2013] there is a poem about Hahn. By an interesting coincidence, it reminds stylistically of Hahn's short

poems:

The Doom

A brother
snuggling up to your heart
as tenderness –
such was your life,
which broke
into loneliness.

April 18, 2012

I intend to publish several poems about Hahn as well as my translations of his poems into English and Russian in my sixth collection of poems "Songs from Afterlife."

As to this biographical essay, my original goal was to use it as an introduction to an edition of Hahn's poems and letters in the original and my translation. Unfortunately, I could not find all the necessary materials (I wrote requests to the libraries, where the materials are kept, but in vain); therefore, I changed my goal and limited myself to writing this essay and translating some works of Hahn. There is a bitter irony that it was I who did all this, whereas his compatriots – literary scholars of all calibers – only belittled him without trying (or being unable) to appreciate him as a person and as a poet. "Nemo propheta in patria" – "No man is a prophet in his own land."

But – have true creators a homeland? God is their father, and Eternity is their homeland.

Kraus wrote: “It is much, very much to find one friend in one’s life…” To find one *true* reader is also very much, Friedrich. I hope that you have found such a reader in me.

Your Poems

Miles and miles
of someone else’s pages,
written for fame or money,
are less valuable
than few lines
created by your loving heart.
Your poems make me feel.
Your poems make me smile.
Your poems make me live –
at least for one moment.
But one moment of joy
is a whole universe
for the one who is in pain.
Your heart speaks to my heart.
Your soul touches my soul.
You hold your hand out to me
lost in the icy loneliness
of this inhuman world.

March 30 – May 4, 2025

References

[1] Christian Graf zu Stolberg, *Kurzer Lebensumriß des Grafen Friedrich Leopold zu Stolberg. Aus dem XXII. Heft der Zeitgenossen besonders abgedruckt*. Leipzig, 1821, p. 13.
[2] Johann Martin Miller, *Gedichte*. Ulm, 1783, p. 37.
[3] Albert Becker, *Zur Lebensgeschichte und Charakteristik Johann Friedrich Hahns (1753-1779)*. Germanisch-Romanische Monatsschrift, 1911, p. 181.
[4] Ibid., p. 182.
[5] *Briefe Friedrich Leopolds Grafen zu Stolberg und der Seinigen an Johann Heinrich Voß*. Münster, 1891, p. 3.
[6] Ibid., p. 8.
[7] Ibid., p. 17.
[8] Ibid., p. 30.
[9] *Gedichte und Briefe von Johann Friedrich Hahn*. 1880.
[10] Johann Martin Miller, *Gedichte*. Ulm, 1783, p. 37.
[11] Ibid., pp. 41-42.
[12] *Gedichte der Brüder Christian und Friedrich Leopold Grafen zu Stolberg*. Wien, 1821, pp. 18-19. With a footnote by the editor: "Hahn, the excellent Swabian youth, who died too young."
[13] *Gedichte von Maler Friedrich Müller*. Jena, 1873, pp. 8-10.
[14] *Briefe Friedrich Leopolds Grafen zu Stolberg und der Seinigen an Johann Heinrich Voß*. Münster, 1891, p. 17.
[15] *Der Göttinger Dichterbund. Dritter Teil*. Stuttgart, 1895, pp. 355-357.
[16] *Gedichte und Briefe von Johann Friedrich Hahn*. 1880.
[17] Johann Martin Miller, *Gedichte*. Ulm, 1783, pp. 407-410.
[18] *Musenalmanach* (edited by H.C. Boie). 1786, pp. 159-162, as J.Ae. Klöntrup.
[19] Joseph Martin Kraus, *Etwas von und über Musik fürs Jahr 1777*. Frankfurt am Main, 1778, p. 35.
[20] Irmgard Leux-Henschen, *Joseph Martin Kraus in seinen Briefen*. Stockholm, 1978. To Kraus' parents; April 3, 1778;

p. 205.
[21] Ibid.
[22] Irmgard Leux-Henschen, *Joseph Martin Kraus in seinen Briefen*. Stockholm, 1978. To Kraus' parents; May 20, 1777; p. 193.
[23] Irmgard Leux-Henschen, *Joseph Martin Kraus in seinen Briefen*. Stockholm, 1978. To Kraus' parents; April 3, 1778; p. 205.
[24] Irmgard Leux-Henschen, *Joseph Martin Kraus in seinen Briefen*. Stockholm, 1978. To Kraus' parents; September 10, 1778; p. 213.
[25] Irmgard Leux-Henschen, *Joseph Martin Kraus in seinen Briefen*. Stockholm, 1978. To Kraus' parents; May 8, 1779; p. 221.
[26] Irmgard Leux-Henschen, *Joseph Martin Kraus in seinen Briefen*. Stockholm, 1978, p. 218.
[27] Irmgard Leux-Henschen, *Joseph Martin Kraus in seinen Briefen*. Stockholm, 1978. To J.S. Liedemann; March 1785; p. 305.
[28] Ibid.
[29] Johann Martin Miller, *Gedichte*. Ulm, 1783, p. 37.

Poems by Johann Friedrich Hahn

The Remembrance

In October 1772

Break, oh moon, your cloud, incline your smiling
Pale cheek hither – gently like the smile
Of comfort when it triumphs over
A lone weeping innocence.

Ah, my Closen![*] Oh you, the most beloved
Of all whom my heart loved, smiled thus –
Through the tears of farewell –
With your last, last gaze at me!

“Once more, press your heart to my heart, oh you,
The most beloved of all whom this heart loved!
Once more! – – Never again!”
I sobbed, wept loudly, and sank

To the stronger breast! His kiss was hot, and then:
“Here never again, oh friend! But death and Eden
Belong unto us, my Damon! –
Where love no longer weeps.”

Oh, my spirit is bowed! Break your cloud, oh moon!
Bowed to the grave... Shine upon me with comfort
Ah! – with the comfort of death and Eden,
Where love no longer weeps.

---

[*] Baron Carl August Wilhelm von Closen (1756-1776).

To Bardenhold[*] at the Piano

In November 1772

Whom, beloved, is the silvery dance tune for?
How the youth is dancing to it! – the one whom
    Exultant years will bring joy to
        From the future.

Are you playing for me? Oh, down – until the cold
Quivers through my shoulders; down – to the
                                        echoes of sighs,
    Which the midnight rolls dully through
        Hollow vaults of death.

It is more than madness; and soon, soon, there
                                        will be the fulfilment –
The prayer of my soul and the consolation of my
                                        gaze...
    An angel of God has often descended
        Before my eyes.

Verily! Since I spoke this, you have struck more notes
Than there remain the hours, which tremble
                                        through my heart...
    Ah! You are teasing me!... If this is
        Madness, – oh leave me, oh leave me, my friend!

If there were more of them; I prayed on my knees
That they would return, I prayed that they
    Would not drag me back
        Under the vipers' brood,

[*] Gottlob Dietrich Miller (1753-1822).

Which already swells and shoots its poison at me –
Where nothing noble is left; I feel by heart
    That, like yours, his
        Soul would be mine and mine would be his.

You are still far from me! Deeper, oh still deeper! –
Sink your string down that my spirit may rise
    In the dread of its hope;
        The fulfilment is imminent, it will be!

And you will not be far from me, beloved,
When, in the certainty of hope, my face languishes
    More serenely in the sweat of death
        Than in the tears of life.

More serenely – even when a flaming pain tears
Through my limbs for the last time, and my leg rolls,
    And you come then, and you lean
        Invigoratingly over the martyr.

Do not fear the coldness of the perishing person, my faithful one.
Give me your hand! And then – through the crushed heart –
    One more trembling of love,
        And lo!– the dust stares.

Stay! Are you shivering? Oh, stay, stay, beloved!
This slight whimpering pain – ah! – is the flying
    Brotherly soul, which
        Flows round your visage gently once more.

The Evening

He flies with you, oh Sun, bowing his head tiredly, –
Your golden-haired youth – the Day;
    The twilight grieves all around; even Echo's lips
        Are silent with slumber in the grotto,

And my song does not elicit her dreamful notes.
To you, oh Creator of Joy, to you alone
    The earth rejoices! Behold, your visage
        Turns away, and silence reigns.

But your purple gaze, which you depart with,
Shines with gold like the splendour of immortality!
    You look back at the earth and, smiling gently,
        Bless your friend once more.

The Reassurance

God is a god of love!
He is every destiny's Father God!
    And – I am crying?...

Before Sleep

This weariness of approaching slumber?...
    This gentle pain of slumber?...
        Vain consolation! I shall
            Awaken again.

Sympathy

Similarity, sympathy,
Inseparable!... Even if it were a mirage...
How the splendour of the day rattled!
My spirit was lonely. Hail,
Midnight!

The Exhortation

Grave!
Yes, you are the greatest consolation of all.
My consolation!...
But it is far greater – without consolation –
Not to weep.

The letters of Johann Friedrich Hahn

To Friedrich Gottlieb Klopstock

On behalf of the group

Göttingen; March 24, 1774

When the oaks rustled, our hearts trembled, the moon became brighter for us, and the bond for God, freedom and our Fatherland glowed in our kiss and handshake, – even at that time we sensed it, and we told each other: “God has blessed us.” Great man! You want to be among us! Oh, this is no longer a supposition, this is certainty – God has blessed us! We cannot speak otherwise if our heart is to speak, and this time it will be allowed to speak. God has blessed us! This conviction was not only at the first overwhelming news, but we still feel it when we are quietly together, looking at each other and loving each other more warmly in saying: “*Klopstock* is among us!” But the impatience of expectation awakens then, and it would be difficult to overcome it, if the gratitude for what is already present did not fill our whole hearts anew. God has blessed us! *Klopstock* is among us!

The Group

To Friedrich Gottlieb Klopstock

Zweibrücken; December 25, 1774

Even if the outcome of your letter to Casparson had been the happiest, I could not have thanked you more heartily than I thank you without it, my father, my father Klopstock!

My uncle promises very little; but as far as I know him, he would not fulfil even that little, even if I still desired it to be fulfilled. I am with my parents now. Voß wrote to Mumssen, asking him for an advance payment for the printing of the future almanac. Before he could reply, the *Konrektor* von Einem in Münden offered half. Soon afterwards, Mumssen replied, rendering Einem's offer superfluous, and Boie was kind enough to accept it as payment for my debts. A translation of Ossian, which I shall prepare this winter and Boie's brother-in-law will publish it, is the only means whereby I intend to pay to Einem.

How do I live here? With what heart? You, too, have lost friends, and you know Closen [perhaps, Hahn means the temporary separation from Closen]. You can imagine how everyone, who is not an enemy of fine arts, is regarded here when I tell you that a man of no small reputation could claim in a society, without being ridiculed, that all actors are hypocrites, for they represent emperors and kings, although they never had a crown

on their head or a sceptre in their hand. I have no prospects of advancement here yet, and I do not particularly want one.

Your letter has not been forwarded to me yet; but if it has arrived in Göttingen, I know for sure that Closen has it, and I shall receive it soon.

As far as I know, Leisewitz wrote to Göttingen only twice and only a few lines. He spent some time in Braunschweig, then in Hanover, whereupon he returned to Braunschweig.

They say here that the Duke of Würtemberg has invited you to his home. If I knew the time of your return to Carlsruhe, I should be with you as soon as possible, my father Klopstock!

Hahn

My father, who desires nothing more than to see you before his end, commends himself to you. My father is exempt from postal fees; therefore, you no longer need to frank your letters.

To Johann Heinrich Voß

[The beginning of 1775]

Behold, dearest Voß, the distractions of my fate, my negligence, and, especially, the confidence that my friends do not need my letters to

know my heart, have seduced me again so much that this is my first letter to you.

We promised each other not to complain, but let me say only this: *you* have been my friends, and I can no longer be anyone else's. Like Werther, *I*, too, had a heart to embrace a world lovingly. The world rejected it; and with the love, capable to embrace an entire world, it embraced only you [friends], and it still embraces only you [friends] and my family, thereby embracing all the sufferings that my soul is able to feel. And only *these* sufferings, which I am unable to bear, could overcome me so much that I, perhaps, now face your reproach, which I have never faced, but I face it calmly, for it cannot *affect* me. The reproach that I should not have thought of you if I had not needed your help. And will you indeed do this, Voß? But I want to finish.

Klopstock wrote to me, I should like to visit him, my father desires nothing more fervently, Carlsruhe is only 9 miles from here; but it has not been possible to raise the money for the journey. Miller [Gottlob Dietrich Miller] lent me 10 guilders in Wetzlar, but it has not been possible to send him even half yet. The interest on our family's debts takes up a significant portion of my father's salary, and creditors, who no longer want to wait, are already counting on his future quarterly salary. I have four sisters, the eldest is not 15 years old yet. I sit here and help to increase the costs and our misfortunes. If my father lives, he

can live only a few more years. All that the sadness of the tenderest heart and the most impetuous character can do, they have done to his body. If my father dies, the creditors will seize all the furniture and all that we own, and all that we own will not pay even a third of our debts. And what god will save my mother and uneducated siblings from starvation then? Advancement is impossible for me here; and where shall I go, if my father dies, – I, who should be the support of my family?

Considering all of the above, imagine the inner life of a family, in which only begging and starvation remain of all the misfortunes that can befall mortals. And will you forgive me for writing so late, and will you reproach me, Voß?

Studying theology is the only possible solution. But how? By means of what? You offered to give me 200 thalers if you earned 1000 thalers from the almanac. If the almanac is published, this is certain. But this will take too much time, and if it takes so much time, it is almost certain that my father will not live to see my return. Therefore, an advance payment would be necessary. Stolberg and Leisewitz are the only ones who can help. 200 thalers would suffice. To wit, 10 Louis d'or every quarter. How? Could you please ask Stolberg and Leisewitz whether each of them could advance 5 Louis d'or every quarter? If they can, they ought to send them for the first quarter as soon as possible. You [plural] would send me 6

of them for the travel expenses, and I should be back with you [plural] by Easter. You will receive this letter on Saturday; on Monday you could write to both of them and ask them to reply with the first post. Ask Stolberg whether he could advance 10 if Leisewitz did not give 5. Tell him about my fate in Göttingen and here, and explain to him why I do not write to him myself. I shall write again on Thursday. Burn my letter.

Hahn

Boie ought not to know the slightest thing about all this. Closen may write to me anything, but he must put double envelopes around his letter. Closen, please answer me on Sunday! And whatever you want.

Let me know through Closen on Sunday whether you will write to Stolberg on Monday. I shall write to Closen on Thursday.

To Friedrich Gottlieb Klopstock

After my return, I had to write to many persons, I wanted to write to everyone – and to everyone at once, but I wrote to no one. That coldheartedness could not have played a part in this delay, I could not prove to the others more irrefutably than by not writing to you either. I had no

reason to fear your suspicions: you saw me taking leave of you, my father Klopstock!

Sprickmann's departure is so hasty that I can tell you only this.

Hahn

Göttingen
March 8, 1776

I am very fond of Sprickmann. He does not know my circumstances, and I should not want more persons to know them save those who already know. Could you please say this to Voß?

To Friedrich Müller

Zweibrücken; October 20, 1776

Dear Müller,

The warm, honest, and trusting Müller has become a juggler – a cold, forgetful man, who despises all that was before. This is strange – this is irresponsible! Indeed, why do you need a Zweibrückener? What use would it be to you to have a friend in Zweibrücken when you have enough friends of importance and reputation elsewhere? But I should not want to offend old acquaintances or to treat them with such contempt. I knew a peasant lad who was so polite and talkative when

I visited his father (who was truly a rich man) that I often wondered where the young fellow had got his good manners, his loving, trusting nature. I recently met this lad before the guardhouse at the lower gate. “Hey, Adam,” I said to him; “You are here and in a soldier’s uniform?... How did that happen?”

I expected him to tell me, with his usual courtesy, the detailed story of his transformation. But instead of it, he gave me a very insignificant answer, while his mien seemed to say: “Sir, have some respect! I am a musketeer, and no longer so insignificant a creature as before!”

The poor man often has very few reasons to be proud. You will agree with me that this lad behind the plough, full of concern for his fatherland and his parents’ and siblings’ well-being, would deserve more respect than he does before the guardhouse in a country where no enemy attack is to be expected.

I have sought, like a needle in a haystack, the reasons why you seem so alienated from us, why you are so distant; and, verily, I have found nothing more reassuring than this: you no longer want to live in friendship with us, for you no longer need us.

Forgive me! I did not mean to say anything harsh to you, but such harsh words often escape from an overflowing heart against its will. When a man has once reached the point where he no longer needs anyone’s help or feels the joy of an

old acquaintance, and he feels himself lifted above vanity, then he is a truly happy man – and great in such a way that I certainly do not envy.

But it is enough, if you are happy and content; in the end, what does it matter what one was, it is enough that one is.

At first, I had a desire to be still more bitter, but I think you will have enough of this, and you will not believe henceforth that we are as indifferent to old friends as you are. If you improve yourself with this lesson, you will certainly be accepted again. If not – well, I once had a friend named Müller, who composed verses, wrote idylls, and then renounced all.

Your most obedient servant Hahn

The materials of Johann Friedrich Hahn

Poems

Teuthard an Minnehold [to J.M. Miller]
Sehnsucht
Erinnerung
An Bardenhold beim Klavier [to G.D. Miller]
Beruhigung
Vor dem Schlaf
Sympathie
Ermannung
Klopstock ("Hinausgeschwebt ist er durch alle Sonnenhöhen")
Klopstock ("Da steht er still und hoch")
Der Abend
Der Eichenkranz

The aforenamed poems were published in 1880 ("Gedichte und Briefe von Johann Friedrich Hahn"). Other poems are as follows:

An einen Pfeifenkopf [Universitätsbibliothek Freiburg].
An einen König [Universitätsbibliothek Freiburg].
Der Tugend-Sänger [Albert Becker, *Zweibrücken: Ein unbekanntes Gedicht des Hainbündlers Johann Friedrich Hahn (1753-1779)*, Germanish-

Romanische Monatsschrift, 1913, p. 220].

Letters

To Friedrich Müller. Göttingen; December 23, 1773.
To F.G. Klopstock, on behalf of the group. Göttingen; December 27, 1773.
To F.G. Klopstock, on behalf of the group. Göttingen; March 24, 1774.
To F.G. Klopstock. Göttingen; July 21, 1774.
To F.G. Klopstock. Göttingen; July 30 – August 4, 1774.
To F.G. Klopstock. Zweibrücken; December 25, 1774.
To J.H. Voß. Zweibrücken; the beginning of 1775.
To Friedrich Müller. Zweibrücken; October 20, 1776.
To Friedrich Müller. Zweibrücken; January 26, 1777.

The above-listed letters were published in 1880 ("Gedichte und Briefe von Johann Friedrich Hahn"). Other letters are as follows:

To E.T.J. Brückner, 1773 [Freies Deutsches Hochstift – Frankfurter Goethe-Museum].
To E.T.J. Brückner. Göttingen; October 18, 1773 [Freies Deutsches Hochstift – Frankfurter Goethe-Museum].

To J.F. Boie. Göttingen; July 11, 1774 [Schleswig-Holsteinische Landesbibliothek].

Entries in friendship albums

The album of Carl Friedrich Cramer. Göttingen; July 15, 1773.
The album of Carl Gotthilf Hahn. Göttingen; November 5, 1773.
The album of Johann Anton Leisewitz. Göttingen; June 2, 1774.
The album of Johann Thomas Ludwig Wehrs. Göttingen; October 16, 1774.

The materials of Carl August Wilhelm von Closen

The entry in the friendship album of Carl Friedrich Cramer. Göttingen; July 15, 1773.
The entry in the friendship album of Johann Anton Leisewitz. Göttingen; June 2, 1774.
The letter to an unknown recipient. Göttingen; February 1, 1775 [Staats- und Universitäts-bibliothek, Hamburg, Carl von Ossietzky; Literatur-archiv].
The letter to Johann Martin Miller. Göttingen; June 25, 1776 [Stadtarchiv Hannover].
The letter to Anton Matthias Sprickmann. Göttingen; August 9, 1776 [Universitäts- und Landesbibliothek, Münster, Westfallen].
The letter to Anton Matthias Sprickmann. Göttingen; August 13, 1776 [Universitäts- und Landesbibliothek, Münster, Westfallen].

IN RUSSIAN

Йозеф Мартин Краус

(1756-1792)

Романтическая жизнь Йозефа Мартина Крауса

Вступление

Мое музыкальное знакомство с Йозефом Мартином Краусом состоялось весной 2012 года. При прослушивании его музыки, с первых же нот у меня возникло удивительное ощущение тепла и единства с композитором. С первых нот он показался мне близким, как старый друг.

Я прослушала все его музыкальные произведения, выучила немецкий язык, чтобы прочитать его письма (издание 1978 года), изучила наличествующие материалы о нем, а также написала о нем сама – цикл стихотворений «Любящая теплота» (2012 год, в моем сборнике стихов и переводов «Только слово живет») и две повести – «У Бытия твое тепло» (2012 год, в моей книге “Minor Prose”) и «Без друга жизни нет» (2013). В стихах я говорю о музыке Крауса, которая слышалась мне исполненной спасительной, животворящей теплоты, исходящей из чуткого и любящего сердца. В повестях идет речь о любви Крауса.

Для меня романтическая жизнь Крауса была с самого начала столь ясна, что не казалось

необходимым что-либо уточнять, объяснять или доказывать. Его чувства и желания, его глубинная сущность были мне понятны, как мои собственные. Но в музыковедческих (и околомузыкальных) кругах полемика насчет его личных предпочтений еще не закончена, поэтому я задумала написать данный очерк, хотя мне не нравится анализировать частную жизнь композитора.

Йозеф Мартин Краус был прекрасным молодым человеком с хорошей внешностью, ярким талантом и приятным характером. Он отличался исключительным обаянием и умел располагать к себе людей. Он был уравновешенным, уверенным в себе, оптимистичным и (в лучшие периоды жизни) очень жизнерадостным. Он не был склонен жаловаться, легко прощал, не таил обид, помнил хорошее и забывал плохое. «Он обладал большим знанием жизни, незамутненным духом, свободным от обычных музыкальных прихотей, устойчивым и ровным характером».[1] Всего этого было бы более, чем достаточно, чтобы завоевать сердце какой-нибудь особы и создать с нею супружеский союз. Тем не менее, Краус не предпринял ни малейшей попытки в этом направлении. Не наличествует никаких свидетельств романтического интереса с его стороны к противоположному полу. Зато есть свидетельства иного рода – немногочисленные, но убедительные.

I

В жизни Крауса были, по меньшей мере, два значимых для него молодых человека. Первый из них – Йоханн Фридрих Хан (1753-1779), поэт, один из основателей Гёттингенского поэтического кружка. Увлеченный, пылкий, мужественный, «полный силы и огня»,[2] автор стихов, превосходных по своей глубине и энергии. Краус познакомился с ним в бытность студентом юридического факультета в Гёттингене, куда прибыл в конце 1776 года (первое письмо Крауса из Гёттингена родителям датировано 3 декабря 1776 г.). Уже в апреле следующего года Краус, перечисляя выдающихся (по его мнению) поэтов современности в своей работе о современной музыке “Etwas von und über Musik fürs Jahr 1777,” называет: «Граф Ф.Л. Штольберг, художник Мюллер, мой Х...»[3] «Мой Х.»: Йоханн Фридрих Хан. Это застенчиво-недописанное, скромно поставленное в самый конец упоминание с притяжательным местоимением, это стеснительно-недосказанное присвоение – выражает всю значимость Хана для Крауса и уровень близости их отношений на тот момент. «*Мой* Хан». Поскольку он упомянут не в личном письме к какому-либо другу, а в работе, предназначенной для публикации, это «присвоение» звучит по-особому интимно и глубоко. Как если бы Краус желал во всеуслышание заявить

о том, что этот чудесный поэт и замечательный человек – *его*, его собственный, близкий, нужный, любимый... Есть в этом упоминании что-то по-юношески открытое и сильное. Как если бы вся фраза о видных поэтах была написана только ради этого упоминания...

Что касается Хана, то встреча с Краусом явно казалась ему чудом Божьим: 21 декабря 1776 года, в возрасте двадцати лет, умер от чахотки его вернейший друг барон Карл Август Вильгельм фон Клозен. «Самый любимый из всех, кого мое сердце любило», – писал о нем Хан в своем стихотворении.[4] Они оба жили в Цвайбрюкене, Хан знал Клозена со времен учебы в гимназии, они не расставались и в Гёттингене, куда Клозен поступил учиться на юриста 27 апреля 1773 года. А когда им приходилось разлучаться на короткое время, это было для них тяжело так, словно они прощались навсегда. Вот как пишет Хан об одном из их временных расставаний:

Воспоминание

В октябре 1772

Развей, о луна, свое облако, склони улыбающийся
Бледный лик – ласково, как улыбку утешения,
Когда оно торжествует
Над плачущей одинокой невинностью.

Ах, мой Клозен! О, самый любимый
Из всех, кого мое сердце любило, ты так улыбался
Сквозь слезы прощания
Мне своим последним, последним взглядом!

«Еще раз прижми свое сердце к моему,
О, самый любимый из всех, кого это сердце
любило!
Еще раз!.. И более никогда!» –
Я воскликнул и, разрыдавшись, приник

К более сильной груди. Жарким был его поцелуй, а
затем:
«Здесь более никогда, о друг! Зато наши
Будут смерть и Эдем, мой Дамон! –
Где больше не плачет любовь».

Как подавлен мой дух! Развей же, луна, свою
грезу!
До самой могилы подавлен... Просияй мне
надеждой
Смерти и вечного рая,
Где больше не плачет любовь.

На момент написания данного стихотворения Клозен жил еще в Цвайбрюкене, а Хан в то время являлся студентом Гёттингенского университета: в 1771-1774 годах он изучал там юриспруденцию, в 1775 году перешел на теологический факультет и закончил обучение летом 1776 года. Таким образом, расставание, о котором идет речь в вышеприведенном сти-

хотворении, было либо из-за отъезда Хана из Цвайбрюкена обратно на учебу в Гёттинген, либо Клозен навестил его в Гёттингене и теперь возвращался домой. Расставание на несколько недель (в худшем случае, на несколько месяцев) казалось их любящим сердцам вечным.

Также товарищ Хана поэт Йоханн Мартин Миллер (1750-1814) упоминает в своих стихах об этих печальных расставаниях:

[...] Но – увы! День расставанья
Неминуемо настал.
Долго он перед глазами
Тихим ужасом стоял.
Видел я, мой Хан, как друг твой
Помахал тебе рукой,
Как во взоре твоем грустном
Боль сверкнула вдруг слезой...

Клозен!.. Но увидим скоро
Друга снова мы с тобой.
Одинокий, где-то бродит
Он в слезах, ища покой...[5]

Какого же было Хану расстаться с Клозеном навсегда?.. В декабре 1776 года Клозен находился в Гёттингене, а Хан, уже закончивший обучение, был в Цвайбрюкене. У Йоханна Мартина Миллера есть стихотворение “Der

sterbende Jüngling an seine Freunde" [Умирающий юноша – к своим друзьям], датированное «Декабрь 1776 года».[6] В стихотворении двадцатилетний юноша, умирая, вспоминает свою жизнь и обращается к друзьям. С большой долей вероятности можно предположить, что это стихотворение – о Клозене, с которым Миллер дружил. Там есть слова: «[...] несколько недель назад // Никто не цвел так, как я» [vor wenig Wochen // Blühte keiner, so wie ich]. Если строка соответствует действительности, то получается, что болезнь Клозена усугубилась стремительно и уход оказался внезапным. Вероятно, когда Хан и Клозен расставались, то Хан даже не мог предположить, что ожидает его вскоре... Клозен наверняка собирался приехать в Цвайбрюкен на Рождество, и Хан ждал радостной встречи, но не вечного прощания. Узнав о его болезни, Хан приехал в декабре в Гёттинген и был с возлюбленным до конца.

Хан знал Клозена очаровательным юношей, веселым и полным жизни, а увидел его умирающим – увидел умершим... С Клозеном ушла огромная часть его самого. И в это время, как небесный дар, появился Краус – того же возраста, что был Клозен, красивый, пылкий, задорный... Письменных свидетельств нет, но легко можно представить, что для Хана эта встреча стала воскресением из мертвых.

Краус и Хан были счастливы. Хан познакомил Крауса с творчеством своих сотоварищей

по Гёттингенскому кружку, а также с произведениями их кумира Фридриха Готтлиба Клопштока; Краус читал стихи самого Хана. Краус любил поэзию и писал стихи сам; как же, должно быть, нравилось ему, что его друг – столь талантливый поэт!

Краус познал Хана сполна, и ничто не разочаровало его: «[...] единственный, кого я, к своему благу, полностью узнал – полностью, вплоть до малейшей детали, до мельчайшей черточки изучил...»[7] Краус встретил в Хане истинного друга – нашел самого себя в другом, обрел свое осуществление. «Это много – повторяю – много, очень много – найти в своей жизни одного-единственного друга»,[8] – утверждал Краус. Найти одного-единственного друга – это огромно, и лишь это придает жизни смысл. Не творческие достижения, не какие-либо материальные приобретения, но родство душ, духовное братство – вот, что придает смысл мимолетному земному существованию.

Краус любил Хана невероятно. Один автор, писавший о Краусе, назвал Хана «его несказанно любимый друг юности» [sin outsägligt älskade ungdomsvän].[9] Краус не хотел расставаться с Ханом: 20 мая 1777 года он сообщает родителям, что надеется найти работу в Цвайбрюкене – будь то должность учителя языка или даже писаря.[10] При этом у него был другой вариант, переданный ему через известного

поэта Маттиаса Клаудиуса: место дирижера в Копенгагене. Двадцатилетнему музыканту, пока не успевшему заявить о себе, – должность дирижера. Неплохое предложение! Кажется, любой другой с радостью принял бы его. Но Краус не согласился и отправился в Цвайбрюкен подыскивать себе место. Ради Хана Краус отказался от возможного успеха на музыкальном поприще и поехал в заштатный городок устраиваться на скромную работу, не соответствовавшую его природе. Ради друга Краус готов был пожертвовать – музыкой! А ведь для творческого человека творчество – одна из наибольших ценностей.

В начале июня 1777 года Краус посетил Цвайбрюкен, остановился в доме семьи Хана, познакомился с предполагаемым «учеником» – неким французом, который искал наставника в немецком языке, разочаровался в этом французе и вернулся в Гёттинген. В письме домой (от 11 июня 1777 г.) он с досадой громит несостоявшегося ученика, а заодно – идею с Копенгагеном, которая теперь (когда ему хотелось столь малого!) явно казалась ему насмешкой судьбы.

Возможности устроиться рядом с Ханом не было. В июле 1777 года Краус принимает странное решение, на первый взгляд противоречащее его недавнему желанию быть с другом: он задумал уехать в Швецию. Почему?

Исчерпывающего ответа на этот вопрос

нет. Сам Краус впоследствии высказывал в письмах к родителям разные версии, а в одном написал: «Я сам не понял, как здесь очутился» [Wie ich hieher kam, war ich unbekannt].[11]

Как можно уехать от человека, который дорог и с которым счастлив? Уехать, – когда был готов пожертвовать творческим успехом ради жизни рядом с ним... Уехать, – чтобы потом всю жизнь вспоминать...

Краус отрывался – с живым. В письме родителям, 3 апреля 1778 года, он признается: «На родине и всюду, где я бывал, был у меня, кроме вас, мои дорогие, один-единственный человек, которого мне хотелось бы, чтобы Вы любили так же, как меня, – что является лучшим свидетельством того, что он был таким другом, какие есть у немногих. Это молодой Хан из Цвайбрюкена – единственный, кого я, к своему благу, полностью узнал – полностью, вплоть до малейшей детали, до мельчайшей черточки изучил, и кто остался тем, кем был, и ничего не утратил при разделении, ибо он весь – ха! – его образ – так безраздельно, так глубоко во мне... Не могу выразить это, как хотелось бы. И он – он был у меня взят, и с ним *всё*. Боже! Благодарю Тебя, ведь это много – повторяю – много, очень много – найти в своей жизни одного-единственного друга».[12] И далее: «Мало есть у меня на сердце, о чем я могу поразмышлять: Вы, мои братья и сестры и мой единственный друг...» Отметим здесь

значимость Хана для Крауса: покидая родину, он перечисляет то дорогое, что оставляет, и в этом числе – Хан.

Факт того, что Краус смог столь хорошо узнать Хана, свидетельствует об открытости Хана навстречу Краусу, о его доверии к нему, о тесной близости их отношений. Если бы Хан не впускал Крауса в свой внутренний мир, у того не было бы возможности изучить его «до мельчайшей черточки». Стоит отметить слова Крауса о том, что Хан остался тем, кем и был, то есть оказался при ближайшем знакомстве именно таким человеком, каким казался поначалу. Это может говорить одновременно как об искренности – недвуличности – Хана, так и о проницательности Крауса.

Краус пишет, что весь образ Хана глубоко в нем, и признает, что не может выразить то, что хотел бы. Это ощущение образа друга глубоко в собственной душе, в собственной сущности есть ничто иное, как чувство любви. Когда влюблен, все помыслы и чувства заняты любимым, и складывается впечатление, что его образ, его тепло, его любовь присутствуют в тебе самом...

Краус осознает, что вместе с Ханом утратил *всё*. То есть *Хан был для него – всем*. И он тотчас благодарит Бога за Хана, понимая, что один-единственный настоящий друг в жизни – это огромно. И у меня был такой друг, и я могу полностью согласиться с Краусом.

Вышеприведенный положительный отзыв Крауса свидетельствует о том, что между ним и Ханом не произошло ссоры, не было разрыва, который мог бы объяснить причину отъезда. Краус не хотел уезжать – и уехал, в конце апреля 1778 года.

10 сентября 1778 года Краус делится в письме к родителям: «Когда я бываю по вечерам у моря, предоставленный самому себе и своей тоске, я сравниваю обстановку со своей родиной, представляю все свои дни, которые я по большей части так бесполезно, так жалко прожил, и моих близких, которые у меня на сердце, – и тогда образы, как призраки, передо мной витают и – я плачу! Ха! Вы все не видите те слезы, которыми плачет безраздельное сердце, – те, что отделены от меня морским простором...»[13]

Писал ли Краус Хану из Швеции? Сохранился фрагмент одного письма Крауса, от 4 марта 1779 года. Первый биограф Крауса, Фредерик Сильверстольпе, опубликовал в своей книге о композиторе лишь этот фрагмент: возможно, в утаённой части письма содержалось нечто слишком личное. Но и в сохранившемся отрывке есть слова, которых довольно, чтобы понять характер отношения Крауса к Хану: «Мне нечего было здесь делать, я мог уехать – и не сделал этого, накопил долгов – и теперь не могу уехать: причина, почему я сейчас пишу тебе то, что я хотел тебе сказать. То, что я

часто думал о тебе – только о тебе. Ради тебя я забыл отца и мать, которые плачут обо мне, беглеце. Твой Краус».[14] В чужой стране, где Краус надеялся устроиться как музыкант и где первое время жил в лишениях, он думал не о доме, не о родных, не о своей собственной судьбе, а о друге. Только о нем. Так думают о любимых. Только любимые так занимают все помыслы – даже, когда жизнь загоняет в тупик и насущные заботы, казалось бы, должны оттеснить эти мысли. Но нет: обстоятельства заставляют еще больше скучать, думать, стремиться к любимому. Одной этой фразы «Я часто думал о тебе» достаточно, чтобы понять, какое огромное значение имел для Крауса Хан. А в письме к другому возлюбленному, Йоханну Самуэлю Лидеманну, Краус пишет в марте 1785 года: «Я приковал себя к моему первому другу Хану, приковал навеки».[15] «Навеки» – это яркое подтверждение силы любви Крауса к Хану, ибо он не только ощущает ее спустя семь лет (!) после расставания с другом, но и признается в этом тому, кого страстно любит. Как же сильно он любил Хана, что даже через годы чувства к новому любимому не затмили его образ?..

Как же Краус мог уехать от Хана? Может быть, он надеялся устроить свою жизнь и вместе с тем – совместную судьбу с Ханом?.. Это лишь мое предположение, но при рассмотрении всех наличествующих фактов только та-

кой расклад кажется правдоподобным. Иначе зачем мучительно отрываться от любимого, ради которого совсем недавно пожертвовал хорошим предложением?

Было ли то письмо Крауса от 4 марта 1779 года единственным в своем роде или только единственным из сохранившихся? Оставшийся фрагмент звучит так, как если бы Краус не писал ранее: он подытоживает опыт своего пребывания в Швеции и признается, что часто думал о Хане. Однако он мог повторять это или ранее писать другие вещи: впечатление от фрагмента ничего не доказывает. Теоретически, поскольку Краус расстался с Ханом мирно, он должен был писать ему. Однако с учетом того, что письма нередко задерживались или вовсе терялись, переписка была бы слабым утешением для них обоих.

Письмо Крауса шло на удивление долго и опоздало. Родители Хана переслали его родителям Крауса, и те сообщили ему о смерти его единственного друга.

После отъезда Крауса Хан впал в непостижимую для посторонних меланхолию, отошел ото всех дел, уничтожил свои неизданные произведения и 30 мая 1779 года умер. Такой исход некогда жизнерадостного, увлеченного, духовно сильного молодого человека может объясняться лишь смертельной тоской одиночества. Тоска усугубила имевшуюся болезнь. О болезни известно из письма Крауса к Лиде-

манну: в марте 1785 года он пишет про Хана: «Более слабый телом и более пылкий духом, чем я».[16] Можно предположить со значительной степенью вероятности, что этой телесной слабостью являлась чахотка, ибо никакое другое заболевание не дает сочетания слабости тела с душевным подъемом, с активизацией духовных сил, что было столь характерно для Хана. Под длительным воздействием негативных эмоций сопротивляемость иммунитета снижается, и туберкулез прогрессирует.

Когда Краус уехал, у Хана осталась только могила его первого друга Карла Августа Вильгельма фон Клозена и воспоминания о счастье с Клозеном и Краусом. Совсем недавно – год, два, шесть лет назад – у него была жизнь, были те, кого он любил и кто любил и *понимал* его, было дело, которым он увлекался, было общение, был смысл жить... А осталось – кромешное одиночество возле могилы. Не имеет значения, что физически могли быть рядом какие-либо люди: не в их присутствии дело, но в *понимании*. Одиночество среди чуждых еще больнее, чем в полной изоляции. А по-настоящему близких у него не было больше никого. К тому же в семье Хана были трудности. Как известно из его письма за начало 1775 года, его отец тяжело болел. Отец являлся опорой всей семьи. Если в то время, когда Хан переживал отъезд Крауса, к его тоске добавилось еще и беспокойство из-за болезни отца (и, возмож-

но, матери – судя по ее преждевременному уходу в 1780 году), а также материальные сложности, то его положение было тяжелым. Где он мог найти душевные силы жить? И зачем жить? Даже если Краус уезжал не навсегда (что вероятнее всего), для Хана его отъезд все равно должен был быть равносилен потере. Он прощался и с Клозеном на несколько недель или месяцев, словно на всю Вечность, а значение Крауса могло быть (после смерти Клозена) еще больше; следовательно, и тоска от разлуки – сильнее. К тому же Хан мог опасаться за здоровье Крауса: у того, *вероятно*, была чахотка (первое кровохарканье случилось у него в апреле 1777 года, в Гёттингене). Также Хан мог предполагать, что сам не доживет до встречи. Вполне вероятно, что он воспринимал разлуку с Краусом как вечную. Если Краус не писал ему (кроме письма за 4 марта 1779 года), то Хан мог предположить худшее и пережить потерю еще раз.

Замечу, что в ту эпоху человеческие отношения значили неизмеримо больше. К слову можно вспомнить сцену прощания графов Кристиана и Фридриха Леопольда Штольбергов с друзьями по Гёттингенскому поэтическому кружку в сентябре 1773 года. Графы уезжали в Копенгаген. До утра они были с друзьями, и все плакали, и утешали друг друга, и пытались отвлечь друг друга – то игрой на фортепиано, то чтением стихов, то шутками, но ни-

что не помогало. Хан и Йоханн Мартин Миллер старались найти забавные моменты – со слезами на глазах (отметим здесь оптимизм Хана!). После отъезда Фридрих Леопольд Штольберг даже перестал на время писать стихи, а оставшийся в Гёттингене Й.М. Миллер скучал по нему и ходил к ручью, возле которого они когда-то проводили время... Таковы были друзья и таковы были разлуки. Какова же была боль от разлуки для любящего Хана, потерявшего вернейшего Клозена и вынужденного переживать отъезд Крауса и, может быть, бояться за его жизнь?! Скорбь по умершему (прошло всего полтора года после смерти Клозена, когда Краус уехал) и тоска по уехавшему – в непривычном и невыносимом одиночестве, без тех, кто был бы по-настоящему близок, с хрупким здоровьем, материальными сложностями и невзгодами в семье: этого достаточно, чтобы истощить самую стойкую личность и самую сильную волю. Я знаю, что чувствовал Хан.

Краус писал Лидеманну в марте 1785 года про Хана: «Он, более слабый телом и более пылкий духом, чем я, в конце концов стал жертвой, а я остался ненужным и прозябал».[17]

В лице Йоханна Фридриха Хана Краус потерял единственного на тот момент друга, а литературный мир – выдающегося поэта. «Благородный Хан больше не живет. Если бы Германия знала его так, как знали друзья, то

сколько слез было бы пролито над его могилой!»[18] – написал Йоханн Мартин Миллер в 1783 году в своем сборнике стихов.

Пылкий, полный духовной силы и энтузиазма, общительный Хан угас после отъезда Крауса, а сам Краус после его ухода «остался ненужным и прозябал». Так сильно они любили друг друга.

II

В октябре 1782 года Краус (уже придворный капельмейстер его Величества Короля Швеции Густава III) отправился по решению короля в путешествие по Европе. 1 апреля 1783 года он прибыл в Вену. Там он познакомился с продавцом музыкальных инструментов и ценителем музыки по имени Йоханн Самуэль Лидеманн. Лидеманн в то время являлся торговым агентом Эмериха Хорвата-Штанзита (Emerich Horváth-Stansith), осуществляя его закупки в Вене. В сферу его обязанностей входила закупка высококачественных товаров повседневного спроса, а также книг, журналов, нот и музыкальных инструментов. Кроме того, Лидеманн как знаток и ценитель музыки являлся связующим звеном с музыкальной жизнью Вены, где он лично знал многих выдаю-

щихся музыкантов. О себе как ценителе музыки он высказывался скромно, в письме к Эмериху Хорват-Штанзиту: «Я должен заверить Ваше Благородие, что, хотя я сам не очень разбираюсь в музыке, тем не менее, я большой любитель музыки, и поскольку у меня есть несколько довольно хороших друзей среди местных виртуозов, я обычно зимой каждое воскресенье развлекаю себя квартетами и квинтетами, и мне выпадает счастье знакомиться с любителями музыки, которые приходят послушать того или иного виртуоза, пробующего иногда сыграть у меня что-либо, что он хочет дать послушать».[19] У Лидеманна в доме был своего рода музыкальный салон, где играли приглашенные им музыканты.

Когда именно и при каких обстоятельствах Краус встретил Лидеманна, неизвестно. В путевом дневнике Крауса за 21 апреля 1783 года есть запись: «Концерт у Лидеманна». То есть знакомство состоялось не позднее этой даты.

Встреча Крауса и Лидеманна стала началом страстной взаимной любви. В стихотворении “Der Abschied” (“Skulda winkt”) [«Прощание» либо «Скульд* подает знак»], которое

---

* В германо-скандинавской мифологии – одна из трех богинь, что ткут нити судьбы; олицетворяет будущее. Краус интересовался темой германо-скандинавской мифологии в бытность студентом, отсюда данный поэтический образ.

Краус посвятил Лидеманну на прощание, он пишет о себе: “[...] sagt’ ich dir Liebe zu” – «я признался тебе в любви», что свидетельствует о романтическом характере их взаимоотношений (ибо разве *признаются* в любви друзьям?), и называет себя и Лидеманна «любящие», что ясно указывает на взаимность отношений: “Die edlere Flamme im Busen der sich Liebenden” – «более благородное пламя в груди любящих».

Краус был счастлив в Вене: рядом с ним был человек, с которым ему было хорошо, которому он мог доверять, которого самозабвенно любил. Спустя пять лет после расставания с любимым Ханом Краус мог снова ощутить все блаженство любви...

Лидеманн старался доставить Краусу всяческое удовольствие и устраивал в своем доме концерты для него с приглашением музыкантов: «Только для того, чтобы доставить ему удовольствие, я устроил 3 концерта, где играли музыканты из имения Эстерхази».[20] Благодаря Краусу, Лидеманн приобрел новые музыкальные знакомства: «Капельмейстер Краус, который проводил все выступления у меня, также помог мне завести несколько знакомств».[21] Помимо того, Краус помогал оценивать новые инструменты: «Я проверил инструменты [фортепиано] с помощью капельмейстера Короля Швеции господина Крауса и пианиста Рихтера».[22] Фортепиано было по-

ручено выбрать для резиденции Э. Хорват-Штанзита.

О Краусе как композиторе Лидеманн писал Э. Хорват-Штанзиту: «Музыканты и великие мастера как Глюк, Гайдн, Сальери, Альбрехтсбергер восхищаются им и не могут не восхищаться – чистотой его композиции и точностью, с которой он уравновешивает каждую ноту, исполняя совершенно естественно и при этом вдумчиво. [...] Мне повезло быть удостоенным его самой теплой дружбы; и, таким образом, он оставил мне все то, что у него есть при себе. В настоящее время он работает только над операми. [...] Из его произведений у нас есть 1 увертюра к его опере, 1 квартет из его более ранних работ и 1 соната, которую он посвятил мне в знак своей дружбы. Сейчас он работает над симфонией, которую он также оставит мне. Возможно, это дружба позволяет мне говорить о нем таким образом; как бы то ни было, я должен заверить Ваше Благородие, что я не осмеливаюсь судить о музыке и, следовательно, все то, что я здесь изложил, является суждением тех, кто понимает музыку».[23] В том же письме Лидеманн сообщал, что вышлет две арии «господина капельмейстера Крауса».

Упомянутая в письме увертюра – к опере Крауса “Aeneas i Carthago,” квартет – видимо, один из шести струнных квартетов, посвященных Королю Густаву III, а симфония, над кото-

рой работал Краус, – это симфония до минор. Существует мнение, берущее начало от Ф. Сильверстольпе, что она посвящена Й. Гайдну. Сильверстольпе приводит слова Гайдна, но делает это дважды и с совершенно разным значением. В одном месте он цитирует Гайдна так: «У меня есть одна его симфония». То есть подразумевается, что у Гайдна лишь имеется партитура одной из работ Крауса. В другом месте Сильверстольпе передает его слова иначе: «Симфония до минор, которую он здесь, в Вене, написал специально для меня». Ввиду кардинальных различий в цитатах предположение о посвящении вышеназванной симфонии Й. Гайдну, основанное на данных цитатах, не имеет веса. Судя по эмоциональной окраске симфонии – невероятно яркой, живой и страстной, вдохновением могла быть только любовь, а именно – Лидеманн. Эта симфония – звучащая страсть, само выражение любви – живущей, пылающей, глубокой. Многие композиции Крауса отличает страстность и энергичность, но данная симфония выделяется даже среди них. Можно сказать, что она – самая эмоционально окрашенная, чувственно интенсивная вещь из всех работ Крауса. Эта эмоциональная составляющая произведения отлично соответствует отношению Крауса к его возлюбленному Лидеманну, но *по идее* не может соответствовать его отношению к композитору Гайдну.

В письмах к Э. Хорват-Штанзиту Лидеманн продолжал хвалить Крауса-музыканта. Так, он приводит шутливые слова Й. Гайдна: «Он большой ценитель Крауса и говорит следующее: Краусины работы не во вкусе его господина, но, когда господин отсутствует и он хочет хорошо провести время, то поручает исполнить для него Краусины работы».[24]

Краус собирался быть в Вене до конца ноября, как мы узнаем из письма Лидеманна к Э. Хорват-Штанзиту от 2 сентября 1783 года, но 2 октября пришло повеление от короля следовать дальше, в Италию.

Краус покинул Вену в конце октября 1783 года. I. Leux-Henschen утверждает, что прощание Крауса и Лидеманна состоялось в Вене 27 октября 1783 года;[25] мне неизвестно, на что автор опирается в своем утверждении. В стихотворении о прощании с Лидеманном "Der Abschied" ("Skulda winkt") Краус, используя образы из германо-скандинавской мифологии, пишет о превосходящей силе судьбы, которой он вынужден безропотно подчиниться и следовать за нею, как тень, разлучившись с возлюбленным, однако их союз вечен. Несмотря на ярко выраженную художественность изложения, реальный сюжет четко просматривается:

Скульд подает знак

Напрасно я словно врастаю в землю, медля,

напрасно устремляю жаждущий взгляд
в глаза того, которого я любил,
как самого себя.
Скульд подает знак.
Она видела слезы –
трепетные слезы прощания –
и не почувствовала сострадания.
Она видела последний порыв бессильной руки,
она видела горестную борьбу –
и не почувствовала сострадания.
Но она видела натиск тоски,
слышала тревожный стук в груди –
видела более благородное пламя
в сердцах любящих –
и почувствовала сострадание.
Среди жуткой пряжи
разведчиц Вальхаллы
на ее глазах появились первые
слезы сострадания,
она отвела смягченный взгляд
прочь от трогательной сцены
и подняла указующий железный перст
в последний раз вверх.
Скульд подает знак.
Она мчится на стремительных крыльях,
и, вздыхая, расступается эфир
под шелест развевающейся ризы.
Скульд подает знак, – я следую.
Так следует свинцовыми шагами
за приказующим пламенем Абаддона
тень.
В священных рощах Вингольфа
я признался тебе в любви.
Тор услышал клятвы друзей

и благословил союз.
Под священной сенью Браги
я поклялся в любви к тебе,
и Браги* дал благословенье,
и вечен союз.[26]

Ф. Сильверстольпе отмечал про это стихотворение: «Оно по размеру маленькое, но во всех других отношениях это большая и настоящая ода».[27] Он утверждал, что стихотворение обращено к Лидеманну: «Краус написал его Л., когда они прощались в Вене».[28] По мнению же I. Leux-Henschen, стихотворение Краус написал для Хана по отъезде из Гёттингена, а впоследствии перепосвятил Лидеманну. Это предположение не выдерживает критики, ибо любовь к Лидеманну явно была слишком сильной для того, чтобы всего лишь перепосвящать ему имеющиеся стихи вместо написания новых. Разве у Крауса не хватило бы мыслей и чувств для создания нового произведения? Кроме того, идея преобладающей силы судьбы, которой он вынужден подчиниться, соответствует ситуации с отъездом из Вены, а не из Гёттингена. От Хана Краус уезжал по своему решению, из Вены – подчиняясь королю.

* Понятия из мифологии: Абаддон – ангел смерти, Вингольф – часть Вальхаллы, Тор – бог Грома, Браги – бог-скальд, прославленный мудростью и красноречием.

В стихотворении наглядно изображена сцена прощания и четко переданы эмоции: легко можно представить неотрывный тоскующий взгляд в глаза друг друга, набегающие слезы, взволнованный стук стесненных печалью сердец, «последний порыв бессильной руки» – движение обнять любимого человека еще раз, обнять в беспомощной попытке удержать его рядом – отвратить разлуку...

В 1785 году, в Париже, Краус положил это стихотворение на музыку и отправил в подарок Лидеманну. Это композиция для соло под аккомпанемент фортепиано “Der Abschied” [Прощание]. Композиция выразительная, глубокая и страстная, словно созданная на одном дыхании, в едином устремлении чувства – любви, тоски и надежды. Стоит отметить дважды повторяющуюся строку: «Den ich liebte, // den ich liebte wie mich selbst» [кого я любил, // кого я любил, как самого себя]. Этим повтором Краус подчеркивает силу своего чувства: не нужно иных слов, не нужно каких-либо метафор или образов, довольно сказать еще раз о любви, пытаясь *сказать* любовь. Какая глубина чувства в этом простом повторении!..

Есть другое посвящение Лидеманну: квинтет ре мажор для флейты и струнных (Вена, 1783 г.). Это мягкое многогранное произведение, сияющее тончайшими оттенками чувств – любви, нежности, страсти, благодарности...

Сила любви Крауса и Лидеманна необык-

новенна. Через два с половиной года после расставания, 10 июня 1786 года, Краус начинает письмо к Лидеманну изобретенным им самим обращением «Любимый любящий!» [Lieber Liebender]. По всей видимости, в письме, на которое отвечал Краус, говорилось о любви к нему, – судя по его воодушевлению и желанию делать признания: «Любимый! Если бы я мог прямо сейчас обхватить тебя, и ласкать [sattherzen], и целовать [sattküssen] до самого насыщения!» Глагол «sattherzen» можно перевести как «ласкать», «обнимать», «прижимать к сердцу». Приставка «satt» означает «до насыщения, вдосталь». Той же приставкой сопровождается и глагол «целовать». Вдосталь ласкать, вдосталь целовать. Ключевое понятие – *«вдосталь»*. Речь идет не о мимолетном дружеском объятии и поцелуе, но о длительной страстной ласке *вдосталь, до насыщения*. Это желание не дружеского характера, но любовного, эротического.

Чем вызван это порыв Крауса? Его фраза предваряется словами: «Теперь – к твоему роману». Должно быть, Лидеманн написал что-то пылкое об их отношениях (может быть, вспоминал, что было ровно три года назад), и Краус страстно отвечал ему: «Любимый! Если бы я мог прямо сейчас обхватить тебя, и ласкать, и целовать до самого насыщения, благодаря за все то наслаждение, которые ты этим доставил мне!»[29] «Этим» (damit) – объятиями,

поцелуями, ласками в то счастливое время в Вене. По всей вероятности, Лидеманн рассказал в письме о тоске по Краусу и своих размышлениях об их воссоединении в лучшем мире, ибо Краус пишет далее успокаивающе: «Здравия и благословения добрым страдальцам, которые жаждут иной, лучшей жизни и, покоряясь невзгодам тяжкой участи, радуются далекому-далекому венцу из рук своего *единственного*! Конечно, есть что-то невыразимо жестокое в мысли, что несчастье по-настоящему тяжело только для умеющего чувствовать; что лишь *он* обречен терпеть то, что на самом деле должно быть только следствием преступления. Я уверен, что без этого давления на человеческую природу чувство всегда только говорило бы, а не действовало». И в конце письма: «Еще словечко: я люблю тебя безраздельно, дорогой; люби и ты меня; в противном случае, да помилуют тебя Небеса! Да будет Небесам угодно, чтобы мы однажды мирно рука об руку перешли в лучший мир!»

Что примечательно: эти пылкие слова сказаны почти через три года после расставания. Зачастую чувства угасают с годами даже, если человек рядом; какова же была сила любви Крауса к Лидеманну, что спустя почти три года он относился к нему с такой страстностью? И как же любил его Лидеманн, что Краус даже через столь длительное время чувствовал это? Если бы это письмо Крауса было написано

вскоре после прощания, его эмоциональная окраска была бы ожидаема. Спустя почти три года она свидетельствует о глубине и искренности чувства. *Взаимного* чувства, ибо это письмо – ответ на нечто подобное.

Здесь стоит заметить, что многие письма из восемнадцатого века, написанные мужчинами к мужчинам, проникнуты заметной нежностью. Так, граф Фридрих Леопольд Штольберг в ранних письмах к своему знакомому Й.Г. Фоссу обычно писал: «Целую тебя тысячу раз» или: «Мысленно прижимаю тебя к сердцу». У других авторов встречались и более пылкие фразы. Как правило, в письмах трогательными являлись слова приветствия и прощания, и это были именно слова – фразы, не подразумевающие действия: авторы не выражают *желания* целовать или обнимать, не вспоминают этого, не ожидают этого. То есть душевность письма являлась *манерой обращения*, а не происходила от истинного чувства (хотя в некоторых случаях мы не можем с уверенностью отрицать это). Кардинальное отличие письма Крауса к Лидеманну состоит в том, что его стиль не окрашен подобной формальной нежностью – выражения любви являются живым порывом, не словесным оборотом. Это дополнительное подтверждение того, что Краус был влюблен в Лидеманна.

Краус доверял Лидеманну, он мог быть с ним самим собой, он мог говорить с ним о том,

что являлось важным для него, между ними была также духовная близость: такой вывод возможно сделать даже по одному-единственному письму от 10 июня 1786 года.

В распоряжении Ф. Сильверстольпе имелись, по меньшей мере, пятнадцать *копий* писем Крауса к Лидеманну, которые Лидеманн прислал биографу. Лично Сильверстольпе и Лидеманн не встречались: когда Сильверстольпе находился в Вене (с 1796 года до 1803-го), Лидеманн был в Венгрии. (Отметим, что Лидеманн при переезде из Вены в Венгрию взял с собой письма Крауса, то есть они представляли для него моральную ценность). Кроме копий пятнадцати писем, Лидеманн предоставил Сильверстольпе также копию стихотворения “Der Abschied” (“Skulda winkt”).[30] Насколько точны были копии, судить невозможно. Вполне вероятно, что Лидеманн переписал материалы Крауса с изменениями. Ниже – составленный Сильверстольпе список копий писем, которые он получил от Лидеманна:

13 ноября 1783 г., Триест
5 декабря 1783 г., Флоренция
6 марта 1784 г., Неаполь
16 марта 1784 г., Ливорно
4 июля 1784 г., Париж
22 октября 1784 г., Париж
4 февраля 1785 г., Париж
Март 1785 г., Париж

17 июля 1785 г., Париж
24 августа 1785 г., Париж
7 ноября 1785 г., Париж
28 ноября 1785 г., Париж
29 ноября 1785 г., Париж
7 февраля 1786 г., Париж
10 июня 1786 г., Париж

Как мы видим, последнее письмо в списке датировано 10 июня 1786 года. Были ли те слова глубокой любви последними, что получил Лидеманн от Крауса? В декабре 1786 года Краус вернулся в Швецию. Возможно, он не хотел вести переписку с любимым оттуда, и этим объясняется отсутствие дальнейших писем. Но, скорее всего, в распоряжении Сильверстольпе имелась неполная корреспонденция. Сомнительно, чтобы Лидеманн отдал бы постороннему человеку и, к тому же, на публикацию все личные материалы.

Из полученных копий писем Сильверстольпе издал фрагменты трех (в шведском переводе) в своей книге о Краусе “Biographie af Kraus, med Bilagor af Femtio Bref ifrån Honom” (1833) – за 5 декабря 1783 года, март 1785 года и 10 июня 1786 года. Что же стало с копиями остальных двенадцати писем, полученных от Лидеманна? Вполне возможно, что Сильверстольпе не счел нужным публиковать их (равно, как и многие письма Крауса к родителям), ибо в книге Сильверстольпе размещены лишь

избранные послания композитора.[31] Но где же тогда сами копии неопубликованных писем к Лидеманну? Самое правдоподобное объяснение, что они покоятся где-то в архивах. Некоторые авторы считают, что они уничтожены.* Если так, то это было идеей не Сильверстольпе, но сестры Крауса Марианны. Есть нечто подозрительное в ее словах, написанных к Сильверстольпе: «Нельзя ли получить вклад из писем от этого друга Лидеманна? [...] Он не будет достоин дружбы покойного, если не захочет внести свой вклад в Ваше благородное дело по мере своих сил».[32] Эти слова звучат, как провокация по отношению к Лидеманну: словно он был обязан отдать в чужие руки и, тем более, на публикацию свою личную переписку. Не стремилась ли Марианна, что-то знавшая об отношениях Крауса и Лидеманна, заполучить письма с целью уничтожить? И не было ли исчезновение копий двенадцати писем ее идеей? Сильверстольпе явно не стал бы этого делать: зачем тогда составлять и сохранять список копий? Равно исчезло и продолжение путевого дневника Крауса, который он начал вести в начале путешествия по Европе и который обрывается на 22 апреля 1783 года, хотя из его письма к родителям за 18 ноября

* Они заявляют, что Сильверстольпе уничтожил *письма* Крауса к Лидеманну. Поскольку в его распоряжении были *копии*, уничтожить *письма* он физически не мог.

того года явствует, что дневник он продолжал вести: «Я охотно поделился бы с вами выписками из моего дневника, но что-то будет для вас неважно, а большая часть – непонятна».[33] Может быть, сам Краус затерял его, но, вероятно, кто-то сделал это намеренно. К 22 апреля 1783 года он уже был знаком с Лидеманном, и вполне возможно, что в дневнике отображалось нечто интимного характера. Исчезновение большей части писем и исчезновение продолжения дневника, совпадающего по времени с романом Крауса и Лидеманна: в этом прослеживается не воля случая, но отдельного человека.

Если двенадцать копий писем и часть дневника кто-то действительно утаил, то что же содержалось в них? Во времена Крауса проявление нежности (хотя бы формальной) в общении мужчин являлось почти нормой; также это не вызывало недоумения и в XIX веке: весьма романтичные материалы легко могли быть опубликованы. Для сравнения: современником Ф. Сильверстольпе был шведский поэт Эрик Юлиус Шьоберг (псевдоним Vitalis, 1794-1828), писавший романтические стихи к своим возлюбленным-мужчинам. Эти стихи были опубликованы почти в то же самое время, когда Сильверстольпе издал биографию Крауса с частью его писем. Более того, стихи Шьоберга были также переведены на немецкий язык. К примеру, стихотворение 1819 года

“Minne och Tro. Till en Förlorad Vän” [Память и верность. К утраченному другу] с недвусмысленной строкой: «Веришь ли ты в тот край – моих стремлений светлую юдоль,// Где не из слов, но поцелуев речь?» Стихотворение заканчивается словами: «Любимый, тогда стань опять моим!»[34] В 1828 году оно было опубликовано в Швеции,[35] а в 1843 году было напечатано в немецком переводе.[36] Подобный пассаж (про объятия и поцелуи) в письме Крауса к Лидеманну (от 10 июня 1786 года) как раз и сохранен. То есть подобные вещи – признания в любви, слова об объятиях и поцелуях – не удивляли в то время ни шведскую общественность, ни самого Сильверстольпе. Возможно, в утаённых документах содержалось нечто гораздо более откровенное... Естественно, в копиях писем откровенное могло содержаться в определенных пределах, – учитывая то, что Лидеманн сам предоставил их Сильверстольпе, и они могли быть переписаны им, Лидеманном, неполностью.

Исчезновение материалов Крауса только выявляет романтическую сущность его отношений с Лидеманном.

Послесловие

Напоследок немного о том, что могло бы

вызывать сомнение в личной жизни Крауса.

Самое неожиданное, что мы могли найти у него, это была недатированная композиция для соло с фортепиано под названием “An mein Mädchen” [К моей девушке]. Из-за странной невнимательности предыдущих исследователей авторство текста приписывалось самому Краусу. 7 апреля 2025 года я, не прилагая особого труда, установила автора текста. Это был Йоханн Мартин Миллер. Данное стихотворение было опубликовано в его сборнике стихов в 1783 году. Я сообщила о своей находке Б.Х. ван Буру по электронной почте в тот же день; он ответил, что внесет необходимые поправки в свои материалы о композиторе. Сам факт того, что Краус положил на музыку чужое стихотворение, свидетельствует о том, что в сочинении композиции не было личного мотива: в противном случае, Краус использовал бы собственный текст, – как то было сделано для посвящения Лидеманну.

Никаких иных двусмысленных музыкальных произведений у Крауса не наличествует. Зато мы находим пару странных мест в его письмах к родителям. Первое – в письме от 26 июня 1784 года. 21 июня того года он прибыл в Париж. Рассказывая о городе и его населении, он удивляется неведению местных жителей, которые, по его словам, плохо представляют мир за пределами Парижа. И в качестве примера приводит следующее: «Моя девушка

[mein Mädchen] вчера спросила меня, есть ли в Германии кошки...»[37] После он продолжает критичное повествование о Париже. В конце письма Краус как будто внезапно с изумлением осознает: «Ба! Мне позавчера исполнилось 28 лет, а у меня нет жены!!!» Никогда ранее (в наличествующих письмах) Краус не писал ничего подобного. Что все это могло означать?

Отметим, что Краус прибыл в Париж 21 июня. «Девушка» упомянута, чтобы показать неведение парижан, то есть она – парижанка. Каким непостижимым образом он успел бы за несколько дней пребывания в новом городе встретить девушку и сблизиться с нею так, чтобы называть ее своей?!

По всей видимости, родители тоже были удивлены, поверили его заявлению и заподозрили неладное. В следующем письме, от 31 июля 1784 года, Краус отвечает насчет их беспокойства о том, не рассеивается ли он «на девушек, вино и другие вещи». Он явно не понимает, чем дал повод к подобным мыслям (так как он уже забыл свои слова о «девушке»), но эти предположения, кажется, забавляют его. Ибо он для доказательства своей невиновности весело и с нарочитым пафосом объявляет, что уже год любит некую девушку, отчего смотреть на других равносильно «смертному греху». Таким образом, Краус неосознанно противоречит тому, что он писал в пре-

дыдущем письме.

Судя по следующему письму Крауса, от 22 августа 1784 года, родители не поверили его новому «откровению» и что-то заметили насчет предыдущего. Поскольку те два утверждения были противоречивы, то Краусу ничего не оставалось, как хотя бы отчасти признать, что он написал неправду: «Отец прав, и словечко про ‘девушку’ было наполовину шуткой».[38] Почему «наполовину»? Видимо, тот вопрос о кошках действительно кто-то задал ему, но этот кто-то отнюдь не являлся его девушкой (и, возможно, это была не девушка вовсе). Что касается второго заявления, то Краус в письме от 22 августа продолжил свою мистификацию – в том же шутливом тоне, как и в предыдущем письме. Тщетно: как явствует из его послания от 20 ноября 1784 года (продолжение письма от 15 ноября), мать отметила: «Молодой человек кажется мне настолько изменчивым, что он сам еще не знает, где правда, а где нет». Краус мог только согласиться: «Верно!»[39]

Что же означали эти странные заявления? На мой взгляд, ключ – во фразе Крауса от 26 июня 1784 года: «Мне позавчера исполнилось 28 лет, а у меня нет жены!» Он как будто старается привлечь внимание к своей частной жизни. Зачем? Вероятно, либо он полагал, что родители могут быть озадачены тем, что он не женится, либо они это выразили. Учитывая то,

что они видели его письмо к Хану и читали в нем то личное, что скрыли от нас, Краус мог быть обеспокоен их мнением о своей частной жизни. Это беспокойство могло заставить его разыграть их, изобразив, что у него есть девушка (и намерение жениться). Почему он не сделал подобного раньше? Раньше отсутствие жены могло восприниматься как нечто само собой разумеющееся: ведь он был еще совсем молод; но ближе к тридцати годам это отсутствие могло порождать недоумение и подозрения. Таким образом, сам факт дня рождения, в который Краусу исполнилось двадцать восемь лет, мог подтолкнуть его к этой лжи. Косвенное подтверждение того, что причина заявлений Крауса – в его дне рождении, мы находим в его письме от 25 июня 1792 года, где он опять пишет: «Кстати, вчера мне исполнилось тридцать шесть лет. Гром и молния! И еще нет жены?»[40] И дальше: «Возможно, это и к лучшему. Если одному капельмейстеру не хватает, то как я могу жену капельмейстера прокормить? Это лишь мысль, что мне только раз в два года приходит». Приходит именно после дня рождения, когда он пишет письмо родителям и, думая об их возможном недоумении, старается рассеять их сомнения. В тридцать шесть лет он старается более разумно, указывая на свое материальное положение (которое отнюдь не помешало бы ему жениться, если бы он хотел, но он и не собирался). В двадцать восемь лет

он безрассудно прибег ко лжи, чем вызвал тревогу родителей и, чтобы рассеять их сомнения уже по поводу своего благоприличия, он опять использовал ложь. Почему именно такого рода? Но что же может лучше убедить добрых родителей в том, что он «не рассеивается» на дурные вещи, чем наличие некоей прекрасной платонической любви? То, что его второе заявление (в письме от 31 июля 1784 г.) тоже было ложью, очевидно по демонстративности и шутливой пафосности слов насчет этой «любви» («С головы до ног пылаю...»[41]), а также по отсутствию конкретики: Краус не называет ни имени своей пассии, ни ее возраста, ни рода занятий, ни места пребывания («Где девушка теперь? Это сущая тайна»). Зачем было бы скрывать все это? Для сравнения: в письме от 3 апреля 1778 года Краус весьма откровенно рассказывает о Хане, указывая его фамилию и место жительства, хотя отношения с ним являлись довольно щекотливой темой; для чего же он стал бы умалчивать что-либо о невинном увлечении девушкой? Более того, сразу после темы «девушки» Краус отвечает на слова родителей насчет употребления вина, и здесь манера изложения меняется: он пишет серьезнее («По-видимому, мать подразумевает белое; это нет, а своему красному я в чести не отказываю...») и даже приводит цену бутылки. Нет имени «любимой», но зато есть цена бутылки... В письмах к родителям Краус не

был – *не мог быть* – полностью искренен.

Есть еще один момент, на котором мне не хотелось бы останавливаться из-за его несущественности, но иногда его интерпретируют предвзято, поэтому разберем его здесь вкратце. Речь о стихотворении Крауса 1781 года, адресованного С.Ф. Штадинг, которая была певицей в королевском театре.[42] В стихотворении нет ничего личного и говорится исключительно о хорошем исполнении роли в опере К.В. Глюка. Исполнительнице на тот момент было всего восемнадцать лет, она явно была даровита, поскольку в дальнейшем стала примадонной в театре, поэтому нет ничего странного в том, что Краус мог отметить ее выступление поощрительным стихотворением. Краус был крайне критичен в отношении исполнителей, его отзывы о различных певцах и певицах являются по большей части отрицательными; стоит ли удивляться, что его могло восхитить качественное исполнение? Лирической коннотации (в отличие от посвящения Лидеманну “Der Abschied”) данное стихотворение *не несет*.

Если в случае с Ханом и Лидеманном наличествуют хотя бы немногочисленные, но красноречивые доказательства романтического интереса Крауса к ним, то, напротив, не существует *никаких* свидетельств того, что Краусу

нравилась какая-либо женщина. В качестве косвенного подтверждения его интереса к собственному полу приведем то, что в сфере искусства его внимание привлекали изображения мужчин. Так, в письме к родителям от 25 декабря 1783 года из Рима Краус перечисляет скульптуры Аполлона, Лаокоона, Антиноя и пишет, что прежде видел лишь их репродукции, а теперь может «полдня простоять перед ними и все же вдосталь не насмотреться».[43] Далее: любимым художником Крауса был Гвидо Рени (1575-1642), произведения которого Краус видел в своей поездке по Италии. Некоторые работы Гвидо Рени отмечает довольно выраженный гомоэротизм. Интересно отметить в произведениях художника противопоставление чувственных фигур полуобнаженных юношей и весьма невыразительных, холодных изображений женщин. Юноши в его работах – живут, женщины – присутствуют. Конечно же, на Крауса могла произвести впечатление также техника исполнения – выразительная, драматичная и страстная, но в этом плане Рени не единственный гений.

Лично я считаю самым весомым доказательством расположения Крауса к своему полу его утверждение из письма к Лидеманну, что было написано в марте 1785 года и названо им самим «Исповедание веры»: «Человек с таким пристрастным и маленьким сердечком (я признаюсь тебе в этом искренне, как Богу) – с

таким крошечным сердечком, что *один* друг наполняет его – всецело наполняет, – этот человек навсегда потерян для всякой универсальной идеологии, и таково мое сердце».[44] Эти слова оставляют без внимания, ибо не понимают ключевого смысла, который заложен в них. Краус говорит о том, что является для него *наиболее важным в жизни* – друг. «Друг» означает «возлюбленный», привязанность к которому подразумевает любовь. По опыту собственного общения я знаю эту потребность и эти формулировки. Человек нуждается в любви с представителем своего пола, лишь это является для него значимым – является смыслом жизни, но при этом он называет отношения дружбой или братством, а своего любимого – другом или братом, хотя отношения имеют эротический характер и в личности отсутствует влечение к противоположному полу. Мой друг мог бы сказать то же самое, что написал Краус.

Надо заметить, что такие простые слова – «друг», «привязанность» – скрывают бóльшую глубину, чем откровенные понятия «любимый», «любовь». Эта речевая скромность может происходить от сакральности значения. Есть вещи, которые столь значимы, что непереводимы на слова. Любовь в общепринятом смысле (как между мужчиной и женщиной) проходит, любимые в общепонятном смысле охладевают, но эта привязанность не преры-

вается и такие друзья не покидают, – даже если не могут оставаться рядом. Это связь на духовном уровне – братство душ, которое длится годами – как любовь моего друга к его избраннику, как любовь Крауса к Хану и Лидеманну. Это и есть истинная любовь, означающая взаимное доверие, взаимопонимание, уважение, самоотверженность и бесконечную преданность. И эта любовь естественно – неизбежно – включает физический аспект как одно из своих основных стремлений и одно из своих лучших выражений.

В процитированном выше письме за март 1785 года Краус в основных чертах рассказывает о своей жизни. В его изложении она получается разделенной на период до Хана («до двадцатилетнего возраста»), при нем (рассказ о том, как они проводили время) и после («я остался ненужным и прозябал», переживая некий экзистенциальный кризис). В конце письма Краус пишет: «Возможно, тебя немного порадует, что у Крауса есть только *один* друг» (то есть Лидеманн). В этом рассказе о жизни – в жизненном пространстве Крауса – нет никого, кроме Хана и Лидеманна, и нет ничего, кроме потребности в дружбе, в друге. Он не говорит ни о творчестве, ни о семье, ни о религии: есть только Друг – его единственная бытийственная потребность.

На мой личный – человеческий – взгляд,

любовь Крауса – это самое ценное у него, что даже превыше его музыки, ибо она была – *источником* музыки, была его вдохновением, его счастьем, его *силой жить* – вопреки обстоятельствам и смертельной болезни. Любовь – привязанность к другу – была для него самым важным в жизни, а для меня, его ценителя, является самым драгоценным в нем. Игнорировать или, тем более, зачеркивать эту часть его личности – значит, зачеркнуть его всего – Крауса-человека и Крауса-композитора. Он жил благодаря своей любви, и его Любовь находит отклик в моем сердце – живая, искренняя и радостная, как начало иной и бесконечной Жизни.

31 марта – 19 апреля 2025 г.

Примечания

[1] Описание Й.М. Крауса в книге “Johan Henryk Kellgrens samlade skrifter.” Stockholm, 1796, с. 226.
[2] Christian Graf zu Stolberg, “Kurzer Lebensumriß des Grafen Friedrich Leopold zu Stolberg. Aus dem XXII. Heft der Zeitgenossen besonders abgedruckt.” Leipzig, 1821, с. 13.
[3] Joseph Martin Kraus, “Etwas von und über Musik fürs Jahr 1777.” Frankfurt am Main, 1778, с. 35.
[4] “Erinnerung,” 1772.
[5] “Die Laube,” Johann Martin Miller (“Gedichte.” Ulm, 1783, с. 276).
[6] Johann Martin Miller, “Gedichte.” Ulm, 1783, с. 407.
[7] Irmgard Leux-Henschen, “Joseph Martin Kraus in seinen Briefen.” Stockholm, 1978. Письмо к родителям, 3 апреля 1778 г., с. 205.
[8] Там же.
[9] “Biographiskt Lexicon öfver Namnkunnige Svenska Män. Första bandet.” Uppsala, 1835, с. 143.
[10] Irmgard Leux-Henschen, “Joseph Martin Kraus in seinen Briefen.” Stockholm, 1978. Письмо к родителям, 20 мая 1777 г., с. 193.
[11] Irmgard Leux-Henschen, “Joseph Martin Kraus in seinen Briefen.” Stockholm, 1978. Письмо к родителям, 8 мая 1779 г., с. 221.
[12] Irmgard Leux-Henschen, “Joseph Martin Kraus in seinen Briefen.” Stockholm, 1978. Письмо к родителям, 3 апреля 1778 г., с. 205.
[13] Irmgard Leux-Henschen, “Joseph Martin Kraus in seinen Briefen.” Stockholm, 1978. Письмо к родителям, 10 сентября 1778 г., с. 213.
[14] Irmgard Leux-Henschen, “Joseph Martin Kraus in seinen Briefen.” Stockholm, 1978, с. 218.
[15] Irmgard Leux-Henschen, “Joseph Martin Kraus in seinen Briefen.” Stockholm, 1978, с. 305.
[16] Там же.

[17] Там же.
[18] Johann Martin Miller, “Gedichte.” Ulm, 1783, c. 37.
[19] Письмо от 10 декабря 1783 г. к Emerich Horváth-Stansith.
[20] Там же.
[21] Там же.
[22] Письмо от 21 июля 1783 г. к Emerich Horváth-Stansith.
[23] Письмо от 2 сентября 1783 г. к Emerich Horváth-Stansith.
[24] Письмо от 26 декабря 1783 г. к Emerich Horváth-Stansith.
[25] Irmgard Leux-Henschen, “Joseph Martin Kraus in seinen Briefen.” Stockholm, 1978, c. 113.
[26] Irmgard Leux-Henschen, “Joseph Martin Kraus in seinen Briefen.” Stockholm, 1978, c. 114.
[27] Frederik Silverstolpe, “Biographie af Kraus, med Bilagor af Femtio Bref ifrån Honom.” Stockholm, 1833, сноска на с. 105.
[28] Там же.
[29] Irmgard Leux-Henschen, “Joseph Martin Kraus in seinen Briefen.” Stockholm, 1978, c. 317.
[30] О контактах с Лидеманном и предоставлении Фредерику Сильверстольпе *копий* писем Крауса – см. Frederik Silverstolpe, “Biographie af Kraus, med Bilagor af Femtio Bref ifrån Honom,” Stockholm, 1833, сноска на с.105. Стихотворение упомянуто там как “Der Abschied.”
[31] «Количество писем, которые были нам предоставлены, составляет девяносто три. Мы публикуем отрывки пятидесяти из них, которые представляются нам наиболее интересными или характеризующими того, кто их писал». Frederik Silverstolpe, “Biographie af Kraus, med Bilagor af Femtio Bref ifrån Honom,” Stockholm, 1833, сноска на с. 38.
[32] Irmgard Leux-Henschen, “Joseph Martin Kraus in seinen Briefen.” Stockholm, 1978, сноска на с. 113.
[33] Irmgard Leux-Henschen, “Joseph Martin Kraus in seinen Briefen.” Stockholm, 1978, c. 266.

[34] “Samlade skrifter af Vitalis.” Stockholm, 1873, c. 115.
[35] “Samlade dikter af Vitalis.” Stockholm, 1828, c.16.
[36] “Gedichte von Erik Sjöberg (Vitalis).” Leipzig, 1843, c.18.
[37] Irmgard Leux-Henschen, “Joseph Martin Kraus in seinen Briefen.” Stockholm, 1978, c. 284.
[38] Irmgard Leux-Henschen, “Joseph Martin Kraus in seinen Briefen.” Stockholm, 1978, c. 289.
[39] Irmgard Leux-Henschen, “Joseph Martin Kraus in seinen Briefen.” Stockholm, 1978. Письмо к родителям, c. 292.
[40] Irmgard Leux-Henschen, “Joseph Martin Kraus in seinen Briefen.” Stockholm, 1978, c. 344.
[41] Irmgard Leux-Henschen, “Joseph Martin Kraus in seinen Briefen.” Stockholm, 1978, c. 286.
[42] Irmgard Leux-Henschen, “Joseph Martin Kraus in seinen Briefen.” Stockholm, 1978, c. 57.
[43] Irmgard Leux-Henschen, “Joseph Martin Kraus in seinen Briefen.” Stockholm, 1978, c. 272.
[44] Irmgard Leux-Henschen, “Joseph Martin Kraus in seinen Briefen.” Stockholm, 1978, c. 305.

СОЗВУЧИЯ ВЕЧНОГО

Романтическая тема в музыке Йозефа Мартина Крауса

От автора

Каждый видит то, что хочет видеть. Каждый слышит то, что хочет слышать. Слушая музыку, мы неосознанно ищем в ней самих себя – свои эмоции и жизненный опыт. Этот аспект следует учитывать при попытке интерпретировать музыку. И возможно ли вообще интерпретировать – расшифровать – музыку?

Зачастую мы не понимаем даже слов. Читая стихотворение, мы можем не понять какую-либо мысль или метафору. Как же тогда можно сполна понять музыку – чужие звучащие эмоции, чужой опыт, зачастую находящийся в иных временных и пространственных рамках?

Тем не менее, попытки расшифровки музыкальных композиций предпринимаются. Предприняла подобную попытку и я сама, в 2012 году, от восхищения музыкой Йозефа Мартина Крауса. Мне нравится во всем доходить до самой сути: читать книги в оригинале, знать контекст создания стихотворения, понимать отдельную метафору и – слышать музыку, не только слушать ее. Поэтому я попыта-

лась расшифровать некоторые композиции Крауса, желая знать, что могло послужить источником вдохновения, какие события переданы в них, какие чувства запечатлены. Свой разбор я вела, рассматривая произведения в контексте событий жизни Крауса и учитывая черты его личности.

Контекст событий и характер: можем ли мы сполна понять человека, живущего рядом с нами? Можем ли мы сполна понять собственного друга? Конечно, бывают удивительные исключения – как у меня было с моим другом, с которым существовало взаимопонимание буквально без слов, но это редкость. Как же тогда возможно полностью понять того, кого мы лично не знаем? Точнее – представляем по тому немногому, что сохранилось.

В случае с Краусом до нас дошли некоторые из его писем, часть путевого дневника, две работы в прозе, пара стихов и собственно музыка. На основании этого скудного материала мы и можем воссоздать образ Крауса. Но насколько он будет соответствовать действительности?

Наверное, у каждого, кто им интересуется, создается собственный Краус. Одному он видится очаровательным, другому кажется даже язвительным, а мне – близким. Слушая его музыку, я с первых нот услышала близкого человека. Мне Краус был понятен. Я выучила немецкий язык и прочитала его письма. В них

он тоже оказался понятен, хотя некоторые пассажи мне не понравились. Это понимание позволило мне приступить к анализу его композиций. Я была уверена, что слышу их правильно. Так появилось эссе «Созвучия вечного» (2012 год). Когда оно было почти закончено, у меня возникли сомнения: что если я вложила в описание музыки Крауса собственные чувства? Что если я ошиблась? По этой причине я не стала публиковать данную работу. Теперь, в 2025 году, когда я вновь коснулась тем музыки и жизни Крауса, я решила все же представить это эссе публике, но с оговоркой, что каждый слышит музыку *по-своему*.

9 апреля 2025 г.

Вступление

Музыка Крауса, подобная живому движению его чувств, трогательна, ясна и прекрасна, как тот нежный и чувственный большеглазый юноша на эрфуртском портрете, и глубока необычайно, ибо в ней, как и в его душе, присутствуют бытийственные отзвуки, различимые теми, кому открыта истинная любовь.

Ценность музыки Крауса – в выраженной ею личностной силе. Отсюда присущая ей редкостная глубина – то, чего достигали лишь очень немногие из музыкальных гениев, ибо недостаточно иметь дар композитора – необходимо обладать даром человека.

I

Произведения Крауса, вдохновленные его отношениями с Й.Ф. Ханом

В конце 1776 года Краус поступил в университет Гёттингена, чтобы продолжить изучение юриспруденции. Он не чувствовал к этому никакой склонности, но такова была воля его отца. Однако печалиться о своей участи ему не пришлось: в Гёттингене он познакомился с поэтом Йоханном Фридрихом Ханом (1753-1779), одним из основателей гёттинген-

ского литературного кружка “Hain.” Нежность и пылкость Крауса нашли отклик в открытой любящей сущности Хана, и между юношами вспыхнула головокружительная страсть, захватившая их подобно наваждению. Они стали осуществлением друг для друга – осуществлением всех духовных способностей, в чем и состоит счастье братства.

Соната ре минор для скрипки и клавесина, написанная Краусом в 1777 году, между апрелем и декабрем, может изображать эпизод их отношений: возможно, это ночь и утро влюбленных. Первое движение – allegro: как будто ночная попытка сказать любовь, взволнованная речь, местами нежная до печали, перемежаемая с ласками. Затем – andante-allegro, некоторая томность которого сменяется игривостью, переходящей в волнение, после чего следует диалог – вопрос скрипки (Краус) и ответ клавесина (Хан): так любящие в очередной раз уточняют, любимы ли, и уверяют в своей любви. Завершает движение «посерьезневший тон» скрипки: будто со словами любви – приникновение к возлюбленному.

Блаженство длилось недолго: в конце апреля 1778 года Краус уехал в Швецию. Зачем? Точного ответа на этот вопрос нет. 4 марта 1779 года Краус, проведя год в лишениях и не сумев устроиться как музыкант, написал Хану: «Мне нечего было здесь делать; я мог уехать – и не сделал этого, накопил долгов – и теперь

не могу уехать: причина, почему я сейчас пишу тебе то, что я хотел тебе сказать. То, что я часто думал о тебе – только о тебе. Ради тебя я забыл отца и мать, которые плачут обо мне, беглеце. Твой Краус».* Легко представить, как он ждал ответа... Вместо ответа от Хана пришло письмо от его собственных родителей с известием о том, что Хан умер, 30 мая 1779 года. Они узнали это от родителей Хана, которые переслали им письмо Йозефа. Оно опоздало: Хан не увидел его.

После расставания, Ханом овладела тоска. Он оставил все дела, казавшиеся теперь бессмысленными, и медленно угас в самой мучительной боли – одиночества... Если бы письмо Крауса пришло раньше, оно наверняка спасло бы его.

Краус на всю жизнь сохранил благодарную теплоту к памяти своего первого возлюбленного, а их отношения оставили глубокий след как в его личности, исполнив существовавшие начала страстности и нежности, так и в музыке, одухотворив ее и углубив до бытийственного. Некоторые композиции могут отображать чувства, владевшие им после утраты.

Так, есть несколько симфоний, объединенных не только настроением тоски, нежности и вспоминаемой радости, но и самим построе-

---

* Irmgard Leux-Henschen, "Joseph Martin Kraus in seinen Briefen." Stockholm, 1978, с. 218.

нием: вступление первого движения напоминает похоронную музыку.

Симфония до мажор, созданная в 1780 году: утраченное счастье и новая надежда. Ее открывает трогательное adagio-allegro, где в части adagio поначалу волнуется едва удерживаемая от отчаяния печаль, то поднимающаяся до высокой ноты, то смиренно стихающая от безысходности. Ее перенимает солирующая скрипка, звучащая словно в печальных высотах, которой отвечает тоскующая флейта: как будто воображаемая беседа разлученных любящих. Диалог вскоре завершается, и речь продолжает одна скрипка, настойчиво и отчаянно взывая к «собеседнику». Ответа нет, и движение срывается, как в плач, в общее фортиссимо глубокой боли и отчаяния, что стихает с безысходными скрипичными тремоло. Затем – пауза, как замершее сердце, после чего драматическими ударами вступает allegro, напоминая этой фигурой начальную из второго движения Погребальной кантаты (1792). Эта часть будто рассказывает историю любви, и драматическое начало возвещает о ее трагичности. Музыка движется с завораживающими переливами, словно калейдоскоп воспоминаний: зарождение пылкого чувства, ухаживание (нежный и слегка игривый диалог волнующейся скрипки и ласковой флейты) и, наконец, томность и возвышенная нега первой ночи... Многообразное единство мелодий струит-

ся свободно, как отпущенная на волю мысль, вернувшаяся в прошлое, но *помнящая* о настоящем. Второе движение – светлая печаль andante. Начальное легкое волнение переходит в жалобные скрипичные тремоло, словно плач одиночества, что сменяется несколько грустным и нежным напевом скрипки. Ей негромко отвечает утешающая, но тоже слегка тоскующая мелодия флейты: как будто снова воображаемая беседа. Позднее вступает brio, как учащенное биение сердца, забывшегося в небывалой надежде – надежде на воссоединение в лучшем мире. «Диалог» и «сердцебиение» являются темой данного движения, завершающегося сожалеющими вздохами. Заключает композицию пылкое allegro с глубокими brio, как будто выражающими радость от того, что эта любовь *была*, и надежду на ее продолжение в вечной жизни.

Симфония до мажор, написанная в 1781 году: радость прошлого сквозь печаль настоящего. Ее открывает andante di molto-allegro, где вступление также напоминает своим трагическим настроением и темпом траурную музыку. Следующая часть начинается с глубокого драматического мотива (контрабас), что сменяется приглушенно-радостной интонацией с оттенками нежности при близости к легкой грусти (флейта). Второе движение, un poco andante, – печаль (настоящее) на грани радости (прошлое): воспоминание, что подчеркну-

то задумчивыми, в даль уводящими звуками валторны. Заключительное allegro отображает некоторое смятение тех же чувств. Ностальгический подтекст, объединяющий симфонию в единое целое, выявляется в завершающем первую фразу этого движения мотиве борения-непринятия и следующим за ним смирении, выраженном затиханием тона и сильным замедлением темпа.

Симфония-успокоение до диез минор (1782) начинается пронзительной частью andante di molto, поднимающейся из тоскующих глубин и временами взлетающей в интонации плача, чтобы потом снизиться к более ровному ритму с невеселыми краткими оживлениями. Затем снова – тот же оплакивающий напев... Тишина, – и заливисто прорывается веселое brio, словно смех из счастливых мгновений. Так начинается картина прошлого, и до конца лирического движения с этими восхитительными смеющимися brio ничто не нарушает приподнятое, влюбленное настроение прежних дней. Затем andantino – подавленность, иногда переходящая в слабое оживление, за которым тихо нарастает крещендо острой боли, но, не достигая апогея, смолкает, как напрасный порыв. Заканчивает движение легкий вздох, словно внезапная надежда. После короткого смятения менуэта – почти радостное, мальчишески-оживленное allegro, построенное на ostinato, будто на единой неотс-

тупной мысли. Она направлена в прошлое, почти не помнит о настоящем и лишь на отдельных мелодических изгибах обращается в неявленную печаль.

Так прошлое, настоящее и вечное будущее соединились в этих симфониях во вневременной континуум, ибо для любви нет времени и расстояний. Страстные отношения с Ханом продолжились в музыке Крауса, который в тоске разлуки наверняка жил небывалой надеждой на воссоединение с любимым в будущей жизни.

То же сумрачное настроение с внезапным прорывом чего-то радостного, но дальнего отличает небольшой (около восьми минут) струнный квартет до минор. Он состоит только из двух частей – драматического largo с глухими низкими тонами и andantino-allegro-tempo primo, где allegro звучит подобно внезапному явлению среди печали настоящего солнечного прошлого, несколько затуманенного этой печалью. Данный квартет не имеет точной датировки – известно лишь то, что он был написан в начале творческого пути Крауса, однако его сходство с только что разобранными симфониями в настроении и отчасти в построении (начало – словно погребальный плач) не оставляет сомнений в том, что он мог быть создан в то же время или чуть раньше.

II

Произведения Крауса, вдохновленные любовью к Й.С. Лидеманну

В октябре 1782 года Краус (уже придворный капельмейстер короля Швеции Густава III) отправился по решению короля в путешествие с целью ознакомиться с музыкальной жизнью Европы. 1 апреля 1783 года он прибыл в Вену, где вскоре познакомился с Йоханном Самуэлем Лидеманном, продавцом музыкальных инструментов и ценителем музыки. Эта встреча стала началом глубокой и страстной взаимной любви. Молодые люди наслаждались друг другом полгода, пока Краус не получил от короля повеление следовать дальше.

Влюбленные расстались, сохраняя теплоту друг друга и зная, что в этой жизни они больше не встретятся. 10 июня 1786 года Краус мечтал в письме – как наверняка мечтал все это время: «Любимый! Если бы я мог прямо сейчас обнять тебя, и ласкать, и целовать до самого насыщения, благодаря за все то наслаждение, которые ты этим доставил мне!»* Завершалось письмо надеждой: «Да будет небесам угодно, чтобы мы однажды мирно рука об руку перешли в другой, лучший мир!» Их

* Irmgard Leux-Henschen, "Joseph Martin Kraus in seinen Briefen." Stockholm, 1978, с. 317.

любовь была – предчувствием Вечности.

Эти отношения оказались для Крауса открытием неизмеримо более важным, чем события европейской музыкальной жизни, и стали вдохновением для новых композиций. На прощание Краус написал Лидеманну стихотворение “Der Abschied” (“Skulda winkt”), а в 1785 году, в Париже, положил его на музыку и отправил любимому. Это композиция для соло и фортепиано “Der Abschied” – глубокая, страстная и выразительная, исполненная любви, тоски и надежды. Другим посвящением стал квинтет ре мажор для флейты и струнных – нежный и выразительный. Кроме того, Лидеманну была посвящена некая соната, как известно из его письма к знакомому: «[…] 1 соната, которую он посвятил мне в знак своей дружбы».* Но любовь не могла ограничиться лишь несколькими вещами и явно нашла свое выражение в других произведениях. Несмотря на то, что они не обозначены как дар, можно с определенной точностью предположить об их происхождении.

Во время пребывания Крауса в Вене была создана одна из его самых выразительных и богатых симфоний – до минор: наслаждение любовью перед разлукой. Ее прообразом послужила симфония до диез минор, написан-

* 2 сентября 1783 г., письмо к Emerich Horváth-Stansith.

ная годом ранее в Аморбахе и, видимо, являющаяся выражением чувств к ушедшему Й.Ф. Хану (судя по звучащим в ней погребальному напеву и приглушенным – будто вспоминаемым – радости и страсти). Новая работа оказалась не «усовершенствованием» предыдущей (что коснулось бы лишь ее, не создав другую), но совершенно самостоятельной вещью. Был был изменен темп (andante di molto стало larghetto-allegro, andantino – andante, allegro – allegro assai, менуэт был удален вовсе), введена лирическая напевность, снята интонация оплакивания и добавлен обертон надежды. Новая симфония стала более порывистой и чувственной: это не воспоминание о страстности утраченной близости, но страстность близости утрачиваемой: ведь Краус знал, что ему придется расстаться с Лидеманном.

Новую симфонию открывает драматически-страстное larghetto-allegro, исполненное живейшего лиризма. Larghetto (словно выражающее острую тоску) очень близко к исходному варианту – с той лишь разницей, что здесь снята погребальная интонация и, таким образом, несколько смягчена трагическая напряженность. Дальнейшее allegro, вместо отображения «воскрешенной» радости (взгляда в прошлое), начинается ностальгически-лиричным напевом, который вскоре сменяется восхитительным по страстности и силе долгим летящим brio, что представляется изображе-

нием любовного волнения. Оно притихает, как возможность чуть отдышаться, движение легкой грусти приобретает плавный, но все же взволнованный ритм, чтобы затем вновь – неудержимо – сорваться в неистовый полет страсти... Восторг любви перед концом – основную тему симфонии – вот, что может являть данная часть. Следующее за нею andante – это утоленность и предощущение неизбежного. Оно покойно, легко и лишь иногда исходит в тоску, особенно к завершению, где вдруг нарастает трагическое крещендо, но, не достигнув кульминации, стихает, и за ним звучит почти радость – оттого, что еще не конец, и в последних звуках – торжество этой радости. Заключительное allegro assai утверждает идею прощания при надежде на встречу. В прототипе этой части мысль кажется обращенной к неповторимому счастью (что выявляет умерение оживленного ритма – будто взгляд сквозь дымку времени), здесь же – к тому, что может однажды возвратиться. Светлая тональность из-за возможности встречи (ведь Лидеманн жив), делающая это allegro столь ясно-звонким, – отличие от первообраза. К концу движение надежды внезапно переходит в звуки глухие и тянущиеся – как тоска, сердце тянущая: то нежелание расставаться, несмотря на все ожидания. Однако в конце звучит та же надежда.

Эта композиция, проникнутая искренним чувством, сама выявляет свое глубоко личное

происхождение, служа доказательством (в отсутствии посвящения), что ее источником не могло быть ничто иное, кроме сильной и пылкой любви Крауса к Лидеманну. Возникает вопрос: почему тогда за основу для изображения нового увлечения была взята вещь, наверняка вдохновленная увлечением прежним?

Творец порой достигает предела своих возможностей в отклике на какую-либо ситуацию, тогда как она может так или иначе повториться. Осознание своего предела («лучше не могу») заставляет использовать созданное вторично – писать своего рода вариацию. В творчестве Крауса такое «повторение» было неоднократным: так, он взял Увертюру (1790) за основу для Погребальной симфонии и использовал (сознательно или нет) мотив из симфонии до мажор для Погребальной кантаты. Симфония до-диез минор интенсивно и контрастно (но без оттенка непоправимости – в отличие от симфонии до мажор 1780 года) выражает боль конца и радость прошлых солнечных мгновений, отчего и могла показаться композитору наиболее подходящей манерой передачи чувств от невозможности быть вместе. Оправданием для использования фактического посвящения являлось, видимо, то, что ситуация повторялась (Краус расставался с любовью второй раз), и к тому же, Лидеманн мог чем-либо напоминать ему Хана, чувство к которому не угасало – напротив, Краус хранил

теплые воспоминания о своем первом друге.

В декабре 1783 года, в Риме, Краус создал симфонию, которую можно назвать симфонией тоскующей страсти – ми-бемоль мажор. Ее открывает порывистое allegro с чувственными brio, за которыми следуют отчаянные приступы, рассекающие тональную поверхность, будто устремление через расстояния – к любимому, который вызывает неистовую страсть, переданную звучащим далее долгим упоительным brio. Интонация и ритм всей части полны драматического напряжения и возбуждения. Порыв завершается теми же приступами, и его сменяет тоскующее larghetto – как томление в разлуке. Оно начинается своего рода рыданиями, за которыми следует относительное примирение, вскоре вновь обращающееся в плач. После краткой паузы начинает переливаться покойно-печальный звук гобоя, иногда словно окликающий того, кто остался вдали, и почти замолкающий, как затаенное дыхание в ожидании ответа. За его последней понижающейся, будто прислушивающейся, линией – та же боль. И снова – выражение пылкой любви: заключительное allegro. Оно движется в своей предельной устремленности, как само любовное чувство: бушующие волны страсти катятся сквозь напряженную атмосферу (вновь сгущающуюся на среднем участке до драматической ностальгии), чтобы подняться на высоту возможного – в

неистовые аккорды кульминации. Это allegro, вместе с larghetto-allegro из симфонии до минор, – самые чувственные вещи Крауса: любовная страсть, ставшая музыкой.

Уже упомянутый квинтет ре мажор для флейты, двух скрипок, альта и виолончели – словно картина единения в жизни земной с надеждой воссоединения в будущей. Первая часть, allegro moderato, выражает целую гамму настроений – согласие, нежность, теплоту, а временами – тоску и тревогу, что сменяются радостью. Все пространство проницает, будто солнечный луч, тема нежной любви, а звучащие время от времени медленные переливы флейты напоминают блаженство быть рядом в сладостном всепонимающем молчании. Следующее затем largo подобно покою в храме – храме любви Крауса и Лидеманна, где царит молитвенное умиротворение, как в тех исполненных надежды словах из письма 1786 года. Изредка мир нарушают драматические вступления, как прорывы действительности – разлуки и невозможности до конца примириться с нею. Finale con brio отображает ожидаемую радость воссоединения и завершается уверенным, но не лишенным трагичности созвучием струнных – будто убеждением, что именно так и будет, но блаженству предшествует печаль.

В 1785 году была создана соната для скрипки и фортепиано до мажор. Первая часть, largo-allegro con spirito, – будто любящая страст-

ность, где прикосновения смычка к струнам звучат временами, как частые порывистые поцелуи (существовавшие тогда только в мечтах). Заканчивается часть резким ударом по струнам, словно вскриком боли от одиночества. Затем следует adagio – тоскующая ласковая мягкость с пением скрипки, что иногда напоминает отчаянный зов. И последнее – allegretto: нелегкая задумчивость и борющееся томление, завершающиеся таким же «вскриком», как в первой части. Эта соната может выражать основные чувства Крауса в то время – тоску, любовь и томление без любимого.

Есть другая соната того года: ми-бемоль мажор – противоположная вышеназванной в своем настроении. В первой части, в порывистом и местами «прерывистом» напевном allegro moderato, прослеживается некоторое сходство с первым движением сонаты до мажор (лейтмотив «поцелуев»), но настроение гораздо более приподнятое: это не тоска разлуки, но радость обладания другом, пусть и находящимся на расстоянии. Затем – успокаивающее andantino con variazioni, подобное осторожной попытке утешить. Завершается соната частью в темпе allegro ma non troppo presto, утверждающей первую. Таким образом, если в первой сонате Краус томится, то здесь радуется, хотя и умеренно. Возможно, данная композиция была написана по получении письма от Лидеманна, что создало иллюзию близости.

III

Композиции Крауса, посвященные Королю Швеции Густаву III

К рассматриваемой теме также можно отнести шесть струнных квартетов (Six Quatuors Concertantes, Op.1), равно как Траурную кантату и Погребальную симфонию, написанные в память Густава III.

Квартеты местами звучат приподнято и торжественно, а местами – мягко и интимно. Самый лиричный из них – шестой, полный душевного тепла... Партитуры данных композиций были изданы в 1784 году с посвящением Густаву III.

Любовное отношение Крауса к Густаву нашло яркое отображение в Траурной кантате. Несмотря на многообразие исполнения (ария, трио, хор), она звучит как чувство одного человека – любящего, оставшегося в одиночестве. Особенно ясно его опустошенность явлена в инструментальной IX части. Захлебывающиеся рыдания перемежаются с призывом, мольбой и страстным признанием ушедшему в том, насколько он необходим, – чтобы затем неожиданно смениться надеждой. От этого внезапного проблеска становится еще острее следующий далее безысходный стон в пустоте, где вздымаются и опадают кажущиеся бесконечными волны тоски, – стон, как будто воз-

вращающийся от некоей преграды в свою обреченность. И после – тот же плач... Это произведение с невероятной точностью передает состояние одиночества. Эта мятущаяся пустота – мир, где нет близкого человека, это твоя комната в предрассветных тенях, где ты провел бессонную ночь, это само твое сердце с бессмысленностью ненужной любви – собственное небытие, ибо без друга жизни нет. От этой опустошенности – наибольшей тяжести – Краус на репетиции Кантаты потерял сознание, а придя в себя, дал, наконец, волю удерживаемым до того слезам...

Завершается композиция взрывом боли (трагическое пение хора с инструментальным апогеем), за которым сменяющиеся печаль, страх и тревога постепенно стихают в pianissimo – вечный покой отлетевшей души.

Погребальная симфония гораздо более сдержанна, но этим и страшна, ибо в сдержанности своей кажется лишенной сил и дыхания: это не плач, но усталость от плача, вырывающаяся из измученной скорбью и болезнью груди. Это произведение – свидетельство того духовного и телесного изнеможения, в котором композитор создавал свой дар памяти, сознавая тщету и его, и слез, и своей опустевшей жизни.

18 апреля 2012 г.

Йоханн Фридрих Хан

(1753-1779)

Жизнь и творчество Йоханна Фридриха Хана

Вступление

Тогда, как после иных поэтов остались в истории метры и метры строк – зачастую не представляющих ни художественной, ни, тем более, человеческой ценности, после Йоханна Фридриха Хана сохранилось полтора десятка стихотворений. Их было бы больше, но Поэт в состоянии глубокой меланхолии предпочел совершить духовное самоубийство – уничтожить свои работы, добровольно лишив себя земного бессмертия. Все в его жизни было потеряно, для чего – для кого – было сохранять эти произведения? Кто смог бы понять их? Кто смог бы понять его? Так наверняка думал он; так думает каждый, загнанный в тупик одиночества.

Как читателю, мне невыразимо жаль, что в каком-то огне сгорели чудесные вещи, которые могли бы порадовать меня – того самого человека, который понял бы произведения Хана и его самого. Но по-человечески я понимаю это аутодафе собственного дара: может быть, и лучше – не жить в лицемерной памяти этого мира?..

То же, что осталось, – бесценно: по своей

глубине и от своей единственности. Это малое позволяет нам увидеть – мельком, на миг – удивительную личность: пылкую, глубокую, сильную. Под поверхностью слов бьется, как искреннее сердце, неимоверная энергия, огромная духовная сила. Духовная сила – вот основное впечатление от Хана. «Полный силы и огня Хан» [Kraft- und feuervolle Hahn],[1] по точному определению графа Кристиана Штольберга. Душевный строй Хана был таков, что в другие времена он мог бы стать пророком, возвещающим новую веру, или доблестным вождем, призывающим к победоносной борьбе с врагом.

В этом юноше был заложен значительный личностный потенциал, и я не скажу, что он исполнил его лишь отчасти. Даже то малое, что осталось от его поэзии, – огромно. Эти немногие стихи ценнее по своему содержанию и выражению, чем многое из созданного другими. «Он мог бы стоять в ряду наших крупных поэтов»,[2] – писал о нем его товарищ Йоханн Мартин Миллер. Нет, он стоит в ряду крупных поэтов – по крайней мере, для меня, прочитавшей за двадцать лет множество стихов на разных языках, разных времен и на разные темы. В чем измеряется величие поэзии? В виртуозности исполнения? В образности мысли? В точности метафоры? В красоте языка? В глубине чувства? Или во влиянии, оказываемом на читателя?

Много существует стихов, затрагивающих чувства. Много стихов, заставляющих думать. А много ли таких, что придают силы *жить* – хотя бы не надолго?.. В этом тебе нет равных, Йоханн Фридрих Хан.

Жизнь Хана

Йоханн Фридрих Хан родился 28 декабря 1753 года в немецком городе Гиссен. Его отец, Йоханн Кристоф Хан (25 мая 1721 г., Оберроссбах – 12 февраля 1781 г.), был правительственным советником и советником Высшего апелляционного суда; мать звали Мария София Бопп (12 декабря 1724 г. – 21 февраля 1780 г.). Йоханн Фридрих был старшим из восьми детей, двое из которых умерли в раннем возрасте. Его братья и сестры:

– Франц Антон Йоханн Вильгельм (17 марта 1756 г., Гиссен – 1 января 1821 г., Оппенхайм).

– Каролина Фридерика (20 октября 1758 г. – 28 июля 1760 г.).

– Элизабет Луиза Вильгельмина (5 мая 1760 г., Цвайбрюкен – ?).

– Евфросина Каролина Катарина (14 февраля 1762 г. – ?).

– Мария Йоханетта Фридерика (19 августа 1763 г. – ?).

– Кристоф Людвиг Эрнст (24 сентября 1766 г. – 7 марта 1770 г.).
– Фридерика Элеонора (9 марта 1770 г. – ?).

Кроме того, с семьей проживала незамужняя сестра главы семейства Анна Элеонора.

Весной 1761 года Йоханн Фридрих Хан пошел учиться в гимназию в Цвайбрюкене. В школьных записях одного из учителей, М.Э.Х. Беркманна [M.E.H. Berckmann] содержатся следующие характеристики Хана: весной 1764 года и осенью 1765-го Беркманн отмечает ум Хана как «превосходный» [exquisitum] и «незаурядный» [haud vulgare], память как «замечательную» [egregia]; про характер пишет, что Хан «отличается дружелюбием и сердечностью» [comitate et affabilitate conspicui]. Также Беркманн записывает, что настроение Хана «нелегко поколебать, и он склонен к самоуглублению» [non facile flectitur magnosque habet recessus], «на взгляд не всегда отвечает» [vultui non semper respondet], «закрытый» [tectus].[3]

В гимназии Хан познакомился с бароном Карлом Августом Вильгельмом фон Клозеном, который стал его ближайшим другом до конца своей жизни. О Клозене известно немного. Он родился в 1756 году в Эсслингене-на-Неккаре. Его отец Людвиг Генрих фон Клозен (1725-1765) был офицером на голландской службе; мать звали Элизабет Шарлотта фон Ла-Рош-

Штаркенфельс. В 1765 году семья переехала в Цвайбрюкен. Из школьных записей о Клозене, осенью 1765 года: «красота юноши необыкновенна» [egregium decus iuvenatae], он «прежде возраста отличается мужественным духом и заботливостью» [ante annos animumque gerens curamque virilem], имеет «чрезвычайно мирный нрав» [mores placidissimi].[4]

22 апреля 1771 года Хан поступил в университет Гёттингена, на юридический факультет. 12 сентября 1772 года он организовал поэтический кружок "Hain," совместно с Йоханном Мартином Миллером, Готтлобом Дитрихом Миллером, Людвигом Генрихом Хёльти, Йоханном Томасом Людвигом Версом и Йоханном Генрихом Фоссом. Среди участников кружка особым уважением пользовался поэт Фридрих Готтлиб Клопшток, которому Хан писал письма от имени объединения. Впоследствии к кружку присоединились графы Кристиан и Фридрих Леопольд Штольберги, художник и поэт Фридрих Мюллер (заочно) и другие. Произведения участников кружка, включая самого Хана, публиковались в журнале "Musenalmanach," а также были внесены в рукописный журнал "Bundesbuch."

Кумир кружка Ф.Г. Клопшток был хорошего мнения о творчестве Хана. Граф Фридрих Леопольд Штольберг с братом Кристианом посещал его в сентябре 1773 года и цитировал его слова для Хана в письме к Й.Г. Фоссу от 19 сен-

тября 1773 г.: «Мы сказали ему, мой дорогой Хан, что Вы отбрасываете вещи, которые он мог бы посмотреть, и он, узнав о причине этого, сказал: “Хан слишком далеко заходит, он несправедлив к себе; его “Sehnsucht” особенно удачная вещь.” Ему очень любопытно увидеть “Оду королю” [An einen König]».[5] Сам Фридрих Леопольд Штольберг проявлял интерес к задуманной оде Хана под названием “Hermann”: «Мне невыразимо любопытно увидеть песни Хана из “Германна.” И его “Оду королю” мне надо иметь, она мне очень нравится»,[6] – писал он Фоссу 11 декабря 1773 года. 17 мая 1774 года, Фоссу: «Я очень многое ожидаю от его “Германа,” замысел которого мне чрезвычайно нравится».[7] 31 января 1775 года, тоже Фоссу: «Вернулся ли наш дорогой Хан в Гёттинген? Было ли это его намерением вернуться? Работает ли он над “Германом”? Это стихотворение будет поистине великолепным! То, что он рассказал мне в Гамбурге о своем плане, понравилось мне чрезвычайно».[8] Неизвестно, осуществил ли Хан свой замысел. Возможно, это произведение было уничтожено впоследствии либо не было создано вовсе. Творец нередко покидает замыслы, которые недавно занимали его: вдохновение непредсказуемо. То, что вчера казалось значимым, сегодня может потерять смысл вследствие объективных причин или труднообъяснимой для самого автора работы подсознания. Как писал Хан Фридриху

Мюллеру 23 декабря 1773 года: «Не было ли у Вас времен, когда Вы хотели сделать все в полной мере, загорались лишь при одной мысли о том, чтобы сделать, но от мыслей о том, как много Вы хотите сделать, не делали ничего?»[9] И мне знакома подобная увлеченность замыслом, когда почти постоянно размышляешь о нем, – чтобы, в конечном итоге, осознать, что исполнение будет его слабой тенью. Есть определенная преграда между идеей и ее осуществлением – как языковой барьер в общении. И чем выше требовательность к себе, тем труднее преодолеть эту преграду.

Что до самокритичности Хана, об этом упоминал Й.М. Миллер: «Он мог бы стоять в ряду наших крупных поэтов, если бы один его недостижимый идеал, всегда витавший пред его взором, и недоверие к самому себе, являвшееся следствием глубокой меланхолии, не помешали ему осуществить самые возвышенные, самые поэтичные замыслы».[10] Самокритичность Хана могла быть следствием строгого воспитания в семье: от него как старшего ребенка могли во всем требовать очень много, и выполнять все на пределе возможностей могло стать для него привычным. Кроме того, наверняка немалую роль сыграло его лицемерное окружение в студенческие годы, когда его сначала вознесли в кружке как гения, а потом на этом основании начали откровенно глумиться (очевидно, из зависти), вменяя ему

в вину задержки с письмами (когда у него не было денег на их отправку), подавленность из-за проблем, нежелание общаться с теми, кто его ранил, и т.д... Жаль, что катастрофическая требовательность к себе стала причиной уничтожения произведений; но, если судить о Хане как о человеке, эта его черта гораздо лучше, чем пустое самодовольство бездарей.

Помимо самокритичности, на Хана оказывали влияние и другие обстоятельства. Представьте себе жизнь в большой семье, увязшей в долгах из-за болезни кормильца, при собственном физическом нездоровье, без возможности трудоустроиться и выкарабкаться из этого бытового болота: какого вдохновения, какого интереса к своим замыслам, какого творчества можно ожидать?! Гнетущая обстановка дома, ежедневная забота о хлебе насущном и страх перед завтрашним днем убьют любое вдохновение и подавят любую волю к жизни. Как ни странно, но эти столь понятные обстоятельства не были понятны ни фальшивым «друзьям» Хана, ни разнокалиберным «-ведам», писавшим о нем впоследствии.

Если даже простые вещи не были понятны, то кто мог *сполна* понимать Хана и то, что он создавал? Кто мог понимать те трансцендентальные сферы, которые он затрагивал в своих стихах, как птица крылом – небосвод, и, главное, те стремления и терзания, что пылали в его душе и отсветами которых были его

стихи? Как поэт и как личность, Хан был намного глубже своих соратников по кружку. Настоящим другом Хана в годы учебы был только его верный Клозен.

Что до участников поэтического кружка, то Хан хорошо общался с обоими Миллерами, графом Фридрихом Леопольдом Штольбергом и Фридрихом Мюллером. От этого общения осталось небольшое поэтическое наследие: дружеский ответ Йоханна Мартина Миллера “Antwort an Friedrich Hahn”[11] (1772), патриотическое стихотворение Ф.Л. Штольберга “Die Freiheit. An Hahn”[12] (1773) и прекрасное посвящение Фридриха Мюллера “Nach Hahns Abschied”[13] (весна 1775). Благородный во всех смыслах Фридрих Леопольд Штольберг доброжелательно и непредвзято относился к Хану – в отличие от некоторых более мелких соратников по кружку. Для примера: в письме к Й.Г. Фоссу от 17 мая 1774 года есть незначительное, но милое упоминание Хана: «Я видел Хана одного только несколько часов после полудня, остальное время мы постоянно были в обществе. Добрый Хан!.. Какую боль причинило мне расставание с ним! Те несколько часов после полудня, что я провел с ним, незабываемы».[14] Речь идет о встрече в Гамбурге, куда Хан и Штольберг приезжали по делам.

Как поэт, Хан видел глубже и чувствовал яснее, чем его товарищи по кружку. Другие более или менее умело описывали поверх-

ность, он говорил о сущности. У него прекрасно получалось передать то, что он чувствовал, точно высказать свою мысль, а подчас – выразить невыразимое... Стихи Хана отличает удивительная внутренняя энергия. Кроме того, в них нет приторной сентиментальности, свойственной некоторым авторам того времени: его дух силен, а мысли искренни. Четкость слога, точность мысли, глубина видения и страстность выражения в некоторых произведениях бесподобны – как, например, в стихотворении “An Bardenhold beim Klavier” (ноябрь 1772), что посвящено Г.Д. Миллеру. Отметим, что автору было тогда неполных девятнадцать лет. Необыкновенная внутренняя сила отмечает стихотворение “Teuthard an Minnehold” (1772, адресовано Й.М. Миллеру). Там каждое слово неизбежно на своем месте, нет ничего лишнего или случайного, а ритм таков, что не сразу можно заметить отсутствие рифмы. Интересны краткие стихи Хана, где в нескольких нерифмованных строках переданы различные умонастроения – как точная зарисовка с натуры, что несколькими штрихами изображает полную картину. Лирические стихотворения Хана отличают искренность и яркость чувств – как, к примеру, “Erinnerung.” В этом стихотворении говорится о прощании Хана и Клозена: когда Хан уже учился в Гёттингене, Клозен оставался еще в Цвайбрюкене. Время от времени они виделись, а когда расставались, это

было для них столь тяжело, словно они прощались навсегда:

Воспоминание
В октябре 1772

Развей, о луна, свое облако, склони улыбающийся
Бледный лик – ласково, как улыбку утешения,
Когда оно торжествует
Над плачущей одинокой невинностью.

Ах, мой Клозен! О, самый любимый
Из всех, кого мое сердце любило, ты так улыбался
Сквозь слезы прощания
Мне своим последним, последним взглядом!

«Еще раз прижми свое сердце к моему,
О, самый любимый из всех, кого это сердце любило!
Еще раз!.. И более никогда!» –
Я воскликнул и, разрыдавшись, приник

К более сильной груди. Жарким был его поцелуй, а затем:
«Здесь более никогда, о друг! Зато наши
Будут смерть и Эдем, мой Дамон! –
Где больше не плачет любовь».

Как подавлен мой дух! Развей же, луна, свою грезу!
До самой могилы подавлен... Просияй мне надеждой

Смерти и вечного рая,
Где больше не плачет любовь.

Гёттинген находится на расстоянии примерно четырехсот километров от Цвайбрюкена. Разлучались друзья на несколько недель или месяцев. Но эти дни, когда они не виделись, эти километры между любящими сердцами были для них подобны вечной разлуке. Хан мечтает в своем стихотворении о рае, где «больше не плачет любовь» и где его Клозен всегда будет рядом с ним. Эта мечта зловещим образом сбылась слишком скоро... Самые сильные и, вместе с тем, страшные наши желания зачастую осуществляются с необыкновенной легкостью.

27 апреля 1773 года Клозен поступил в университет Гёттингена, на юридический факультет. Там он присоединился к поэтическому кружку Хана. К сожалению, практически ничего не известно о творчестве Клозена – кроме того, что он совместно с Й.М. Миллером и Й.Г. Фоссом писал в начале апреля 1775 года стихотворение “Frühlingslied eines gnädigen Fräuleins”[15]. Из участников кружка Клозен общался с Йоханном Мартином Миллером. В сборнике стихотворений Й.М. Миллера, изданном в 1783 году, есть стихи о Хане и Клозене – “Die Laube” (июнь 1773 г.) и “Die Laube. An Hahn und Closen” (октябрь 1773 г.). В первом из них

Миллер вспоминает о том, как он проводил время с Ханом и Клозеном под летней сенью прежде, чем Клозен уехал на время обратно в Цвайбрюкен:

Беседка
Июнь 1773

Как мы мирно отдыхали
В твоей темной тишине,
О, беседка! Все печали
Оставались в стороне.
Радость юности минувшей
Возвращалась к нам опять,
Снова исполняла души
Неземная благодать.

Геспер с неба к нам склонялся
Сквозь рассеянный туман.
Ах, как же светилась радость
В твоем облике, мой Хан!
Моя душа сливалась кротко
С душою Клозена твоего,
И его любовный шепот
В сердце мне вселял покой.

Мы отдали все надежды,
Чтоб сбылась одна из них:
Эту сладостную нежность
Ощущать, пока в живых,
Вместе жизнь пройти до края
И увидеть в смертный час

В сумрачных преддверьях рая
Одну могилу для трех нас.

Но увы! День расставанья
Неминуемо настал.
Долго он перед глазами
Тихим ужасом стоял.
Видел я, мой Хан, как друг твой
Помахал тебе рукой,
Как во взоре твоем грустном
Боль сверкнула вдруг слезой.

Клозен!.. Но увидим скоро
Друга снова мы с тобой.
Одинокий, где-то бродит
Он в слезах, ища покой...
И я сам! – однажды буду
На Дунае тосковать
По твоей любви, как чуду,
И улыбку вспоминать.

Но однажды лучик робкий
Промелькнет в ночи опять...
Один вечно, всегда в скорби,
Не останусь там блуждать.
Светом неземного дара
Просияет мне любовь,
И вернейших друзей пара
Эту грудь утешит вновь.

Приходите! Посажу я
Дерево на берегах,
И, когда зима минует
Оно будет все в цветах...

А сейчас один, как в клетке,
Буду жить я жизнь свою, –
Пока не встретимся в беседке
Мы у Господа в раю.

Кроме того, в сборнике Й.М. Миллера есть трогательное стихотворение, которое, по всей вероятности, обращено к одному Клозену – “Erinnerung an einen Jüngling” (1773).

В конце 1774 года Хан из-за материальных проблем своей семьи был вынужден оставить учебу и вернуться в Цвайбрюкен. Для него это было особенно тяжело оттого, что он оказался разлучен с Клозеном, который остался в Гёттингене продолжать обучение. В начале 1775 года Хан пишет письмо Й.Г. Фоссу с изложением своей ситуации: «Проценты по долгам нашей семьи отнимают немалую часть зарплаты моего отца, а кредиторы, которые больше не желают ждать, уже рассчитывают на его будущую квартальную зарплату. У меня четыре сестры, старшей из которых еще нет и пятнадцати лет. Я сижу здесь и тем самым способствую увеличению издержек и наших несчастий. Если мой отец будет жить, то он проживет лишь несколько лет. Все, что только может сделать печаль самого нежного сердца и самого порывистого характера, она уже сделала с его телом. Если мой отец умрет, кредиторы заберут всю мебель и все, что у нас есть, а

все то, что у нас есть, не оплатит и трети наших долгов. И тогда какой бог спасет мою мать и не получивших образование братьев и сестер от голодной смерти? Здесь продвижение для меня невозможно, и куда я пойду, если мой отец умрет, – я, кто должен быть опорой семьи?»[16]

Фосс по просьбе Хана обратился к графам Штольбергам, и те предоставили Хану средства, благодаря чему он весной 1775 года смог вернуться к учебе. С юридического факультета Хан перешел на теологический как более перспективный и завершил обучение летом 1776 года.

В декабре 1776 года Хан снова приехал из Цвайбрюкена в Гёттинген: чтобы быть возле своего Клозена, умиравшего от чахотки. На первый взгляд, кажется вполне естественным, что Хан приехал к другу, но для человека, насмотревшегося на чужое равнодушие, этот момент выглядит особенно важным. Когда иные безразлично оставляют умирать того, кто был им предан, Хан приехал, чтобы до последнего быть рядом. А ведь это и больно, и трудно – находиться возле умирающего. Видеть умирающим того, кого знал веселым и полным жизни. Сознавать, что на этот раз прощание – навсегда. Понять, что сердце, любившее тебя, остановилось... 21 декабря 1776 года Карл Август Вильгельм фон Клозен умер, в возрасте двадцати лет.

У Й.М. Миллера есть стихотворение “Der sterbende Jüngling an seine Freunde” [Умирающий юноша – к своим друзьям], датированное «Декабрь 1776 года».[17] В стихотворении двадцатилетний юноша, умирая, вспоминает свою жизнь и обращается к друзьям. С большой долей вероятности можно предположить, что это стихотворение – о Клозене. Там есть слова: «[...] несколько недель назад // Никто не цвел так, как я» [vor wenig Wochen // Blühte keiner, so wie ich]. Если строка соответствует действительности, то получается, что болезнь Клозена быстро усугубилась и уход оказался внезапным.

Нетрудно представить, как больно было Хану потерять Клозена... Йоханн Эгидиус Роземанн (1755-1830), знавший их обоих, писал в траурном стихотворении к Хану:

Отчего это тягостное молчание, о друг?
Отчего выражение глубочайшего горя в глазах?[18]

Это стихотворение (“An Fr. Hahn”), датированное 1776 годом, было опубликовано в 1786 году в “Musenalmanach,” который издавал Г.К. Бойе.

Еще задолго до ухода Клозена тема смерти звучала в стихах Хана. Он жил с этой мыслью, но вовсе не потому, что был склонен к меланхолии, а потому, что его друг был болен и, как Хан явно понимал, мог рано или поздно оста-

вить его одного в этом мире. К тому же он сам болел (вероятнее всего, тоже чахоткой). Хан и Клозен жили под сенью смерти.

Потеряв одного друга, Хан неожиданно обрел другого: где-то в ту же зиму 1776-77 гг. он познакомился с молодым композитором Йозефом Мартином Краусом, который в конце 1776 года приехал в Гёттинген учиться на юридическом факультете. Того же возраста, что был Клозен, тоже жизнерадостный, привлекательный и талантливый, Краус мог показаться Хану даром Божьим. По всей видимости, их отношения развивались стремительно: уже в апреле 1777 года Краус в своей работе о современной музыке "Etwas von und über Musik fürs Jahr 1777," перечисляя выдающихся, по его мнению, поэтов современности, называет (справедливо): «Граф Ф.Л. Штольберг, художник Мюллер, мой Х...»[19] «*Мой* Хан»: какая привязанность и гордость слышатся в этом застенчиво-недописанном, поставленном в самый конец фразы упоминании! Оно звучит по-особому интимно оттого, что сказано не в личном письме, а в работе, предназначенной для публикации. Словно Краус желал во всеуслышание заявить, что этот превосходный поэт и замечательный человек принадлежит ему. И – мило стеснялся написать полностью его имя.

Для Крауса Хан стал первым другом. В нем Краус встретил другого себя – обрел свое чело-

веческое осуществление. Молодые люди были счастливы. Хан познакомил Крауса с творчеством своих сотоварищей по Гёттингенскому кружку и с произведениями Ф.Г. Клопштока; Краус читал его собственные стихотворения – и, несомненно, в большем количестве, чем можем читать теперь мы. Краус любил поэзию и сам писал стихи; как же, должно быть, нравилось ему то, что его друг – столь талантливый поэт!

Хан нравился Краусу как поэт и как человек. Краус познал его сполна и ничем не был разочарован: «[...] единственный, кого я, к своему благу, полностью узнал – полностью, вплоть до малейшей детали, до мельчайшей черточки изучил [...]».[20] Тот факт, что Краус имел возможность полностью узнать Хана, свидетельствует одновременно как об открытости Хана и его доверии к Краусу, так и о проницательности и чуткости Крауса. По всей видимости, между ними не было никаких преград, и они могли доверять друг другу в полной мере. Не ошибусь, если скажу, что, кроме Клозена, Краус был единственным, кому мог доверять Хан и кто мог сполна понимать его. Остальные знакомые Хана, какими бы личностями или поэтами ни являлись, не были ему духовно близки.

Что касается Крауса, то никогда до встречи с Ханом он не знал счастья столь пылкой и крепкой дружбы – или, точнее, любви. Как он

мог казаться Хану небесным даром, так он сам мог считать встречу с Ханом лучшим событием в своей жизни. «Это много – повторяю – много, очень много – найти в своей жизни одного-единственного друга»,[21] – утверждал Краус. Найти того, кто всецело понимает тебя и кого понимаешь сам, как собственную душу; найти того, с кем можно делиться всем и кто все доверяет тебе; обрести того, с кем есть, о чем говорить и о чем молчать... Их встреча была чудом для них обоих.

Краус хотел быть рядом с Ханом: 20 мая 1777 года он сообщает родителям, что надеется найти работу в Цвайбрюкене – будь то должность учителя языка или даже писаря.[22] При этом у него был другой вариант, переданный ему через известного поэта Маттиаса Клаудиуса: место дирижера в Копенгагене. Неплохое предложение для двадцатилетнего музыканта! Кажется, любой другой с радостью согласился бы. Но Краус – поехал в Цвайбрюкен подыскивать себе место. Ради Хана он отказался от возможного успеха на музыкальном поприще и отправился в заштатный городок устраиваться на скромную работу, не соответствовавшую его природе. Хан был для Крауса – дороже музыки!

В начале июня 1777 года Краус посетил Цвайбрюкен, остановился в доме семьи Хана, познакомился с предполагаемым учеником – неким французом, который искал наставника

в немецком языке, разочаровался в этом французе и вернулся в Гёттинген. В письме домой (11 июня 1777 г.) он с досадой громит несостоявшегося ученика, а заодно – идею с Копенгагеном, которая теперь (когда ему хотелось столь малого!) явно казалась ему насмешкой судьбы.

После этого кажется невероятным новое намерение Крауса: 20 июля 1777 года он пишет родителям, что решил уехать в Швецию, чтобы подыскать себе место там. Как он мог оставить того, ради кого готов был пожертвовать творческим успехом? Здесь, увы, начинается сфера предположений. Известно лишь то, что, по крайней мере, между молодыми людьми не произошло ссоры, которая могла бы объяснить причину отъезда. Судя по тому, как Краус пишет о Хане родителям 3 апреля 1778 года, они расстались мирно: «На родине и повсюду, где я странствовал, сколько могу помнить себя, я нашел, кроме Вас, мои дорогие, одного-единственного человека, которого я бы желал, чтобы Вы любили так же, как и меня, – что является вернейшим знаком того, что он был другом, каких мало. Это молодой Хан из Цвайбрюкена – единственный, кого я, к своему благу, полностью узнал – полностью, вплоть до малейшей детали, до мельчайшей черточки изучил, и кто остался тем, кем и был, и ничего не утратил при разделении, ибо он весь – ха! – его образ – так безраздельно,

так глубоко во мне... Не могу выразить, как хотелось бы. И он – он был у меня взят, и с ним *всё*. Боже! Благодарю Тебя, ведь это много – повторяю – много, очень много – найти в своей жизни одного-единственного друга».[23] И далее: «Мало есть у меня на сердце, о чем я могу поразмышлять: Вы, мои братья и сестры и мой единственный друг...» Краус признает, что с Ханом он утратил всё: то есть *Хан был для него – всем*.

3 июня 1778 года Краус находился уже в Швеции. Можно понять, что чувствовал Хан, оказавшийся в одиночестве, у могилы любимого Клозена... Спустя полтора года после потери он мог заново пережить весь ее ужас. Пока он живет, он больше никогда не увидит Клозена, но – доживет ли встречи с Краусом?.. Хан был болен, болел и Краус: в апреле 1777 года у него случилось первое кровохарканье. Хан мог думать, что они тоже расстались навсегда.

Скучал и Краус. 10 сентября 1778 года он делится (насколько возможно) в письме к родителям: «Когда я по вечерам расхаживаю взад и вперед у моря, предоставленный самому себе и своей тоске, я сравниваю эти края со своей родиной, вспоминаю все свои дни, которые я по большей части так бесполезно, так жалко прожил, и представляю своих близких, от которых зависит все мое сердце, – и тогда образы, как призраки, витают передо мной и –

я плачу! Ха! Вы все не видите те слезы, которыми плачет безраздельное сердце, те, что отделены от меня морским простором...»[24] Как больно было ему осознавать эти огромные пространства, что отделяли его от того, что было ему дорого, – пространства, разделявшие его с самым близким человеком!..

Зачем Краус уехал? В письмах к родителям (где он, конечно, не мог быть полностью откровенным) он высказывает разные версии и однажды даже признает: «Я сам не понял, как здесь очутился» [Wie ich hieher kam, war ich unbekannt].[25] Может быть, он надеялся устроить свою жизнь и вместе с тем – совместную судьбу с Ханом? Заработать денег и вернуться или, наоборот, даже забрать его к себе...

4 марта 1779 года, после года безуспешных попыток найти себе должность, Краус пишет Хану: «Мне нечего было здесь делать; я мог уехать – и не сделал этого, накопил долгов – и теперь не могу уехать: причина, почему я сейчас пишу тебе то, что я хотел тебе сказать. То, что я часто думал о тебе – только о тебе. Ради тебя я покинул отца и мать, которые плачут обо мне, беглеце. Твой Краус».[26] В одиночестве и лишениях, с обострениями болезни, Краус думал о Хане – о том, кто был ему ближе и дороже всех... Что еще было сказано в этом письме, можно только предполагать, ибо оно не дошло до нас в полном виде.

Вместо ответа от Хана Краус получил пись-

мо от своих родителей с известием, что Хан умер, 30 мая 1779 года. Письмо Йозефа, которое пришло слишком поздно, было переслано им родителями Хана.

После отъезда Крауса Хан впал в непостижимую для посторонних меланхолию, забросил все занятия и уничтожил свои стихи. Те, кто не знал причины или просто был неспособен понять, называли его «ипохондриком». Расстаться с тем, кто заменил умершего любимого человека, остаться у могилы в кромешном одиночестве – без единого настоящего друга рядом, с хрупким здоровьем, материальными сложностями и неприятностями в семье (отец тяжело болел; возможно, и мать – судя по ее преждевременному уходу в феврале 1780 года) – этого более, чем достаточно, чтобы сломить самую стойкую волю к жизни. Хан пережил смерть Клозена, спустя полтора года после его ухода он расстался с другим дорогим человеком: что ценного оставалось для него в жизни? Ценна не жизнь как таковая, а то важное, что есть в ней. Хан все самое дорогое потерял. Под влиянием тоски и утраты воли к жизни поддалось его хрупкое здоровье. Краус писал о нем: «Более слабый телом и более пылкий духом, чем я».[27] У самого Крауса в то время, когда он был знаком с Ханом, уже было кровохарканье; как же хрупок тогда был Хан?!. Можно предположить со значительной степенью вероятности, что Хан был болен

чахоткой, ибо никакое другое заболевание не дает сочетания телесной слабости с душевным подъемом, с активизацией духовных сил, что было характерно для Хана. Под длительным воздействием негативных эмоций сопротивляемость иммунитета снижается, и туберкулез прогрессирует.

«Он, более слабый телом и более пылкий духом, чем я, в конце концов стал жертвой, а я остался ненужным и прозябал»,[28] – написал Краус про Хана в марте 1785 года своему новому возлюбленному, Йоханну Самуэлю Лидеманну. В том же письме Краус признается: «Я приковал себя к моему первому другу Хану, приковал навеки». «Навеки»: это сказано через семь лет после расставания и тому, кого Краус в то время страстно любил. Как же сильно он любил и ценил Хана, что новая любовь не затмила его образ!.. Как же сильно любил его Хан, что не пережил разлуку...

Йозеф Мартин Краус, взыскательный к людям, считал Хана своим настоящим другом и после его ухода хранил добрую память о нем: этого свидетельства достаточно, чтобы показать, каким человеком и каким другом был Хан. Что после этой оценки мнения некоторых безликих и лицемерных знакомых Хана, которые в силу своей душевной близорукости не были способны понять ни его, ни его произведения!.. Быть настоящим другом – это даже больше, чем быть гением. То, что Хан

был таким другом для Крауса, еще ценнее, чем то, что он написал или мог бы написать. Любовь Хана и Крауса важнее всякой поэзии.

В лице Йоханна Фридриха Хана Краус потерял единственного на тот момент друга, а литературный мир – выдающегося поэта. «Благородный Хан больше не живет. Если бы Германия знала его так, как знали друзья, то сколько слез было бы пролито над его могилой!»[29] – написал Йоханн Мартин Миллер в 1783 году в своем сборнике стихов.

Вместо послесловия: Йоханн Фридрих Хан в моем творчестве

Впервые я узнала о Хане 18 апреля 2012 года, когда читала о жизни Йозефа Мартина Крауса. В 2013 году я написала повесть о них – «Без друга жизни нет», с посвящением Хану. В то время у меня было достаточно материалов о Краусе, но не было ничего о Хане. Я знала лишь годы его жизни, место учебы и то, что писал о нем Краус. Как о личности, мне не было известно о Хане ничего, и в повести я изобразила его так, как представляла. Только 28 декабря 2024 года я смогла, наконец, найти его стихи и письма, а в последующие несколь-

ко месяцев по крупицам собрала еще некоторые материалы. Его стихи помогли мне выбраться из депрессии, вызванной непреодолимыми обстоятельствами.

Как теперь вижу, я не ошиблась в описании характера Хана в моей повести. Что же касается причины расставания Хана и Крауса, в той книге я представила неправдоподобную версию (выбор между другом и творчеством), ибо она казалась мне наиболее подходящей для литературного произведения. Повесть написана на основе реальных событий, но, тем не менее, это художественное произведение, в котором всегда присутствует доля вымысла.

Кроме того, в моем первом сборнике стихов и переводов «Только слово живет» (2013) есть одно стихотворение о Хане (18 апреля 2012 г.). По совпадению, оно стилистически напоминает краткие стихи самого Хана:

Гибель

Брат,
прильнувший нежностью к сердцу:
таково было твое бытие,
оборвавшееся
одиночеством.

В моем шестом сборнике стихотворений "Songs from Afterlife" будут помещены неско-

лько стихов о Хане и переводы его произведений на английский и русский.

Что до данного биографического очерка, то первоначально моей целью было предварить им издание стихов и писем Хана в оригинале и с моим переводом на английский и русский. К сожалению, мне не удалось собрать все его материалы (я писала запросы в учреждения, где они хранятся, но это ни к чему не привело), поэтому я изменила цель, ограничившись данным очерком и выборочными переводами материалов Хана. Есть горькая ирония в том, что этим делом занялась я, тогда как его соотечественники – разнокалиберные литературоведы – зачастую лишь возносили на него хулу, не пытаясь (или, скорее, не будучи способными) оценить его как личность и как поэта. «Нет пророка в своем отечестве...» Да и есть ли отечество у истинных творцов? Бог – их отец, и Вечность – их Родина.

Краус писал: «Это много, очень много – найти одного-единственного друга...» Найти одного истинного читателя – это тоже много, Фридрих. Надеюсь, что во мне ты обрел такого читателя.

Твои стихи

Мили и мили
чьих-то страниц,
написанных ради славы

или звонкой монеты,
не стоят
нескольких строк,
созданных твоим любящим сердцем.

Твои стихи заставляют меня чувствовать.
Твои стихи заставляют меня улыбаться.
Твои стихи заставляют меня жить –
хотя бы на одно мгновение.
Но одно мгновение радости –
это целая Вселенная
для того, кому больно.

Твое сердце говорит с моим.
Твоя душа соприкасается с моей.
Ты протягиваешь руку мне –
затерянной в ледяном одиночестве
этого нечеловеческого мира.

30 марта – 4 мая 2025 г.

Примечания

[1] Christian Graf zu Stolberg, “Kurzer Lebensumriß des Grafen Friedrich Leopold zu Stolberg. Aus dem XXII. Heft der Zeitgenossen besonders abgedruckt.” Leipzig, 1821, c. 13.
[2] Johann Martin Miller, “Gedichte.” Ulm, 1783, c. 37.
[3] Albert Becker, “Zur Lebensgeschichte und Charakteristik Johann Friedrich Hahns (1753-1779),” в “Germanisch-Romanische Monatsschrift.” 1911, c. 181.
[4] Там же, c. 182.
[5] “Briefe Friedrich Leopolds Grafen zu Stolberg und der Seinigen an Johann Heinrich Voß.” Münster, 1891, c. 3.
[6] Там же, c. 8.
[7] Там же, c. 17.
[8] Там же, c. 30.
[9] “Gedichte und Briefe von Johann Friedrich Hahn.” 1880.
[10] Johann Martin Miller, “Gedichte.” Ulm, 1783, c. 37.
[11] Там же, c. 41-42.
[12] “Gedichte der Brüder Christian und Friedrich Leopold Grafen zu Stolberg.” Wien, 1821, c. 18-19. Со сноской, написанной составителем: «Хан – замечательный швабский юноша, умерший слишком рано».
[13] “Gedichte von Maler Friedrich Müller.” Jena, 1873, c. 8-10.
[14] “Briefe Friedrich Leopolds Grafen zu Stolberg und der Seinigen an Johann Heinrich Voß.” 1891, c. 17.
[15] “Der Göttinger Dichterbund. Dritter Teil.” Stuttgart, 1895, c. 355-357.
[16] “Gedichte und Briefe von Johann Friedrich Hahn.” 1880.
[17] Johann Martin Miller, “Gedichte.” Ulm, 1783, c. 407-410.
[18] “Musenalmanach” (H.C. Boie), c. 159-162, подписано как «J.Ae. Klöntrup».
[19] Joseph Martin Kraus, “Etwas von und über Musik fürs Jahr 1777.” Frankfurt am Main, 1778, c. 35.
[20] Irmgard Leux-Henschen, “Joseph Martin Kraus in seinen Briefen.” Stockholm, 1978. Письмо к родителям, 3 апреля

1778 г., с. 205.
[21] Там же.
[22] Irmgard Leux-Henschen, “Joseph Martin Kraus in seinen Briefen.” Stockholm, 1978. Письмо к родителям, 20 мая 1777 г., с. 193.
[23] Irmgard Leux-Henschen, “Joseph Martin Kraus in seinen Briefen.” Stockholm, 1978. Письмо к родителям, 3 апреля 1778 г., с. 205.
[24] Irmgard Leux-Henschen, “Joseph Martin Kraus in seinen Briefen.” Stockholm, 1978. Письмо к родителям, 10 сентября 1778 г., с. 213.
[25] Irmgard Leux-Henschen, “Joseph Martin Kraus in seinen Briefen.” Stockholm, 1978. Письмо к родителям, 8 мая 1779 г., с. 221.
[26] Irmgard Leux-Henschen, “Joseph Martin Kraus in seinen Briefen.” Stockholm, 1978, с. 218.
[27] Irmgard Leux-Henschen, “Joseph Martin Kraus in seinen Briefen.” Stockholm, 1978. Письмо к Й.С. Лидеманну, март 1785 г., с. 305.
[28] Там же.
[29] Johann Martin Miller, “Gedichte.” Ulm, 1783, с. 37.

Стихотворения Йоханна Фридриха Хана

Воспоминание

В октябре 1772

Развей, о луна, свое облако, склони улыбающийся
Бледный лик – ласково, как улыбку утешения,
Когда оно торжествует
Над плачущей одинокой невинностью.

Ах, мой Клозен![*] О, самый любимый
Из всех, кого мое сердце любило, ты так улыбался
Сквозь слезы прощания
Мне своим последним, последним взглядом!

«Еще раз прижми свое сердце к моему,
О, самый любимый из всех, кого это сердце любило!
Еще раз!.. И более никогда!» –
Я воскликнул и, разрыдавшись, приник

К более сильной груди. Жарким был его поцелуй, а затем:
«Здесь более никогда, о друг! Зато наши
Будут смерть и Эдем, мой Дамон! –
Где больше не плачет любовь».

---

[*] Барон Карл Август Вильгельм фон Клозен (1756-1776).

Как подавлен мой дух! Развей же, луна, свою
грезу!
До самой могилы подавлен... Просияй мне
надеждой
Смерти и вечного рая,
Где больше не плачет любовь.

Барденхольду* за фортепиано

В ноябре 1772

Для кого, возлюбленный, этот серебристый мотив?
Как танцует под него юноша! – которому радость
Принесут блаженные годы
Из будущего.

Играешь ли ты для меня? О, вниз – до того, что
холод
Охватит мои плечи; вниз – до эха вздохов,
Которые полночь катит глухо
Сквозь пустынные своды смерти.

Это больше безумия, и скоро, скоро исполнится
Мольба моей души и взора утешенье...
Часто ангел небесный
Нисходил предо мною...

С тех пор, как я сказал это, ты сыграл больше нот,
Чем осталось часов, бьющихся сквозь мое сердце...

---

* Готтлоб Дитрих Миллер (1753-1822).

Ах! Ты издеваешься!.. И если это
Безумие, – о, покинь, покинь меня, друг!

Было б этих часов еще больше... Я на коленях
молил,
Чтоб они возвратились; молил, чтоб они
Не затащили меня
Под выводок змей,

Что уже раздуваются и в мою сторону брызжут,
Где благородства уже не осталось; чувствую
сердцем,
Что, как и твоя, его душа
Была бы моей и моя – его.

Ты все же далек от меня! Глубже, о еще глубже
Опусти свой смычок, чтобы мой дух воспарил
В ужасе своей надежды;
Скоро исполнение; будет, будет оно!

И ты не будешь от меня вдалеке, возлюбленный,
Когда, близ осуществленья надежды,
Мой лик в смертном поту будет счастливей,
Чем при жизни в слезах радости, –

Счастливей, когда томленье, пылая, в последний
раз
Промчится сквозь мои члены, и ноги мои
задрожат,
И тогда ты склонишься надо мною,
Будто над мучеником.

Не пугайся, мой верный, холода умирающего,
Дай руку! И тогда сквозь раздавленное сердце –

Еще одно содроганье любви,
И – смотрит прах.

Останься! Ты дрожишь? О, останься, останься,
любимый!
Эта легкая, ноющая боль… Ах! Это летящая
братская душа
Еще раз нежно обтекает
Твой облик.

Вечер

Он летит, о солнце, молча поникнув главою, –
Твой златокудрый юноша-день, вместе с тобой;
И сгущаются сумерки скорбно вокруг, и сон
Заставил умолкнуть в гроте уста самого Эха,

Что и песнь моя не пробудит у него созвучия
грезы.
Лишь для тебя, творец счастья, звучит
Ликованье земли! Видишь, твой облик
Обращается прочь, и нисходит затишье.

Как златом сияет, словно отблеск бессмертья,
Торжественный луч, с которым ты исчезаешь!
Ты смотришь назад и с нежной улыбкой
Благословляешь землю опять.

Успокоение

Бог – это Бог любви!
Каждой судьбы – Бог-Отец!
И – я плачу?..

Перед сном

Это забвение близкого сна?..
Эта мягкая боль забытья?..
Напрасное утешенье! Позднее
Я неизбежно проснусь.

Симпатия

Сходство, симпатия,
Неразделимо!.. Даже будь это иллюзией…
Как гремело великолепие дня!
Мой дух был одинок. Приветствую тебя,
Полночь!

Увещевание

Могила!
Да, ты величайшее из всех утешений.
Мое утешение!..
Но еще больше – без утешения
Не плакать.

Письма
Йоханна Фридриха Хана

Фридриху Готтлибу Клопштоку

От имени союза

Гёттинген, 24 марта 1774 г.

Когда дубы шелестели, сердца стучали, луна озаряла нас, и союз во имя Бога, свободы и Отечества пылал в нашем поцелуе и рукопожатии, – уже тогда мы это предчувствовали и говорили друг другу: «Бог нас благословил». Великий человек! Вы хотите быть среди нас! Ах, теперь это уже больше не предчувствие – это истина: Бог нас благословил! Иначе мы не можем говорить, если наше сердце должно говорить, а в этот раз ему будет позволено говорить. Бог нас благословил! Это убеждение было не только при первом впечатлении, мы ощущаем его также, когда мы спокойно пребываем вместе, смотрим друг на друга и горячее любим друг друга, говоря: «Среди нас *Клопшток*!» Но затем пробуждается нетерпение ожидания, и его было бы трудно преодолеть, если бы благодарность за то, что есть, не наполняла наши сердца заново и всецело. Бог

нас благословил! Среди нас *Клопшток*!

Союз

Фридриху Готтлибу Клопштоку

Цвайбрюкен, 25 декабря 1774 г.

Даже если бы исход Вашего письма к Каспарсону был самым счастливым, я не мог бы поблагодарить Вас более сердечно, чем я благодарю Вас даже без этого, отец мой, отец мой Клопшток!

Мой дядя обещает очень мало; но, насколько я знаю его, он не выполнил бы и этого малого, даже если бы я все еще желал выполнения. Сейчас я у своих родителей. Фосс написал Мумсену с просьбой выдать аванс на издание будущего альманаха. Прежде чем тот успел ответить, заместитель директора фон Эйнем в Мюндене предложил половину. Вскоре после этого пришел ответ от Мумсена, что сделало предложение Эйнема излишним, и Бойе был любезен принять это в качестве оплаты моих долгов. Перевод Оссиана, который я подготовлю этой зимой и который опубликует шурин Бойе, – единственный способ, коим я собираюсь заплатить Эйнему.

Как я здесь живу? С каким сердцем? Вы то-

же теряли друзей, и Вы знаете Клозена [Вероятно, Хан имеет в виду временную разлуку с Клозеном]. Какими глазами здесь смотрят на каждого, кто не является врагом изящных искусств, Вы можете себе представить, если я Вам скажу, что человек немалой репутации мог бы в публичном собрании, не выглядя смешным, утверждать, что все актеры – лицемеры, так как они изображают императоров и королей, хотя никогда не носили корону на голове и не держали скипетр в руке. У меня нет еще никаких возможностей получить здесь продвижение, и я не особенно этого хочу.

Ваше письмо мне еще не переслали; но как только оно придет в Гёттинген, то я точно знаю, что оно будет у Клозена, и я его скоро получу.

Ляйзевиц, насколько я знаю, написал только дважды пару строк в Гёттинген. Он был одно время в Брауншвейге, потом в Ганновере, после чего уехал обратно в Брауншвейг.

Здесь говорят, что герцог Вюртембергский пригласил Вас к себе. Если бы я знал время Вашего возвращения в Карлсруэ, то я был бы у Вас так скоро, так только возможно, отец мой Клопшток!

Хан

Мой отец, который не желает ничего сильнее, чем увидеть Вас перед своей кончиной,

кланяется Вам. Мой отец не облагается почтовым сбором, поэтому Вам не нужно больше франкировать Ваши письма.

Йоханну Генриху Фоссу

[Цвайбрюкен, начало 1775 г.]

Смотри, дорогой Фосс, развлечения моей судьбы, моя небрежность и, прежде всего, убеждение, что мои друзья не нуждаются в моих письмах, чтобы знать мое сердце, снова повлияли на меня так, что это мое первое письмо к тебе.

Мы обещали друг другу не жаловаться, но позволь сказать только это: *вы* были моими друзьями, и я не могу больше дружить ни с кем иным. У *меня* тоже, как у Вертера, было сердце, чтобы с любовью обнять мир. Мир отверг его, и с любовью, предназначенной обнять целый мир, оно обнимало только вас, обнимает только вас и сейчас, а также мою семью; но с этим обнимает и все страдания, которые способна ощущать моя душа. И только *эти* страдания, которые я не в силах вынести, могли одолеть меня настолько, что я, может быть, сейчас встречу твои упреки, каких никогда прежде не встречал, но я встречу их спо-

койно, ибо они не могут *коснуться* меня. Упреки в том, что я не подумал бы о тебе, если бы не нуждался в твоей помощи. И ты это действительно сделаешь, Фосс?.. Но я хочу закончить:

Клопшток написал мне, я хотел бы посетить его, мой отец не желает ничего сильнее, Карлсруэ лишь в 9 милях отсюда, но пока не удалось собрать достаточно денег на дорогу. Миллер [Готтлоб Дитрих Миллер] одолжил мне в Вецларе 10 гульденов, и до сих пор не удалось отправить ему и половины. Проценты по долгам нашей семьи отнимают немалую часть зарплаты моего отца, а кредиторы, которые больше не желают ждать, уже рассчитывают на его будущую квартальную зарплату. У меня 4 сестры, старшей из которых еще нет и 15 лет. Я сижу здесь и тем самым способствую увеличению издержек и наших несчастий. Если мой отец будет жить, то он проживет лишь еще несколько лет. Все, что только может сделать печаль самого нежного сердца и самого порывистого характера, она уже сделала с его телом. Если мой отец умрет, кредиторы заберут всю мебель и все, что у нас есть, а все то, что у нас есть, не оплатит и трети наших долгов. И тогда какой бог спасет мою мать и не получивших образование братьев и сестер от голодной смерти? Для меня продвижение здесь невозможно, и куда я пойду, если мой отец умрет, – я, кто должен быть опорой

семьи?

На основе этого представь себе жизнь семьи, в которой из всех несчастий, что могут выпасть на долю смертным, остались только нищенство и голодная смерть. И простишь ли ты меня теперь за столь позднее письмо, и упрекнешь ли ты меня, Фосс?

Изучение теологии – единственное возможное решение. Но как? На что? Ты обещал по получении за альманах 1000 талеров выдать мне 200. Если альманах будет издан, то это будет точно. Но это занимает слишком много времени, и если это действительно займет так много времени, то почти наверняка мой отец не доживет до моего возвращения. Еще аванс может быть необходим. Штольберг и Ляйзевиц – единственные, кто может помочь. Мне хватило бы 200 талеров. Это составляет 10 луидоров каждый квартал. Как? Если бы спросить Штольберга и Ляйзевица, не может ли каждый из них давать авансом 5 луидоров каждый квартал. Если они могут, то им следует быстро выслать их за первый квартал. Затем вы высылаете мне 6 из них на дорогу, и так я был бы на Пасху у вас. Ты получишь это письмо в субботу, а в понедельник ты мог бы написать им обоим и попросить ответить с первой почтой. Спроси Штольберга, может ли он, если Ляйзевиц не даст 5, дать авансом 10. Расскажи ему о моей судьбе в Гёттингене и здесь и скажи ему, почему я не пишу ему сам.

В четверг я напишу опять. Сожги мое письмо.

Хан

Бойе не следует иметь ни малейшего понятия обо всем этом. Клозен может писать мне все, но он должен вложить свое письмо в двойной конверт. Клозен, ответь мне в воскресенье! – и все, что ты хочешь.

Сообщи мне в воскресенье через Клозена, напишешь ли ты в понедельник Штольбергу. Клозену я напишу в четверг.

Фридриху Готтлибу Клопштоку

После моего возвращения я должен был написать многим, я хотел написать всем и – всем сразу, но не написал никому. То, что бессердечие не могло сыграть никакой роли в этом промедлении, я не мог бы доказать другим более убедительно, чем не написав также и Вам. У меня не было оснований бояться подозрений с Вашей стороны, Вы видели, как я прощался с Вами, отец мой Клопшток!

Отъезд Шприкманна был настолько поспешным, что я Вам только это могу сказать.

Хан

Гёттинген
8 марта 1776 г.

Мне очень нравится Шприкманн. Он не знает моих обстоятельств, и я не хотел бы, чтобы о них знало больше людей, чем те, кто уже знает. Не могли бы Вы сказать об этом Фоссу?

Фридриху Мюллеру

Цвайбрюкен, 20 октября 1776 г.

Дорогой Мюллер!

Пылкий, честный, искренний Мюллер превратился в плута, в холодного, все прошедшее презирающего, забывчивого человека. Это удивительно, это безответственно! Действительно, зачем Вам цвайбрюкенец? Какая Вам польза иметь друга в Цвайбрюкене, когда в других местах довольно друзей, имеющих вес и репутацию? Но я не хочу обижать старых знакомых и относиться к ним с таким презрением. Я знал одного крестьянского мальчика, который был так вежлив и общителен, когда я навещал его отца (который был весьма богатым человеком), что я часто задавался вопросом, откуда у этого молодого человека такие хорошие манеры, такая любящая, доверчивая сущность?

Недавно я встретил этого парня перед ка-

раульным помещением у нижних ворот. «Эй, Адам, – обратился я к нему, – ты здесь, да еще в солдатской форме? Как это произошло?»

Я полагал, что он, с присущей ему любезностью, расскажет мне подробную историю своего преображения. Но вместо этого он дал весьма незначащий ответ, а выражение его лица словно говорило: «Господин, будь добр, я – мушкетер, а больше не такое ничтожное существо, как прежде!»

Так мало зачастую у бедного человека оснований для гордости. Вы, конечно, согласитесь со мной, что этот парень за плугом, заботящийся о благе своего отечества, своих родителей, братьев и сестер, заслуживает большего уважения, чем стоя перед караульным помещением там, где никакого вражеского нападения не ожидается.

Я часто искал, как иголку в стоге сена, причины, по которым Вы кажетесь таким отчужденным от нас, держитесь так отстраненно, и воистину не нашел ни одной более утешительной, чем эта: Вы не хотите больше жить в дружбе с нами, потому что мы Вам теперь больше не нужны.

Простите меня! Я не хотел сказать Вам ничего резкого, но переполненное сердце часто против воли допускает подобные резкие вещи.

Если человек однажды достиг точки, когда он больше не нуждается ни в чьей помощи, больше не чувствует радости старого знаком-

ства и чувствует себя выше суетности, то он поистине счастливый человек – и велик в таком смысле, что я ему не завидую.

Но достаточно, если Вы счастливы и довольны этим; ведь, в конечном итоге, неважно, каким человек был, довольно того, что он есть.

Поначалу у меня было желание написать еще более резко, но я думаю, Вам достаточно и Вы больше не посчитаете, что мы так же равнодушны к старым друзьям, как Вы. Если этот урок пойдет Вам на пользу, то Вы снова будете приняты. Если нет, – что ж, был у меня когда-то друг, Мюллер звали, стихи сочинял, идиллии писал и отрекся.

Ваш покорнейший слуга Хан

Материалы
Йоханна Фридриха Хана

Стихотворения

Teuthard an Minnehold [Й.М. Миллеру]
Sehnsucht
Erinnerung
An Bardenhold beim Klavier [Г.Д. Миллеру]
Beruhigung
Vor dem Schlaf
Sympathie
Ermannung
Klopstock (“Hinausgeschwebt ist er durch alle Sonnenhöhen”)
Klopstock (“Da steht er still und hoch”)
Der Abend
Der Eichenkranz

Вышеперечисленные стихотворения опубликованы в 1880 г. (“Gedichte und Briefe von Johann Friedrich Hahn”). Другие стихотворения:

An einen Pfeifenkopf [Universitätsbibliothek Freiburg].
An einen König [Universitätsbibliothek Freiburg].
Der Tugend-Sänger [Albert Becker, “Zweibrücken: Ein unbekanntes Gedicht des Hainbündlers

Johann Friedrich Hahn (1753-1779),” Germanisch-Romanische Monatsschrift, 1913, с. 220].

Письма

Фридриху Мюллеру, Гёттинген, 23 декабря 1773 г.
Ф.Г. Клопштоку, от имени кружка, Гёттинген, 27 декабря 1773 г.
Ф.Г. Клопштоку, от имени кружка, Гёттинген, 24 марта 1774 г.
Ф.Г. Клопштоку, Гёттинген, 21 июля 1774 г.
Ф.Г. Клопштоку, Гёттинген, 30 июля 1774 г. – 4 августа 1774 г.
Ф.Г. Клопштоку, Цвайбрюкен, 25 декабря 1774 г.
Й.Г. Фоссу, Цвайбрюкен, начало 1775 г.
Ф.Г. Клопштоку, Гёттинген, 8 марта 1776 г.
Фридриху Мюллеру, Цвайбрюкен, 20 октября 1776 г.
Фридриху Мюллеру, Цвайбрюкен, 26 января 1777 г.

Вышеперечисленные письма опубликованы в 1880 г. (“Gedichte und Briefe von Johann Friedrich Hahn”). Другие письма:

Э.Т.Й. Брюкнеру, 1773 [Freies Deutsches Hoch-

stift – Frankfurter Goethe-Museum].
Э.Т.Й. Брюкнеру, Гёттинген, 18 октября 1773 г. [Freies Deutsches Hochstift – Frankfurter Goethe-Museum].
Й.Ф. Бойе, Гёттинген, 11 июля 1774 г. [Schleswig-Holsteinische Landesbibliothek].

Записи в памятных альбомах

Альбом Карла Фридриха Крамера, Гёттинген, 15 июля 1773 г.
Альбом Карла Готтхильфа Хана, Гёттинген, 5 ноября 1773 г.
Альбом Йоханна Антона Ляйзевица, Гёттинген, 2 июня 1774 г.
Альбом Йоханна Томаса Людвига Верса, Гёттинген, 16 октября 1774 г.

Материалы Карла Августа Вильгельма фон Клозена

Запись в альбоме Карла Фридриха Крамера, Гёттинген, 15 июля 1773 г.

Запись в альбоме Йоханна Антона Ляйзевица, Гёттинген, 2 июня 1774 г.

Письмо к неизвестному адресату, Гёттинген, 1 февраля 1775 г. [Staats- und Universitätsbibliothek, Hamburg, Carl von Ossietzky; Literaturarchiv].

Письмо к Йоханну Мартину Миллеру, Гёттинген, 25 июня 1776 г. [Stadtarchiv Hannover].

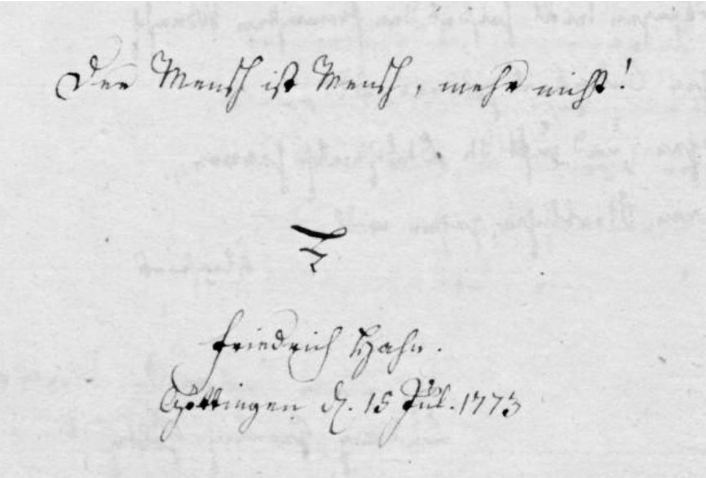
Письмо к Антону Маттиасу Шприкманну, Гёттинген, 9 августа 1776 г. [Universitäts- und Landesbibliothek, Münster, Westfallen].

Письмо к Антону Маттиасу Шприкманну, Гёттинген, 13 августа 1776 г. [Universitäts- und Landesbibliothek, Münster, Westfallen].

ILLUSTRATIONS

Joseph Martin Kraus in 1775, Erfurt.

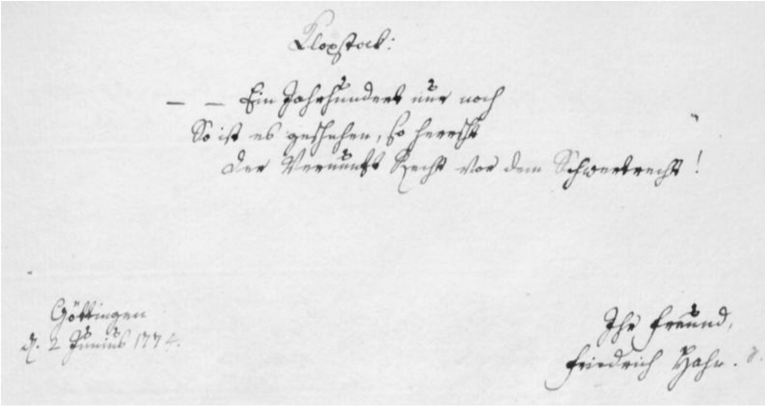
Joseph Martin Kraus in 1777.


Der Mensch ist Mensch, mehr nicht!

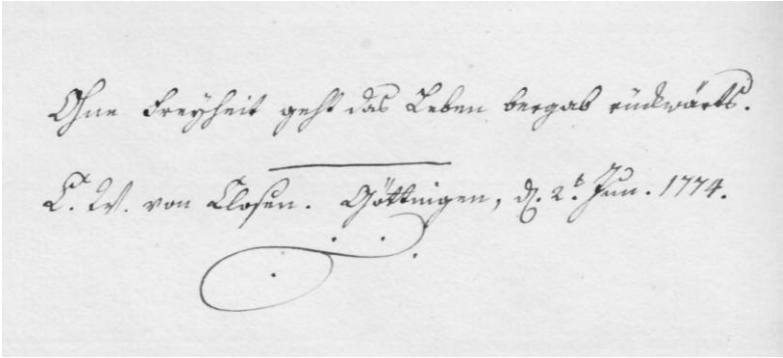
Z

Friedrich Hahn.
Göttingen d. 15 Jul. 1773

J.F. Hahn’s entry in the friendship album
of Carl Friedrich Cramer.
Göttingen. July 15, 1773.


Klopstock:
— — Ein Jahrhundert nur noch
So ist es geschehn, so herrscht
der Vernunft Recht vor dem Schwertrecht!
Göttingen
d. 2ten Junius 1774.
Ihr Freund,
Friedrich Hahn.

J.F. Hahn’s entry in the friendship album
of Johann Anton Leisewitz.
Göttingen. June 2, 1774.



Ohne Freyheit geht das Leben bergab rückwärts.

C. A. W. von Closen. Göttingen, d. 2t. Jun. 1774.

C.A.W. von Closen’s entry in the friendship album
of Johann Anton Leisewitz.
Göttingen. June 2, 1774.

TABLE OF CONTENTS

In English:

Joseph Martin Kraus

The Romantic Life of Joseph Martin Kraus 7
The Music of Eternity 50

Johann Friedrich Hahn

The Life and Works of Johann Friedrich Hahn 73
Poems by Johann Friedrich Hahn 101
Letters of Johann Friedrich Hahn 106
The materials of Johann Friedrich Hahn 115
The materials of Carl August Wilhelm von Closen 118

In Russian:

Йозеф Мартин Краус

Романтическая жизнь Йозефа Мартина Крауса ... 123
Созвучия вечного 170

Йоханн Фридрих Хан

Жизнь и творчество Йоханна Фридриха Хана 193
Стихотворения Йоханна Фридриха Хана 224
Письма Йоханна Фридриха Хана 229
Материалы Йоханна Фридриха Хана 239
Материалы Карла Августа Вильгельма фон Клозена 242
Illustrations/Иллюстрации 243

About the author

Olga Kawecka (b. 1987) is a historian, translator, poet, and prose writer. She speaks sixteen languages (English, German, Spanish, Italian, French, Swedish, Danish, Norwegian, Portuguese, Galician, Catalan, Latin, Aramaic, Pashto, Nahuatl, and Russian). She has authored twenty books, including seven collections of poems, a biography of Thomas Edward Lawrence (Lawrence of Arabia), an essay on the Dyatlov Pass incident, a photo book about the old Catholic cemetery in Grodno (Belarus), a novel about Joseph Martin Kraus and Johann Friedrich Hahn, etc.

The cover: Guido Reni, *St. Francis Consoled by Angelic Music* (1605-1610), a fragment.

Text, translation, design, layout © 2025 by Olga Kawecka

All rights reserved. No part of this work may be reproduced or utilised in any form or by any means, electronic or mechanical, including photocopying, recording or by any information storage and retrieval system, without the prior written permission of the author.